

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Якименко Екатерина Романовна

**ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ЦАРИЦЫНА 1920-Х ГОДОВ:
ИСТОКИ И ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ**

10.01.01 – русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Н. Е. Тропкина

Волгоград, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ИСТОКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ЦАРИЦЫНА	8
1.1. Место пролетарской поэзии начала 1920-х годов в литературном процессе.....	8
1.2. История Царицынской ассоциации пролетарских писателей.....	19
1.3. Литературные и фольклорные традиции в пролетарской поэзии Царицына.....	45
Глава 2. ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ЦАРИЦЫНА	70
2.1. Производственное пространство в произведениях пролетарских поэтов Царицына.....	70
2.2. Пространство природы в произведениях царицынских поэтов 1920-х годов.....	87
2.3. Пространство города в пролетарской поэзии Царицына.....	101
2.4. Антропологическое пространство в творчестве поэтов ЦАПП.....	106
2.5. Библейские и мифологические мотивы и образы в художественной системе пролетарской поэзии Царицына.....	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	137
Приложение 1. Сведения о пролетарских поэтах Царицына.....	166
Приложение 2. Тексты пролетарских поэтов Царицына 1920-х годов.....	180

ВВЕДЕНИЕ

Исследование художественной словесности во всей ее полноте предполагает обращение не только к наиболее значительным художественным текстам, но и к произведениям, составляющим периферию литературного процесса. К числу последних можно отнести пролетарскую поэзию Царицына начала 1920-х годов, **актуальность** исследования которой обусловлена рядом факторов.

Во-первых, для того чтобы объективно составить наиболее полное представление о феномене пролетарской литературы первой половины 1920-х годов, необходимо отказаться от ее тенденциозного рассмотрения, присущего как советскому, так и постсоветскому литературоведению.

Во-вторых, нуждается в более пристальном рассмотрении образный строй произведений пролетарских поэтов, поскольку большинство исследователей уделяли преимущественное внимание идеологическому контексту, который сопутствовал их творчеству.

В-третьих, актуальность работы определяется возросшим в последние годы интересом литературоведения к локальному тексту как к разновидности сверткста (Н.Е. Меднис). Проблема специфики литературных произведений, отражающих жизнь провинциальных городов России, активно изучается с позиций регионального литературоведения. С этих позиций и необходимо рассмотреть творчество пролетарских поэтов Царицына, которое является органичной частью царицынского текста русской литературы.

Объектом исследования являются произведения пролетарских поэтов Царицына, созданные и опубликованные в первой половине 1920-х годов.

Предмет исследования – система мотивов и образов, наиболее характерных для стихотворных произведений пролетарских поэтов Царицына первой половины 1920-х годов.

Материалом исследования послужили произведения пролетарских поэтов Царицына, опубликованные в изданиях местного отделения

ассоциации пролетарских писателей: журнале «Пламя» (1923–1925 гг.), литературном еженедельнике «Факел», царицынской губернской газете «Борьба» (1921–1925 гг.), в отдельных изданиях начала 1920-х годов. В диссертации использованы материалы Государственного архива Волгоградской области и Центра документации новейшей истории Волгоградской области.

Цель работы состоит в том, чтобы, проанализировав литературные и фольклорные истоки, выявить особенности образного строя пролетарской поэзии Царицына.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить на материале творчества поэтов ЦАПП место, которое занимает пролетарская поэзия первой половины 1920-х годов в литературном процессе;

2) изучить историю возникновения и этапы развития пролетарской поэзии Царицына;

3) выявить литературные и фольклорные традиции в творчестве пролетарских поэтов Царицына;

4) проанализировать систему мотивов и образов, наиболее репрезентативных для произведений царицынских поэтов начала 1920-х годов.

Методологической основой работы явились труды литературоведов советского времени (П.С. Выходцев, Л.В. Долженко, К.В. Дрягин, К.Л. Зелинский, В.А. Келдыш, В.Л. Львов-Рогачевский, А.Н. Меньшутин, Ю.Д. Нестеров, Л.С. Николаева, Н.В. Осьмаков, З.С. Паперный, В.П. Раков, А.П. Селивановский, А.Д. Синявский, Л.М. Фарбер, И.С. Эвентов и др.) и постсоветского периода (М.А. Левченко, Е.А. Добренко и др.), посвященные исследованию пролетарской поэзии; работы, в которых рассматриваются история литературы Царицына (В.Г. Зеленина, В.Б. Смирнов и др.) и

специфика царицынского текста русской литературы (Е.С. Бирючева, А.Х. Гольденберг, Н.Е. Рябцева, В.И. Супрун, Н.Е. Тропкина и др.).

Методы исследования обусловлены поставленными в работе целями и задачами. Использовались методы традиционного историко-литературного анализа при изучении истории Царицынской ассоциации пролетарских писателей; метод мотивного анализа при выявлении наиболее характерных для пролетарской поэзии Царицына мотивов и образов; системный метод, включающий целостный анализ лирического стихотворения, при рассмотрении отдельных произведений пролетарских поэтов Царицына.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринято литературоведческое исследование пролетарской поэзии Царицына; выявлена система мотивов и образов, наиболее характерных для стихотворных произведений царицынских пролетарских поэтов; введены в научный оборот материалы, связанные с историей Царицынской ассоциации пролетарских писателей, с жизнью и творчеством входивших в нее поэтов.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней углубляется и развивается представление о локальном тексте русской литературы; вносится вклад в изучение образного строя, в частности, хронотопа, лирической и лироэпической поэзии.

Практическая значимость работы определяется тем, что представленные в ней материалы могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории русской литературы XX века, спецкурсов по региональному литературоведению, в практике подготовки элективных курсов по литературному краеведению в средней школе; при подготовке научных изданий произведений пролетарских поэтов.

Положения, выносимые на защиту:

1) пролетарская поэзия первой половины 1920-х годов занимает промежуточное место в развитии русской литературы XX века: с одной стороны, в ней преодолевается сложившийся художественный канон

Пролеткульта, с другой – формируется система мотивов и образов, характерных для советской поэзии 1930–1950-х годов;

2) создание, развитие, самоопределение и художественная практика ЦАПП обусловлены принадлежностью ее и к пролетарской поэзии в целом, и к царицынскому тексту, обусловленному в 1920-х годах ролью города как индустриального центра юго-восточного региона;

3) истоки пролетарской поэзии Царицына восходят к традициям русской демократической литературы и городского фольклора;

4) в поэтических произведениях пролетарской поэзии Царицына складывается устойчивая система мотивов и образов: производственного, природного, урбанистического, антропологического пространства.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования; репрезентативен материал исследования, который включает широкий круг художественных текстов пролетарских поэтов Царицына; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей в Москве, Волгограде, Санкт-Петербурге, Чите, Ростове-на-Дону, Оренбурге.

Апробация работы и публикации: концепция, основные идеи и результаты исследования были представлены в ходе выступлений с докладами на V и VI международных научных конференциях «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2009, 2011), III Международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Чита, 2010); IV Международной научной конференции «Восток – Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре» (Волгоград, 2011), IX Международной научной конференции «Литература в диалоге культур» (Ростов н/Д., 2011), на Международной

научно-практической конференции студентов и аспирантов «Филологические чтения» (Оренбург, 2014). По теме диссертации опубликовано 19 работ.

Структура работы. Работа включает введение, две главы, список использованной литературы, включающий 330 позиций, и два приложения. Приложение 1 включает биографические сведения о пролетарских поэтах Царицына. Приложение 2 – тексты их произведений, а также ряд архивных документов, относящихся к истории Царицынской ассоциации пролетарских писателей.

Глава 1.

ИСТОКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ЦАРИЦЫНА

1.1. Место пролетарской поэзии начала 1920-х годов в литературном процессе

Пролетарская поэзия – часть более широкого историко-литературного явления, известного как пролетарская литература. Пролетарская поэзия как литературоведческая дефиниция и как явление словесности, история ее формирования и развития, ее роль в русской литературе XX века сложны и противоречивы. Понятие «пролетарская литература», сама возможность ее существования и особенности развития – все это не раз становилось предметом активной дискуссии, что нашло отражение в заголовках статей в периодике разного времени – «Что такое пролетарская культура и мыслима ли она?», «Культура и культурничество», «Пролетарская или пролеткультовская?» и многие другие.

Пролетарская литература в своих теоретических постулатах и художественной практике – явление неоднозначное. Единой позиции в подходе к нему не было, как не наблюдалось и единой культурной предпосылки для формирования концепции пролетарской или социалистической культуры.

Можно выделить несколько проблем, связанных с пролетарской литературой – в разные годы они являлись предметом полемики. В этом ряду – проблема самой возможности создания пролетариатом собственного искусства, критерии принадлежности авторов к пролетарскому искусству, вопрос об эстетической ценности произведений поэтов-пролетариев, об их месте в литературном процессе.

Одним из первых теоретиков, на основании идей которого формировалась и развивалась сама идея существования пролетарской литературы, был Г.В. Плеханов. В статье «Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти» Г.В. Плеханов обосновывает идею классовой природы

литературного творчества и его прямой привязанности к сословной принадлежности автора: «Поэзия и вся изящная литература предшествовавшей общественной эпохи была у нас преимущественно поэзией высшего дворянского сословия. Я говорю: «преимущественно», так как были блестящие исключения из этого общего правила; достаточно назвать Кольцова. Но эти исключения всеми встречались именно как исключения, и потому подтверждали общее правило» [Плеханов 380].

Показательно, что Г. Лелевич, один из главных идеологов и теоретиков пролетарской литературы, апеллирует именно к идеям Г.В. Плеханова. В статье «Г. В. Плеханов и задачи марксистской литературной критики», написанной в августе 1924 года, он обращается к полемике между Л.Д. Троцким и Г.В. Плехановым: «Проблема создания пролетарского искусства вызывает вопрос о том, мыслимо ли создание искусства в революционную эпоху. При этом очень часто ссылаются на Великую Французскую революцию. Тов. Троцкий обосновывает невозможность создания пролетарского искусства примером французской революции, якобы не создавшей своего искусства. А вот что мы читаем по этому поводу у Плеханова: «Очень не прав был бы тот, кто <...> решил бы, что революционный период был совершенно неблагоприятен для развития искусства... Жестокая борьба, которая велась тогда не только «на границе», но и на всей французской территории от края до края, оставляла гражданам мало времени для спокойного занятия искусством. Но она вовсе не заглушила эстетических потребностей народа, – совершенно наоборот. Великое общественное движение, сообщившее народу ясное сознание своего достоинства, дало сильный, небывалый толчок развитию этих потребностей» [Лелевич 1924].

В этой же статье Г. Лелевич затрагивает принципиальный для трактовки самой дефиниции «пролетарская литература» вопрос о критерии принадлежности писателя к пролетарской литературе: «Характерно, что

Плеханов не совершает здесь ошибки, очень распространенной в наших рядах. Многие товарищи подменяют проблему создания пролетарской литературы проблемой выдвижения отдельных писателей из рабочих и крестьян. Плеханов совершенно определенно говорит не о поэте, персонально вышедшем из рядов пролетариев, а о поэте пролетариев, т.е. о художественном идеологе пролетариата, при чем вопрос о его личном происхождении играет уже второстепенную роль» [Лелевич 1924].

Необходимо отметить, что в начале XX века сама возможность создания пролетарского искусства многократно вызывала сомнения. Так, А.Н. Потресов в начале 1910-х годов заявил, что пролетарское искусство не может быть создано, ибо сам пролетариат некультурен, а интеллигенция не сможет проникнуться его психологией. Этот круг идей отразился в статьях А.Н. Потресова – «О литературе без жизни и о жизни без литературы (Трагедия пролетарской культуры)», «Еще к вопросу о пролетарской культуре». М.В. Михайлова пишет: «Потресов поставил под сомнение возможность возникновения пролетарской литературы в настоящем, поскольку рабочий не имеет времени для занятий художественным творчеством, полностью отдает свое внимание практической революционной работе» [Михайлова 2013: 39].

Размышляя над вопросом «Что такое пролетарская культура и мыслима ли она», Л.Д. Троцкий сомневается, что у пролетариата хватит времени на создание пролетарской культуры. Каждый господствующий класс создает свою культуру, что требует большого времени и достигает завершенности в эпоху, предшествующую политическому упадку класса. По мнению Л.Д. Троцкого, в эпоху диктатуры о создании новой культуры, т.е. о строительстве величайшего исторического масштаба, не приходится говорить. «Хватит ли у пролетариата попросту времени на создание «пролетарской» культуры? – спрашивал он. – В отличие от режима рабовладельцев, феодалов, буржуа диктатуру свою пролетариат мыслит как

кратковременную переходную эпоху» [Троцкий 1991: 146]. Сколько может длиться эта эпоха? «В мировом масштабе не месяцы, а годы и десятилетия – десятилетия, но не века и тем более не тысячелетия» [Троцкий 1991: 146]. Может ли пролетариат в такой период построить свою развернутую культуру? Троцкий пишет: «Сомнения на этот счет тем более законны, что годы социальной революции будут годами ожесточенной борьбы классов, где разрушения займут больше места, чем новое строительство» [Троцкий 1991: 146]. Отсюда Троцкий делает вывод, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет. «Во всяком случае, те 20-30-50 лет, которые займет мировая пролетарская революция, войдут в историю, как тягчайший перевал от одного строя к другому, но никоим образом не как самостоятельная эпоха пролетарской культуры» [Троцкий 1991: 149]. И далее вообще отказывается называть это литературой: «Творчеству пролетарских поэтов не хватает органичности, которая дается только глубокой взаимосвязью искусства с состоянием и развитием культуры в целом. Это литературные произведения одаренных или талантливых пролетариев, но это не пролетарская литература. Может быть, это, однако, один из истоков ее? <...> творчество заводских поэтов много органичнее, в смысле своей связи с жизнью, бытом и интересами рабочей массы. Но все же это не пролетарская литература, а лишь письменное выражение молекулярного процесса культурного подъема пролетариата. <...> Рабкоры, местные поэты, обличители выполняют великую культурную работу, разрыхляя почву и подготавливая ее для будущего посева. Но полноценная культурная и художественная жатва будет уже – к счастью! – социалистической, а не «пролетарской»» [Троцкий 1991: 158].

Всесторонняя разработка теории «пролетарской культуры», включение ее в практику общественной деятельности принадлежит философу, экономисту, ученому-естествоиспытателю, теоретику Пролеткульта, автору «Всеобщей организационной науки» А.А. Богданову

(Малиновскому). Его теория пролетарской культуры оказала значительное влияние на русскую литературу 1920-1930-х годов, прежде всего на теоретиков пролетарской литературы, ее поэтов и прозаиков. Это влияние оценивалось по-разному, но его значимость, негативную или позитивную, трудно отрицать. В резолюции «Пролетариат и искусство», предложенной А. Богдановым на Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций и принятой единогласно при одном воздержавшемся, было написано: «Искусство организует посредством живых образов социальный опыт не только в сфере познания, но также и в сфере чувства и стремлений. Вследствие этого оно самое могущественное орудие организации коллективных сил, в обществе классовом – сил классовых» [Пролетарская культура. 1918. № 5: 32].

Сквозным принципом создания пролетарской поэзии можно назвать коллективное творчество. В своем труде «Пролетариат и искусство» А.А. Богданов утверждает, что поэт-коллективист будет говорить не только о пролетарской жизни, а именно вся жизнь и весь мир будут содержанием его поэзии. Отсюда и берет начало планетарный размах пролетарской поэзии. То, что идеолог называет строительным коллективизмом, в более поздние годы определялось понятиями «космизм», «планетарность», «всемирность». Теория А.А. Богданова во многом строилась на понимании мира как поля для преобразования, на отождествлении жизни с силами стихий.

В статье «Простота и утонченность» А.А. Богданов разбирает поэму М. Герасимова «Мона Лиза». Говорится о том, что она написана не только не для рабочих, но и даже не для передовых пролетариев: они не станут ломать головы над метафорами и намеками автора, вроде ребусов, а пройдут мимо как занятые люди. Трудно уловить общую идею поэмы, а также ее содержание. Однако не оставляет без внимания и то, что «Вл. Ходасевич, разбирая стихотворную технику Герасимова (в журнале “Горн”,

№ 2-3), указывает, как на его прямых учителей, на Бальмонта, Брюсова, Белого, отмечая, что только через них слышатся у него косвенные звуки наших классиков; Львов-Рогачевский отмечает еще А. Блока, “под очевидным влиянием которого написана Мона Лиза” (особенно по отношению к замыслу и построению поэмы)» [Богданов (Малиновский) 1990: 454]. И далее сказано, что пролетарский поэт «воспринимает свой класс через ближайшую товарищескую среду – своей фабрики, союза, партии; для него это не просто чужие люди и не досадные конкуренты, среди которых надо пробиться, а сотрудники в деле жизни... Пролетарский поэт, следовательно, носит в себе свой коллектив, сливается с ним душой, с ним работает в поэтическом творчестве, как во всяком другом труде и борьбе. Стремление быть ясным для него неизбежно; ибо ясность - это доступность коллективу, это элемент коллективизма» [Богданов (Малиновский) 1990: 455]. Здесь Богданов останавливается на простоте формы. Она наиболее естественна и нормальна для пролетарского художника, наиболее соответствует его социальной природе. И снова ссылается на классиков, у которых нужно учиться, если решишь в пользу простоты формы: у Пушкина, Лермонтова, Байрона, Шиллера, Гете. Но если рассматривать «утонченность» произведения со всеми ее составляющими, можно обратиться к опыту Бальмонта, Брюсова, Блока, Белого и других. Так как основное содержание пролетарской поэзии – вся жизнь рабочего класса, то «новый художник должен выражать, организованно воплощать в образах, создавая из их ткани новую живую связь для своего классового коллектива, связь, способную дальше расти и расширяться до общечеловеческой» [Богданов (Малиновский) 1990: 450].

Задача теоретика Пролеткульта – установить границы и рамки пролетарского искусства. А.А. Богданов считает, что пролетарское искусство нужно отличать от крестьянского. В основных способах мышления у рабочего и крестьянина имеются глубокие различия.

Пролетариат – это социальный класс, построенный на сотрудничестве поколений, крестьянство подвержено индивидуализму, личным интересам частной собственности. «Посмотрите на крестьянскую поэзию, – уже не говорю про дореволюционную, – а на самую современную, левоэсеровскую, хотя бы «Красный Звон», сборник талантливых поэтов Клюева, Есенина и других. Тут всюду фетишизм «землицы», основы *своего* хозяйства: тут и весь Олимп крестьянских богов - и Троица, и Богородица, и Егорий Храбрый, и Никола Милостивый; а затем - постоянное тяготение к прошлому, возвеличение таких вождей неорганизованной, стихийной силы народа, как Стенька Разин... Все это как нельзя более чуждо сознанию социалистического пролетариата» [Богданов (Малиновский) 1990: 439]. Но далее Богданов уточняет, что существует немало поэтов-рабочих, которые начинали с крестьянской поэзии, затем оттенки их творчества менялись, как и сознание коллективиста, и индивидуальные переживания не входят в поле его зрения. В качестве примера рассматриваются стихотворения пролетарского поэта В. Торского «Село», «Утро» и «Осень». В центре первого стихотворения автор из среды пролетариата, но переживает за родное село и любит родным краем. Во втором стихотворении присутствует новое восприятие действительности, лес для автора является коллективом. В последнем – осень воспринимается глазами коллективиста. Подтверждающим фактом переходности поэта от крестьянских заимствований к пролетарскому стилю повествования становится наиболее крупное произведение В. Торского (Царева М.Д.), пользовавшееся огромной популярностью – поэма «Парижская коммуна» (1921 г.).

Взгляды Богданова на пролеткультуру связаны с его мировоззрением. Богданов выработал своеобразную теорию пролетарской культуры, ничем не отличающейся от бесклассовой культуры будущего социалистического общества. Эта пролетарская культура, по его мнению, должна стать условием прихода к власти рабочего класса. Известно, что с А.А.

Богдановым по этому, как и по многим другим вопросам, активно полемизировал В.И. Ленин. Он связывал культурное строительство пролетариата с его политической борьбой и рассматривал начало массовой культурной революции как задачу «на другой день» после захвата власти.

«Идейная эволюция Богданова показывает ошибочность мнения, что классовый подход “неизбежно притупляет интерес к человеческим качествам, необходимым для созидания <...>. Подчеркивая, что пролетариат – “класс-разрушитель лишь по внешней необходимости, созидатель по самой природе своей”, Богданов не только выдвигал на первый план именно “строительные” (а не “боевые”) задачи рабочего класса, но и перед лицом угрозы эскалации насилия отказался от признания классовой борьбы главной движущей силой перехода к социализму... не мог согласиться с высказыванием Маркса, что рабочим придется пережить 15,20,50 лет гражданских войн и международных столкновений, чтобы изменить существующие условия...» [Гловели 1990: 21].

Мы не случайно остановились на круге идей А.А. Богданова, его взглядах на пролетарскую литературу: его влияние на творчество поэтов-пролетариев, в том числе и царицынских авторов, очевидно.

Л.Д. Троцкий, критикуя А.А. Богданова, делал акцент на том, что «партия, которая претендует, не без некоторого, надеемся, основания, на идейную гегемонию, не вправе отделяться в этом вопросе дешевеньким чистоплюйством» [Троцкий, 1991:174].

Считая союз рабочих, крестьян и мелкобуржуазной по происхождению интеллигенции главным условием победоносной революции, Л.Д. Троцкий был уверен, что художественное творчество, которое будет находиться под непосредственным внушением этого процесса, внесет в культурное становление ценные главы. «Именно потому, что революция рабочая, она слишком мало рабочих сил освобождает для искусства... Интеллигенция обладает привилегией пассивной политической

позиции, с большей или меньшей степенью враждебности или доброжелательства к октябрьскому перевороту. Не мудрено, что эта созерцательная интеллигенция больше могла дать и дает в области художественного отражения революция, чем пролетариат, который ее совершал» [Троцкий, 1991:169]. А.А. Богданов же проводит пограничную линию со стороны интеллигентского социализма, говоря о том, что трудовая интеллигенция вышла из буржуазной культуры, над ней и для нее работала, на ней воспиталась, ее принцип – индивидуализм, в котором не ощущается никакого сотрудничества. Если его допустить, то интеллигент может занять авторитарное положение руководителя, организатора работы, а элемент авторитарности неизбежно сохраняется в буржуазном мире и его культуре [см.: Богданов (Малиновский) 1990: 442].

Большинство последователей А.А. Богданова стремились реализовать его теорию и программу создания пролетарской культуры. «Революционный переворот резко активизировал культурно-творческие искания идеологов “нового мира” и пролеткультовский проект явился первым концептуально завершенным. Основные принципы пролетарской культуры состояли, по Богданову, в следующем: культурная преемственность (“сотрудничество поколений”) путем критической переоценки культурного наследия; достижение демократизации научного знания; развитие критического мышления у рабочего класса и эстетических потребностей на основе социалистических идеалов и ценностей; товарищеское сотрудничество; самоорганизация рабочего класса. Однако, богдановский проект, востребованный революционной эпохой, будучи отчужденным от своего создателя, начал жить собственной жизнью, включаясь в иные, чуждые его первоначальной логике социально-культурные и художественно-эстетические контексты» [Карпов 2003: 104].

Одной из устойчивых и наиболее очевидных особенностей пролетарской литературы называли принадлежность ее создателя и ее

читателя к рабочему классу. В.М. Фриче на вопрос: «Что такое пролетарская поэзия?» отвечал: это «поэзия, творимая поэтами из рабочего класса, поэтами, вышедшими из этого класса и, по крайней мере, временно бывшими рабочими» [Фриче 1919: 5]. Однако и этот критерий не раз подвергался сомнениям и был предметом полемики.

Новый писатель, по А.А. Богданову, может и не принадлежать к рабочему классу по происхождению и статусу, но способен выразить основные принципы нового искусства – товарищество и коллективизм. С позиций советского литературоведения анализирует теорию и практику Пролеткульта: «Некоторые лидеры организации (П.К. Бессалько, В.Ф. Плетнев и др.) отрицали профессионализм, провозглашали, что нужен пролетарий-художник с чистым классовым пролетарским мировоззрением, оценивали произведения искусства с позиций классовой целесообразности, отождествляли культуру с производственно-трудовой деятельностью, видели в культуре общепольное прикладное назначение. Руководители Пролеткульта пытались опереться на наиболее грамотные слои рабочего класса – индустриальный пролетариат, игнорировали крестьянство как слой мелкобуржуазный, а потому неспособный участвовать в создании новой культуры» [Николаева 1997: 18].

Идеи А.А. Богданова, по замечанию Г.А. Белой, часто доводятся теоретиками и практиками Пролеткульта до абсурда [см.: Белая 2004].

В 1920-х годах пролетарская литература становится предметом активной, порой ожесточенной полемики, в которой с разных позиций принимают участие критики, теоретики литературы и непосредственно организаторы и руководители литературных группировок. Г. Лелевич писал: «Год 1923 в русской художественной литературе ознаменовался не только "производством" целого ряда более или менее крупных вещей, но и значительными идеологическими боями, придавшими русской литературе вид настоящего фронта» [Лелевич 1925: 9]. Один из организаторов и

активных участников Царицынской ассоциации пролетарских писателей, Н. Золотухин, к творчеству которого мы обратимся ниже, в статье «Годовой опыт (Литературная студия “Пламя” за 1924 год)» также отмечает: «Ведь до сих пор еще в крупных центрах Союза Республик идут непрерывные критические споры о пролетарской литературе, о том, какой должна быть пролетарская литература вообще и поэзия, в частности» [Пламя. 1925. № 1: 16]. Литературные споры, которые вернее было бы назвать боями на литературном фронте, достигали в 1920-х годах высокого накала. Эта полемика детально изучена в отечественном литературоведении [см.: Шешуков 2013; Белая 2004 и др.].

Художественная практика пролетарской литературы осуществляется в рамках Пролеткульта, а позднее – объединений пролетарских писателей, что подробно рассмотрено в ряде исследований [см.: Полякова 1973; Долженко 1984; Левченко 2001 и др.]. После ликвидации Пролеткульта создается литературное объединение «Кузница». В декабре 1922 года В. Малашкин, А. Безыменский, А. Жаров опубликовали письмо о выходе из группы «Кузница» и создании новой литературной организации. «Несколько мелких групп пролетписателей – «Октябрь», «Молодая гвардия», «Рабочая весна» и др. – провели организационную конференцию и создали МАПП, которая вскоре разрослась и преобразовалась в РАПП. Руководители РАППа были тесно связаны с высшей партийной властью, приближены к ЦК ВКП(б) и ОГПУ, откровенно провозглашали своей целью подчинение литературы партийной идеологии и стремились к власти над литературой» [Малыгина 2005: 47]. Перипетии литературной борьбы как в рамках пролетарских писательских объединений, так и за их пределами, борьбы, которая нередко оборачивалась трагедией для художников, написано немало, особенно в постсоветские годы. Для нас важно другое – пролетарской литературное движение, которое начиналось с идей просветительских, с идеи вовлечения в литературный процесс пролетариев,

людей труда, прежде всего физического труда, достаточно скоро бюрократизировалось, место идеи «культуры пролетариата» все чаще занимает идея «культы пролетариата». Однако короткий период начала 1920-х годов был тем временем, когда спонтанно возникающее массовое творчество пролетариев поощрялось, культивировалось, и вместе с тем оно создавалось в условиях относительной свободы от идеологических догм и партийного диктата. Именно к этому периоду относится создание и деятельность Царицынского отделения ассоциации пролетарских писателей или, как ее иначе именовали, Царицынской ассоциации пролетарских писателей.

История ее создания и этапы развития, а также художественная практика пролетарских поэтов Царицына будут рассмотрены нами далее.

1.2. История Царицынской ассоциации пролетарских писателей

Датой основания города Царицына принято считать 2 июля 1589 г. С конца XVI до середины XIX века город выполнял роль сторожевой крепости, был торговым и не играл заметной роли в экономической и культурной жизни юга России. В 1708 году Царицын был приписан к Казанской губернии, с 1719 года – к Астраханской, а с 1773 года – к Саратовскому наместничеству. С 1780 года Царицын – уездный город Саратовского наместничества (затем губернии).

Начало активным изменениям в жизни уездного города Царицына было положено в 1862 году, когда была построена Волго-Донская железная дорога. С этого времени начался бурный рост Царицына как индустриального центра. Дополнительным фактором, способствовавшим этому, стало начало работы Грязе-Царицынской железной дороги в 1870 году. Активное развитие индустрии в городе связано с нефтепереработкой, с 1884 года в Царицыне существовал нефтезавод, Нобелевский городок, включавший промышленную и жилую зоны. В 1881 году в городе был открыт паровой лесопильный завод. Показательно, что именно в Царицыне

в 1896 г. начало работать первое в России ремесленное училище, которое готовило слесарей и токарей.

В 1897 году было заложено первое в городе крупное промышленное предприятие – металлургический завод французского акционерного «Уральско-Волжского металлургического общества». Завод начал промышленную плавку металла в 1898 году. В городе его называли «Французским заводом», и лишь после 1905 года появилось название «ДЮМО» (Донецко-Юрьевское металлургическое общество).

В 1914 году в городе было начато строительство пушечного завода, концессию на постройку которого получила известная британская фирма «Виккерс». Завод должен был заработать в 1915 году, но война внесла в эти планы свои коррективы.

Исследователь-краевед А.П. Филиппова пишет: «Царицын накануне 1914 года был самым развитым промышленным городом юго-востока страны, его индустриальным центром» [Филиппова 2014: 4]. Царицын называли «русским Чикаго» [Агеева 2007]. Поэтому закономерно, что именно в Царицыне, в городе, где такую значительную часть населения составляли рабочие промышленных предприятий, формируется мощное движение пролетарских писателей, создается одно из крупнейших в стране отделений Ассоциации пролетарских писателей, издается журнал, значение которого выходит далеко за пределы региона.

Важно отметить, что в Царицыне не было сложившихся традиций дворянской культуры. Но с 1870-х годов культура и просвещение в городе активно развиваются: в 1872 году открывается театр, в 1915 г. – Дом науки и искусств, в 1883 году мужская гимназия, которая давала классическое образование. В 1917 в Царицыне было 2 мужские и 4 женские гимназии, учительская семинария, 2 реальных, среднетехническое, коммерческое, 2 ремесленных и 4 высших начальных городских училища, торговая и

художественная школы. «К 1914 году Царицын занимал первое место в губернии по уровню образования» [Филиппова 2014: 5].

С 1885 года в Царицыне выходила городская газета. На рубеже XIX–XX веков в городе издавался ряд местных газет. «В конце XIX века появляются «Волжско–Донской листок», «Царицынский вестник», в начале XX века – «Царицынская жизнь», «Царицынский путь», «Царицынская мысль», «Волго–Донской край» и другие» [Беседуя о славной старине 1989: 61]. В.А. Машевская пишет: «Книжная деятельность напрямую была связана с магазинами книг в Царицыне. Одним из самых известных книготорговых учреждений был книжный и писчебумажный магазин «Труд», принадлежавший И.К. Мухину. В магазине можно было купить книги, канцтовары, учебники, картины в рамах, фотоальбомы, столовые украшения, открытки, различные игры» [Машевская, 2013:56].

Книжная активность шла параллельно с развитием библиотечной отрасли. В.Ю. Зоткина отмечает, что «начало развитию библиотечного дела в Царицынском уезде Саратовской губернии было положено учреждением в 1888 г. Царицынской передвижной библиотеки. Однако еще в XVIII в. жители немецкой колонии Сарепта (ныне Красноармейский район города-героя Волгограда) имели свою публичную библиотеку» [Зоткина, 2010: 96], а также «в 1884 г., по данным дореволюционной газеты «Царицынский вестник», появилась идея организовать совместно с комитетом грамотности Вольного экономического общества первую публичную библиотеку Царицына (в уездном городе Саратовской губернии)» [Зоткина, 2010: 96].

«В статье волгоградского краеведа Г.П. Самойлова отмечалось, что 5 января 1894 г. библиотеку в Царицыне открыла госпожа А.И. Апабелова. Читальня была платной, поэтому она была доступна только людям с достатком. Городская публичная библиотека, учрежденная в 1896 г., должна была стать духовным и общественным центром Царицына. Вопрос о ее создании встал еще в 1895 г., но по различным причинам для читателей она

распахнула двери только в августе (23 июля по старому стилю) 1900 г. в здании 1-й пожарной части Царицына. К 1917 г. ее книжное собрание составило около 8923 томов» [Машевская 2013: 57]. Такой библиотечный ресурс имел существенное значение для развития культуры города и вызывал огромный интерес у всего населения.

В Царицынском уезде в начале XX века несколько тысяч населения было необразованным и малограмотным. «Именно на такую аудиторию была рассчитана значительная часть изданий крупнейшего книгоиздательства России «И.Д. Сытин и К^о». Сытин печатал много лубочной литературы. Большим спросом пользовались рассказы из русской истории и переложения былин «Илья Муромец», «Ермак – покоритель Сибири!», «Шут Балакирев» [Машевская 2013: 59].

По инициативе Л.Н. Толстого была создана издательская фирма «Посредник». Предполагалось, что целевой аудиторией будет читатель из народа. «Сытин взял на себя печатание и распространение книг этой фирмы, которые были необыкновенно дешевыми – оптовая цена составляла 80 копеек за сто экземпляров брошюр. Особенно много книжечек «Посредника» продавалось в Царицыне в дни ярмарок» [Машевская 2013: 60].

«Царицын, в последние десятилетия XIX столетия достигнувший существенных успехов в социально-экономическом, промышленном развитии, по своему культурному уровню оставался уездным городом, существенно отстававшим в развитии от своего бывшего губернского центра – Саратова, в котором к 1920-м годам было несколько местных периодических изданий, научных и образовательных учреждений, университет и т.д. Одним из немногих центров культурной и научной жизни Царицына являлся созданный в 1914 году краеведческий музей» [Кирсанов 2011: 49]. Памятник Н.В. Гоголю был торжественно открыт в центре города

в 1910 году, он стал первым и на то время единственным литературным памятником в Царицыне.

Важно констатировать, что город Царицын никогда не был «литературоцентричным», однако ряд фактов позволяет говорить о существовании в русской литературе царицынского текста. Он складывался и развивался по законам «локального текста», являющегося одной из разновидностей «сверхтекста». Н.Е. Меднис, охарактеризовала феномен сверхтекста как «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис]. Царицынский текст включал в себя произведения, связанные с темой Царицына, его историей и повседневной жизнью, творчество писателей, которые бывали в городе или, зная о нем, отразили его в своих произведениях и, наконец, творчество писателей и поэтов, которые жили и творили в Царицыне в течение значительного времени.

Существенная роль Царицына в национальной истории и национальном сознании определяет актуальный статус царицынского текста в русской литературе. Само понятие вводится в научный оборот в монографии А.Х. Гольденберга и Е.С. Бирючевой «Жизнь и литературная судьба И.Д. Сазанова», в частности, в главе «У истоков “царицынского текста”» [Гольденберг 2014: 123-131].

С городом Царицыном связана жизнь и творчество А.М. Горького. Сегодня станция Крутая, где Горький работал весовщиком, известна всем как станция «Максима Горького» или, как ее чаще называют горожане, «Максимка». Приезжали в Царицын и А.И. Куприн, В.Г. Короленко, а «в 1858 г. проездом в Царицыне побывал Александр Дюма» [Машевская 2013: 56].

В статье Н.Е. Тропкиной и Н.Е. Рябцевой отмечается: «В первой трети XX века актуальность царицынского текста в литературном пространстве

особенно очевидна, в связи с активной вовлеченностью Царицына в исторические события различного масштаба. С Царицыном связаны факты биографии и творчество писателей-прозаиков: М. Горького, А. Толстого, А.С. Серафимовича, А.И. Тарасова-Родионова и др.» [Рябцева 2015: 123]. Царицынский текст нашел отражение и в творчестве поэтов, причем не только в их стихотворениях, но и в дневниковых записях, переписке (А. Блок). История Царицына нашла отражение в поэме С.Есенина «Пугачев», в поэтических строках Б. Пастернака и В. Нарбута. Одним из самых ярких и значимых обращений к образу города стало стихотворение В. Хлебникова «Царицын», датированное 19 мая 1916 г. Оно связано с пребыванием поэта в Царицыне во время военного призыва. Эти факты нашли отражение и в письмах Хлебникова [см.: Рябцева 2015].

В рамках царицынского текста мы рассматриваем и творчество поэтов, которые входили в Царицынскую ассоциацию пролетарских писателей.

В годы революции и гражданской войны в Царицыне и его окрестностях разворачивались бурные события, которые описаны в истории и отражены в литературных произведениях. Судьба города начинает круто меняться. М.В. Кирсанов пишет «Царицынская губерния была одним из новых административно-территориальных образований, созданных советским правительством в годы гражданской войны. Она была учреждена приказом Военного совета Северо-Кавказского военного округа в 1918 году из Царицынского, Черноярского и Царевского уездов Саратовской и Астраханской губерний, в первую очередь, как военное объединение» [Кирсанов 2011:49]. Окончание гражданской войны и переход к мирной жизни, к созидательному труду стал важнейшим этапом развития города. В это время формируется и организационно оформляется движение пролетарских писателей Царицына, связанное с общим литературным движением пролетариата. Это проявилось в том числе в активной деятельности множества общественных организаций различной

направленности. Исследователь Л.Ю. Богачева классифицирует их по целям деятельности:

1. *Культурно-просветительские*: общество «Долой неграмотность», Культсмычка, Союз воинствующих безбожников, Общество народных университетов, Царицынское общество краеведения.

2. *Творческие*: Царицынская Ассоциация пролетарских писателей, Ассоциация художников революционной России (Царицынское отделение).

3. *Общества помощи и взаимопомощи*: Российское общество Красного Креста, Крестьянские общества взаимопомощи, Общество «Друг детей», Международная организация помощи борцам революции.

4. *Оборонно-спортивные*: Всесоюзное общество друзей воздушного флота, Общество друзей химической обороны и химической промышленности, Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства, Общество друзей радио, общество «Спасения на водах» [см.: Богачева 2007: 57-58].

В апреле 1919 года в Царицыне, в клубе Коммуны, состоялось торжественное открытие студии Пролеткульта. В городе образуются многочисленные театральные коллективы: драматическая студия рабоче-крестьянского театра при участии концертной труппы Губотнароба; в театре «Просвещение» (так стал называться «Парнас») регулярно идут выступления красноармейского театра; на Дар-горе солдаты организовали полковой театр. В работе Г.Н. Андриановой говорится: «Вот одно из сообщений печати тех дней: «В воскресенье при царицынской губтюрьме официально открылся Пролеткульт. Спектакль-концерт прошел блестяще. Сцена и зал оборудованы исключительно руками арестантов. Декорации к пьесе сделаны из одеял и платьев тюремщиков». И далее: «Гибнет прошлая культура, нарождается культура свободного трудового народа» – так пишет «Борьба» о тех тревожных, наивных и очень трудных днях, когда

республика находилась в опасности, а по следам пролеткультовцев крались тиф и холера, безработица и голод» [Андрианова 2013: 68-69].

Начало деятельности Царицынской ассоциации пролетарских писателей относится к 1921 году. Об истории ее организации подробно говорится в статье, опубликованной без подписи в №6 журнала «Пламя» за 1923 год под названием «История ЦОВАППа за два года». В ней рассматривается история создания ассоциации, этапы литературной деятельности, издания, говорится о разногласиях и «борьбе на идеологическом фронте» в «Царицынском отделении всероссийской ассоциации пролетарских писателей»: «7 июня 1921 г., в Царицыне, впервые собрались молодые, полные энергии и желания работать над собой, начинающие писатели и поэты. Тогда-же решили, что для оформления классово-коммунистической идеологии и организованной литературной деятельности, создать – Ц а р и ц ы н с к и й с о ю з Пролетарских П и с а т е л е й, связаться с центром, выпустить литературный альманах и пр. Было избрано оргбюро в составе: Альб-Руткис – председатель, А. Черненко – товарищ председателя и А. Занозина – секретарь. Литературный альманах был наполовину подготовлен, а так-же проделана большая часть организационной работы – в это время выбыл из Царицына Альб-Руткис, работа затормозилась. 14 Сентября 21 г. т. Черненко, как и в 1-й раз, созывает новое организационное собрание пролетарских поэтов, писателей, а равно и начинающих, на котором выясняется наличие сил и возможность по примеру Москвы и Петрограда организовать Царицынскую Ассоциацию Пролетарских Писателей. В это время в организацию уже входили т. т. Коростелев, Черненко, Костин, Крембилов, Золотухин, Субботин и Темный» [Пламя 1923 № 6: 8].

В губернской газете «Борьба» был напечатана информация об организации ЦАПП. Приводим эту публикацию полностью:

«14 сентября в помещении Губ. Гос. Издата состоялось общее собрание местных пролетарских писателей и поэтов, на котором было решено согласно утвержденного Наркомпросом положения о преобразовании Всероссийского союза пролетписателей во Всероссийскую ассоциацию – организовать, по примеру Петрограда и др. городов Республики, Царицынскую ассоциацию пролетарских писателей (сокращенно «ЦАПП»).

Цель Царицынской ассоциации пролетписателей – объединить литературно-творческие силы царицынского пролетариата и стать одним из звеньев для всестороннего оформления их классовой коммунистической идеологии и для развития пролетарской художественной литературы. Для достижения названной цели «ЦАПП» имеет право вести пропаганду пролетарского творчества следующим образом: 1) изданием журнала, сборников, брошюр и 2) устройством клуба, литературных вечеров, докладов, лекций и т.п.

Собрание избрало для управления делами «ЦАПП» Правление из трех лиц: Черненко А., Костина А., Занозина А.

Собрание решило весь доход от предполагаемого к выпуску № 1 журнала ассоциации «Искры» передать в фонд помощи голодающим.

Все пролетарские литературные работники, а равно молодые и начинающие писатели и поэты Царицына, приглашаются зарегистрироваться в Царицынской ассоциации пролетписателей. Предтеченская, д.8, Гос. Издат., у секретаря Правления т. Занозина». [Борьба. 1921. 16 сентября]

Инициатором создания Царицынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ЦОВАППа) был Александр Иванович Черненко – талантливый редактор и организатор. Сведения о нем содержатся в приложении к данной диссертации. «За агитационную работу Черненко получил личную благодарность от М. И. Калинина. Позже

Александр Иванович редактирует в Заволжье окружные газеты “Красное Поволжье” и “Коммунар”, пишет стихи, рассказы» [Мамонтов 1996].

«С первых же шагов своей деятельности ассоциация большое внимание уделяла развитию массовой работы среди начинающих литераторов и любителей литературы из рабочей среды. Это нашло свое выражение в проведении еженедельных литературных вечеров или, как их называли в те годы, “литературных воскресников”. На них молодые поэты и писатели читали и обсуждали свои произведения, выступали с докладами на различные литературно-критические и научные темы. Первый «литературный воскресник» состоялся в Царицыне 2 октября 1921 г. Местная газета “Борьба” поместила по этому поводу следующее объявление: “Красный, рабочий Царицын почувствовал необходимость и делает первую попытку создать “кузницу” нового, живого, пролетарского творчества. Будем надеяться, что эти еженедельные литературные собеседования – “воскресники” привлекут к себе начинающих поэтов и писателей – рабочих, всех художников слова из пролетарской семьи с их произведениями, которые прятались до сих пор и не находили себе выхода. Пролетарское искусство должно завоевать себе почетное место в пролетарском Царицыне!”

“Литературные воскресники” быстро завоевали признание и популярность среди начинающих литераторов города. Они стали своеобразной школой творческого мастерства молодых литераторов» [Зеленина 1974: 44].

Первые упоминания о декларации Царицынской ассоциации пролетарских писателей относятся к 1923 году. Ее разработали Н. Золотухин и А. Черненко в составе вновь созданной организационной комиссии после разногласий в литературной политике ЦАПП и «чистки» членов и кандидатов ассоциации. Декларация была утверждена на втором заседании организационной комиссии. В декларации говорилось, что

«пролетарская литература несмотря на большие художественные достижения не успела еще выявить своих, оригинальных форм. Поэтому, объединение пролетарских писателей должно вестись по линии классово-идеологической, оставляя полную свободу для достижения новых художественных форм, основное отличие которых, от доселе существовавших, должно заключаться в ясности и понятности их для широких пролетарских масс» [Пламя 1923 № 6: 9].

Создав новую организацию в 1921 году, молодые писатели все свои силы направили на выпуск первого издания ассоциации – большого литературно-художественного альманаха «На помощь голодающим», который редактировали А. Черненко и А. Занозин.

«Альманах необычного формата, напоминающий скорее современную еженедельную газету, небольшой по объему (16 страниц), представляет собой уникальное издание <...>. Он открывается рисунком во всю полосу, на котором изображен изможденный, но полный решимости пролетарий, которому нечего терять, «кроме своих цепей», пролетарий, готовый к борьбе за новый мир. Эта тема, как и тема борьбы с голодом, – сквозная в альманахе» [Смирнов 1996: 15].

Создание альманаха связано с одной из трагических страниц в истории России – голодом в Поволжье 1921-1922 годов. Тем не менее стихотворения, входящие в альманах «На помощь голодающим», пронизаны пафосом движения к новой жизни, пафосом победоносного преодоления всех трудностей и невзгод. Для стихотворений Н. Золотухина, М. Субботина, П. Коростелева характерны интонации лозунга и призыва, что отразилось и в поэтическом синтаксисе с преобладанием восклицательных предложений, и в обилии глаголов в повелительном наклонении: «держи», «куй», «иди», «зови»:

Так не медли и не жди,
А иди к станку быстрее,

Бей могучее, стальнее!

Бей без страха,

Без промаха,

Куй, твори! [цит. по: Смирнов 1996: 16]

Ряд стихотворений альманаха посвящен антирелигиозной пропаганде: «Поэт предостерегает “безумца” молиться в храме, где “развратный жирный поп” совершает литургию.

...Храм заковал вас в летаргию,

Религии рабы.

М. З. предлагает искать бога в другом месте, там, “где труд царит могучий”:

Иди к Нему туда и там Его зови!

Трудися в зной и бейся в грозы битв,

Тогда поймешь, что там Ему твои

Простые подвиги любви

Угодней всей молитв [Смирнов 1996: 15-16].

В.Б. Смирнов заключает: «Издание альманаха “На помощь голодающим” стало действенным пропагандистским актом в борьбе с голодом, разрухой, в утверждении той “новой жизни”, которую отстаивают и приветствуют авторы, за которую ратует Царицынское отделение пролетарских писателей» [Смирнов 1996: 19].

Вслед за альманахом «На помощь голодающим» ассоциация приступила к выпуску своего ежемесячного органа – журнала «Зовы» под редакцией А. Черненко, Ефремова и Костина. В цитированной выше статье «История ЦОВАППа за два года» говорится об истории этого издания: «Первый номер журнала был выпущен до 22 г., в Январе 22 г. был выпущен второй номер и в Марте 3 и 4 номер. Затем на пути издательской деятельности организации явились препятствия. С одной стороны не было возможности изыскать денежных средств, с другой слишком много

встречалось на пути организации недоверия и рутины. Правление решило сосредоточить свою деятельность на устройстве публичных широких лекций и докладов, в целях популяризации пролетарской литературы и развития культурной жизни Царицына. Усиленными стараниями секретаря правления т. Ефремова и председателя Коростелева, в Центральном рабочем клубе было проведено шесть диспутов на темы: “Пролетарская культура”, “Новейшие течения в поэзии”, “Футуризм”, (два диспута) и “Пути пролетарского искусства”. Затем, в “Доме Наук и Искусств” был устроен “Поэзо-вечер”», на котором приглашались и выступали перед судом публики поэты и писатели г. Царицына без различия их литературных направлений» [Пламя. 1923. № 6: 8].

Летом 1922 г. ассоциация взяла на себя устройство в Народном саду Царицына книжного киоска и культурного «круга», где проводились литературно-художественные вечера и был устроен один поэтический конкурс. «Через своего представителя в Москве т. Черненко ассоциация вела переговоры с Госиздатом о снабжении на выгодных и льготных условиях литературой книжного киоска и книжных уголков на крупных предприятиях города. В этой работе ЦАПП встретила определенные трудности. Дело в том, что за посещение Народного сада взималась довольно высокая плата, которая была не по карману для широких трудящихся масс. Правление ЦАПП обратилось в губполитпросвет с просьбой о предоставлении рабочим возможности бесплатного прохода в Народный сад. Губполитпросвет пошел навстречу, отпустив правлению 100 контрамарок, которые правление распределило между фабзавкомаами. Рабочие крупных предприятий города получили возможность посещать поочередно «культкруг» в Народном саду ежедневно» [Зеленина 1974: 47-48].

Следующим этапом развития пролетарской литературы Царицына стало создание литературного еженедельника «Факел». Об этом

сообщается на страницах журнала «Пламя»: «В 1-х числах Декабря 22 г. Правление ассоциации, состоявшее под председательством т. Крембилова, решило издавать литературный понедельник (sic!) “Ф а к е л”. Задачей этого понедельника являлось - будировать рабочих, выявляя их художественно-творческие силы, переломить косность в воззрении на пролетарское искусство, воплощающего всю красоту и радость борющегося и созидającego пролетариата. 11 Декабря был выпущен первый номер “Факел”. Выход его продолжался до третьего номера, после чего издание его прекратилось за отсутствием средств. “Факел” закрылся и организация перешла к своей внутри-воспитательной работе» [Пламя. 1923. № 6: 8].

«Центральная тема “Факела” – это тема завода. К ее воплощению обращаются Ал. Никчемный, Н. Золотухин, Н. Никитин, В. Темный, Захар, И. Стукалов, С. Ленский, П. Коростелев» [Смирнов 1996: 21].

История создания и развития пролетарской литературы Царицына неразрывно связана с литературным движением пролетарской литературы в целом. В том числе царицынских писателей-пролетариев захватывает борьба между литературными группировками. В диссертации Л.В. Долженко «Литературно-эстетические принципы и творческая практика «Кузницы» (на материале художественной прозы)» рассматриваются сложные перипетии литературной борьбы в пролетарских писательских объединениях 1920-х годов: «В этот период в литературной жизни страны на первый план выдвигается группа пролетарских писателей "Октябрь", ставшая первым этапом в истории РАПП. С этого времени между РАПП и "Кузницей" начинается непрекращавшаяся в течение 10 лет полемика по очень широкому кругу проблем» [Долженко 1984: 28-29].

Идейные и литературные разногласия не раз возникали и в царицынском отделении ассоциации пролетарских писателей. В журнале «Пламя» появилась следующая информация: «Группа обвиняла Всероссийскую Ассоциацию (Пролетарских писателей. - Е.Я.) в том, что

она оторвалась от рабочих масс, что произведения членов Всероссийской Ассоциации стали слишком изящны, непонятны для рабочих масс. В связи с этими событиями в Центре, в Царицынской Ассоциации также появились разногласия в литературной политике. Т.т. Костин, Черненко и Сказин заявили о своем выходе из ассоциации и стали организовывать отделение группы «Октябрь» [Пламя 1923. № 6: 8]. «Количество всевозможных согласительских мероприятий, а равно – оппозиционных демаршей внутри только-только созданного творческого союза трудно даже определить. Хотя речь лишь шла не о неких серьезных разногласиях в путях развития творческого союза, скорее – о разной методологии, о формах “борьбы за новое искусство”» [Новицкий 2001: 13].

Выдвигается важная с точки зрения тогдашнего текущего момента задача: «Царицынская Ассоциация, осуждая всякие стремления отдельных пролетарских писателей к расколам, и признавая, что теперь, с развитием НЭПа, пролетарские писатели должны, как никогда объединяться» [Пламя. 1923. № 6: 8]. После прений конфликт был устранен на общем собрании ассоциации. Для точной координации формальной и идеологической линии было решено избрать организационную комиссию, дав ей полномочия по выработке декларации и чистке членов и кандидатов ассоциации. В оргкомиссию вошли Н. Золотухин (председателем), А. Черненко (секретарем) и С. Ленский (членом).

Организационная комиссия постановила поручить т. Золотухину разработать проект декларации, представленный т. Черненко, и запросила у Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей материал по поводу создавшегося конфликта. «В декларации, задача Царицынской Ассоциации определялась в выявлении новых и оформлении уже выявленных литературно творческих сил пролетариата Царицына; углубление и расширение основ пролетарской классовой идеологии; выявление, путем художественных обобщений, коллективного опыта пролетарских масс <...>

Создав после реорганизации новое правление в составе т. Сидоренко (председатель), Черненко (секретарь) и Ленского (член), ассоциация приступила к систематической учебе. Правлением была открыта литературно-художественная студия с программой: история русской литературы, основы научного мирозерцания, теория прозы и теория стиха. На занятиях студии присутствовали кроме членов ассоциации - рабкоры и рабочие. Однако, эта студия, просуществовав полтора месяца, закрылась по объективным условиям. Ассоциация приступила к устройству литературных воскресников, на которых ставились литературные доклады и разбирались произведения членов ассоциации» [Пламя. 1923. № 6: 9].

В 1923 году десятитысячным тиражом вышел альманах писателей Царицына «Ярь». «На обороте обложки альманаха нарисован силуэт аэроплана, на котором написано, что писатели отказались от гонорара и что «часть чистого сбора поступает на усиление российского красного воздушного флота» [Вечерний Волгоград. 1989. 1 апреля: 9].

В.Б. Смирнов писал: «Авторы в альманахе все те же, тематика произведений и их недостатки – тоже. Но при всем художественном несовершенстве опубликованных произведений, а порой и просто их наивности, альманах “Ярь” очень хорошо передает то массовое сознание, которое было свойственно человеку 20-х годов, пытавшемуся выбиться на литературную стезю. Пожалуй, наиболее показательным в этом плане стихотворение «РКСМ» Н. Сказина, который вскоре стал членом ЦАПП» [Смирнов 1996: 24].

В. Борисов в статье «Царицынский альманах “Ярь”» дает развернутый анализ этого издания. В статье отмечено: «Альманах “Ярь” дает возможность судить о разнообразии творческих манер, характерных для послереволюционных лет. Здесь наряду с лирикой «трудового сознания», тяготеющей к наивно-материалистическому восприятию мира, представлена и символично-аллегорическая литература, получившая в это

время достаточно широкое распространение. Таковы, в частности, отрывки из поэмы “Утро – вечное”, подписанной именем “Захар”. Здесь каждая фраза и каждый образ пронизаны аллегорией. Вот, “как всегда, иссиня-черными крыльями полыхнула Надмирная Птица: Огромная Юла задымилась синими утрохолодными туманностями”. И город начинает просыпаться: “Привычным движением взметнулся на массивные лапы и мощным взрывом энергии могуче загудел сердцем». Действует в этой поэме и условный поэт Юлий Зар – Солнечный протуберанец, который мечтает писать о любви» [Борисов 1994: 193].

В работе Л.Ю. Богачевой отмечается: «Разнообразная культурная работа Царицынского отделения Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей была замечена и широкой общественностью, и официальными властями. В двухлетнюю годовщину его существования, подытоживая достижения, секретарь губернского комитета партии Жеханов так приветствовал писателей: «В ваш юбилей мы отмечаем вашу героическую борьбу на идеологическом фронте, которую вы вели путем агит-пропагандистской и издательской деятельности. Журнал “Пламя”, который вы издаете, является действительно рабочим журналом, отражающим все стороны рабочей жизни». Высоко оценили деятельность царицынских литераторов и секретарь губернского профсовета М. Шеронов, и секретарь губернского комитета российского комсомола Клюев» [Богачева 2007: 122].

Как видим, деятельность ЦАПП была разнообразна, ее литературное значение во всей полноте еще предстоит исследовать.

Главным печатным органом Царицынской ассоциации пролетарских писателей был двухнедельный литературно-художественный журнал «Пламя». «Журнал Царицынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей выходил с сентября 1923 по 1926 г. два раза в месяц. Редактировали журнал Александр Черненко и Николай Золотухин. С третьего номера добавился новый редактор – Н. Никитин. В 1925 году

редакторами были А. Черненко и М. Щербаков, а с девятого номера остался только последний» [Энциклопедия Волгоградской области 2009: 214].

«Пламя» позиционировал себя как литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный двухнедельный журнал Нижнего Поволжья.

На обложке первого номера журнала приводятся слова Л.Д. Троцкого: «Нам нужно научиться хорошо работать – точно, чисто, аккуратно. Нам нужна культура в работе, культура в жизни, культура в быту... Нет такого рычага, чтобы сразу поднять культуру. Тут нужен долгий процесс самовоспитания рабочего класса, а рядом с ним и вслед за ним и крестьянства» [Пламя. 1923. №1: 1]. На этой же странице сформулирована редакционная позиция журнала: «Редакция журнала “Пламя” поставила перед собой задачу дать именно то, о чем говорит т. Троцкий: культивировать жизнь и быт трудящихся, указать пути, как стать культурным, образованным, пролетарским интеллигентом и научиться видеть и понимать жизнь во всем ее многообразии» [Пламя. 1923. №1: 1].

Закономерно, что на обложке журнала кроме лозунга, который был повсеместным – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», был второй, дополнительный: «Будем грызть гранит науки!» Надо отметить, что журнал действительно был познавательным и просветительским, и при этом отбор материалов отличался четкой политической направленностью.

Двуединая программа и назначение «Пламени» сформулированы в редакционной статье «Художественная литература и переустройство быта», опубликованной во втором номере журнала: «Простые, но живые картинки и образцы рабоче-крестьянской жизни представляющие из себя сколки с живой неподкрашенной повседневной действительности – встанут перед взором пролетарского разума, как искусно созданные модели быта трудящихся, по которым всякий интересующийся рабочий крестьянин может изучать оригинал, – свой быт, свою жизнь.

Одновременно художественная литература будет нести пролетариату яркий свет могучих идеалов грядущего коммунизма и тем самым вдыхать в него живую освежительную струю энергии, необходимую для борьбы и творчества» [Пламя. 1923. №2: 1].

В журнале публиковали материалы различной направленности: политико-экономический обзор «За две недели» или «Панорама событий» (со второго номера), который делился на две части: «Жизнь СССР» и «Иностранное обозрение» (позднее - «По СССР» и «За рубежом»), разделы «Искусство», «Рабочий университет», «Вопросы быта», «По Нижнему Поволжью», разделы «Самообразование» и «Рабочая книга», в котором рецензировались издания, необходимые, по мнению редакции, рабочему читателю. Читательской аудитории были адресованы материалы о зарубежных авторах, публиковались отрывки из их произведений, их портреты. Это такие писатели, как Анатолий Франс, Анри Барбюс, Эптон Синклер.

Особое место в журнале занимала рубрика «Детский уголок». В ней публиковались стихотворения, короткие рассказы, рекомендации по воспитанию детей, письма юных читателей. Материалы из раздела «Детский уголок» стоят у истоков детской литературы Царицына-Сталинграда-Волгограда, что еще требует дальнейшего изучения.

В «Пламени» печатались произведения политической сатиры, адресованные детям. Обычно это были рисунки с надписями.

Существенный вклад в разработку эстетической программы журнала «Пламя» вносит редакционная статья, напечатанная в первом номере за 1923 год: «В своем журнале “Пламя” мы ставим перед собой ясную и твердую задачу: ярким светом простых, правдивых, но художественных образов, присущих мышлению и восприятию рабоче-крестьянских масс – мы будем настойчиво и неустанно освещать путь героической революционной борьбы; кропотливо, но неуклонно собирать отдельные лучи пролетарского

революционного подвижничества, рассеянного, но сверкающего молниеносными искрами коммунизма в его хозяйственном и бытовом зодчестве и сплестать эти лучи в заревое пламя коммунистической мысли» [Пламя. 1923. № 1: 1].

Многие авторы журнала были рабочими завода «Красный Октябрь». Заводу посвящен отдельный выпуск журнала, в котором говорится об истории завода и о его настоящем.

Журнал сразу же приобрел общероссийскую известность. Тираж его (семь тысяч экземпляров) быстро расхотился.

В журнале публиковались поэты, которых можно условно разделить на три категории.

1) поэты, не жившие в Царицыне. В их число входили такие известные пролетарские поэты, как Владимир Кириллов. В первом номере журнала «Пламя» за 1923 год напечатано его стихотворение «Летчик», а в пятом номере за тот же год – стихотворение «25 октября». В журнале печатались стихотворения Демьяна Бедного. Публиковались московские поэты В. Александровский, А. Соколов, Н. Кузнецов, Е. Ефремов, Н. Алексеевский, видный пролетарский поэт А. Дорогойченко, поэты, известные под характерными для своего времени псевдонимами – Макар Пасынок, Антон Пришелец; публиковался почти забытый сегодня нижегородский поэт Николай Степанович Власов-Окский, поэт из Тифлиса Михаил Юрин. В разделе «Детский уголок» было напечатано стихотворение Сергея Городецкого «Зимняя игра».

Знаменательно, что именно на страницах журнала «Пламя» было опубликовано стихотворение «Весенняя любовь» Ивана Доронина, поэта, которого в ироническом ракурсе упомянул В. Маяковский в стихотворении «Сергею Есенину»: «Вы бы в день писали строк по сто, утомительно и длинно, как Доронин». Между стихотворение «Весенняя любовь» в переделанном виде и с напевом Ольги Ковалевой стало одной из самых

популярных народных песен советского периода, вошло в репертуар народных хоров и по сути стало фольклорным.

Приведем начало стихотворения «Весенняя любовь» так, как оно напечатано в журнале:

Ой, цветы
Цветы, кудрявая рябина,
Наливайтесь, грозди,
Соком вешним;
Я на-днях
На-днях – у дальнего овина
Целовалась
С миленьким нездешним. [Пламя. 1923. №2: 8].

Позднее, во втором номере журнала «Пламя» за 1925 год публикуется стихотворение И. Доронина «Уход», написанное в духе народной лирической песни. Публикация этих стихотворений многое говорит об эстетической позиции редакторов журнала «Пламя».

2) поэты, входившие в Ассоциацию пролетарских писателей Царицына и в Литературную студию при журнале «Пламя», которая была создана начиная с 3-го номера журнала. Цель работы студии – «подготовка пролетарской интеллигенции, без которой, по мнению редакции, немислима перестройка культуры» [Энциклопедия Волгоградской области 2009: 214].

В статье Н. Золотухина «Годовой опыт. (Литературная студия “Пламя” за 1924 год)» подводятся итоги деятельности студии за год: к концу 1924 года в журнале напечатано 96 стихотворений 45 рабочих поэтов, поэтов от станка, как называет их автор. В конце статьи Н. Золотухин пишет: «Литературная студия в новом 25 году будет также продолжать свое важное дело. Как и в прошлом году, она будет выявлять новые литературно-творческие силы трудящегося класса, и, вместе с тем, как и в прошлом году,

будет служить барометром, определяющим должное направление литературного творчества, предназначенного для широких слоев пролетарского класса» [Пламя. 1925. № 1. С. 16].

3) поэты, которые входили в литературные кружки и студии при заводах, в основном при заводе «Красный Октябрь». Под их публикациями часто указывалось «Рабкор Березинский», «Рабочий А. Никитин».

В заметке, названной «О работе в рабочем литературном кружке», подписанной «Перекасти-Поле» и опубликованной во втором номере журнала «Пламя» за 1925 год, рассматриваются просветительские цели таких кружков – формирование рабочих-писателей, о сложностях в их работе, о необходимости большой осторожности при разборе произведений членов кружка, что может привести к отказу от литературного творчества. Характерно, что автор заметки пишет о том, что самодеятельным авторам, сомневающимся в себе, надо «указать, например, на медленный рост таланта Кольцова» [Пламя. 1925. № 2: 40].

Следующая заметка на эту тему – «О работе литературных кружков» – напечатана в №5 журнала «Пламя» за тот же год, автор заметки Ф. Фокин. Установка на работу с начинающими писателями из народа меняется: делается упор на роли руководителя: главным условием успешной работы является «опытный руководитель с марксистским мировоззрением и в то же время специалист по части художественной литературы» [Пламя. 1925. №5: 102].

В.Б. Смирнов пишет: «Важным направлением в деятельности ассоциации стало создание на предприятиях города литературных кружков, которыми руководили писатели. Произведения начинающих литераторов публиковались в местных газетах под рубрикой “Рабочее творчество”. В 1925 году – в год переименования Царицына – была создана Сталинградская литературная студия» [Смирнов 1996: 39].

В 1924 г. «Пламя» выходит в обновленном виде, его характер определяется как «литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный рабочий семейный журнал».

«С 1924 г. начинают выходить тематические номера “Пламени”, посвященные смерти и дню рождения В. И. Ленина, “кровавому воскресенью”, Парижской коммуне, первомайскому празднику. Так, единство апрельского номера (№ 7/15) проявляется в том, что ленинской темой объединены поэзия и проза журнала, его статьи и иллюстрации. Недавняя смерть вождя определила и тональность художественных произведений» [Смирнов 1996: 33-34]. В этом номере были напечатаны стихотворения как царицынских поэтов, так и авторов из других городов: стихотворение В. Соловьева «Ленинцы», В. Темного «Его памяти», Я. Шулькина «Этой смертью до самых глубин...», А. Винокура «Нет, не поверю», Макара Пасынка «Ленин», И. Валяло «У могилы», рассказов В. Темного, «С жалобой», Вл. Соловьева «За Ленинскую».

В.Б. Смирнов пишет: «Восьмой номер, вышедший в апреле, посвящен новому празднику, пришедшему на смену пасхе, как пытаются в этом уверить авторы “Пламени”. Целая полоса отведена под материалы такого рода “Пасха и 1 Мая”, “Жил ли Христос?”, “Религия и наука”, “Не Пасха, а Первое мая” и др. В частности, в одном из этих материалов говорится: “Пасха – праздник весны, праздник пробуждающейся от зимнего сна природы. Христианство заимствовало его из иудейской религии, где он был днем жертвоприношения первого снопа с жатвы хлеба”» [Смирнов 1996: 34].

Просветительские цели журнала находили отражение в публикации множества материалов о науке, о литературе. Они, как правило, сопровождались портретами литераторов и ученых – это ученый Климент Аркадьевич Тимирязев, зарубежный писатель Анатоль Франс, художник-скульптор Фридрих Карлович Лехт и другие. Можно встретить также изображения красного флота на Черном море, «красные стальные крылья» -

пассажирские самолеты и дирижабли, сильнейшую военную технику Америки, общий вид на Нью-Йорк и его небоскребы, заводы Саратова, новые дома для рабочих и пр. В журнале усиливается идейно-политическая и научная направленность.

Важной для понимания эстетической программы ЦАПП стала публикация в «Пламени» ряда теоретиков пролетарского искусства: статьи о художественном наследстве (А. Богданова), о культуре и литературе (Г. Лелевича), статей А.В. Луначарского, А.А. Богданова.

Мы не случайно столь детально рассматриваем журнал, который был печатным органом Царицынской ассоциации пролетарских писателей. Будучи рупором идей ЦАПП, «Пламя» создает тот литературный и общекультурный контекст, под влиянием которого формировалось и развивалось творчество царицынских поэтов-пролетариев. Журнал отражал и запросы читателей, и определенные идеологические установки, давал материал для познания культуры, для формирования образованного человека и вместе с тем строго следовал агитационным и пропагандистским целям и задачам.

Вопросы, связанные с судьбой Царицынской ассоциации Пролетарских писателей и журнала «Пламя», решались на заседании Пленума Царицынского губкома РКП (б) от 23 июня 1924 года. На заседании говорилось о губернской печати, о местных издательствах и местной периодике – газетах «Борьба» и «Крестьянская правда». Было принято решение:

«Издательство "Борьба" и "Крестьянская правда"»

ПЕЧАТЬ

а) Ввиду недостатка сил, как в редакции, так и в издательстве принять меры к их пополнению;

б) Усилить работу с рабкорами через систематические совещания-курсы, каковые начать с 1 июля;

- в) из наиболее способных работников организовать кружок красной журналистики, приступив к работе с 1 августа;
- г) улучшить обе газеты по содержанию;
- д) выпускать к газетам ежемесячно приложение в виде научно-популярных журналов небольшого образца;
- е) привлечь к сотрудничеству в газетах научные силы в губернии;
- ж) механизировать производство типографии.

4. Ассоциация пролетарских писателей. Журнал "Пламя"

- а) Провести линию по вовлечению в ассоциацию членов партии, молодежь и рабочих на ее расширение;
- б) Ликвидировать в ассоциации техническую малограмотность и политнеграмотность. С августа месяца организовать литстудию;
- в) издательство "ПЛАМЯ", "МАЯК" объединить с издательством «Борьба».

[ГКУВО ЦДНИВО. Фонд № 1. Опись № 1. Дело № 113 л. 3, 18, 18 об., 19]

В 1925 году продолжается издание журнала «Пламя», вышло восемь номеров журнала. Издание меняется: некоторые рубрики больше не существуют, например, рубрика «Детский уголок». Раздел «Практика самообразования» заменяется на «Рабочий университет», вместо раздела «Гигиена и здоровье» печатается раздел «Физкультура». Более значительное место в журнале занимают проблемы быта. Появляется отдельная рубрика «Наш быт». Как позитивное проявление нового быта отмечается отказ от религии. Заметка «Иконы в чулан», напечатанная под этой рубрикой, сопровождается рисунком, на котором старая женщина колет в щепки для самовара иконы, и анонимным четверостишием:

Рассейся, религий угар.

– Мать – женщина, слава тебе!

Ты колешь святых в самовар.

Это – признак великих побед. [Пламя. 1925. №1: 19]

Журнал публикует не только научно-просветительские материалы, но и познавательные заметки, адресованные читателю из городских низов, который осваивает новый быт: «Как следует обращаться с примусом», «Как излечиться от потливости», «Как нужно бриться». Характерна подборка материалов в рубрике «Наш быт» с общим названием «Быт как научное понятие», в другом номере – заметки «НОТ в быту».

Журнал «Пламя» становится в 1925 году более политизированным. В нем появляются регулярно публикуемые разделы «Ленинизм», «Красная армия», «Радиорупор». Больше внимания уделяется революционному прошлому, например, событиям революции 1905 года, двадцатилетие которой отмечается – это серия статей «20 лет назад», печатаются статьи об истории Красной армии, об авторе песни «Интернационал», о Февральской революции.

В журнале «Пламя» появляется рубрика «Красный смех», в которой печатаются материалы, тексты и рисунки, антирелигиозного содержания, о международной политике, например, сатирическое стихотворение без подписи «Почти из классиков», посвященное различным событиям современности, в частности, направленное против русских эмигрантов – в тексте упомянут Шаляпин. Стихотворение построено на цитировании известных строк классической поэзии: Пушкина, Лермонтова, Баратынского.

Продолжается традиция издания тематических номеров. Пятый номер журнала «Пламя» посвящен женской теме, в нем опубликованы рассказы «Неугомонная» С. Литковского, «Разрыв» В. Ряховского, «Аборт» М. Октябрьского, «Товарищ Ульяна» М. Осиповича; стихи «Клятва Зайнет» Д. Бедного, «Работнице» В. Соловьева, «День работницы» Н. Дегтярева, «Красные женщины» Дм. Белова и др. Все иллюстрации в журнале изображают женские портреты: «Ленинка», «Грузица», «Комсомолка».

В 1925 году город Царицын был переименован в Сталинград, а Царицынская ассоциация пролетарских писателей – в Сталинградскую ассоциацию пролетарских писателей. После 1925 года журнал «Пламя» перестает существовать, поэзия и проза Сталинградской литературной организации – это уже иное литературное явление.

Подводя итог, можно отметить, что короткая, но яркая и насыщенная деятельность Царицынской организации пролетарских писателей была одним из характерных явлений литературной эпохи начала 1920-х годов. В ее деятельности еще нет однозначного диктата идеологических установок, но есть искренний энтузиазм построения новой жизни, вера в пересоздание действительности по законам разумным и справедливым.

1.3. Литературные и фольклорные традиции в пролетарской поэзии Царицына

Пролетарская поэзия Царицына – художественное явление, которое развивается в русле традиции русской литературы.

Исследователи отмечают, что развитие европейской пролетарской литературы шло сразу несколькими параллельными и отличающимися национальными особенностями путями, включая чартистскую литературу, литературу эпохи Французской революции 1848 года и времен Парижской Коммуны (1871 год), когда были созданы («Интернационал» Э. Потье, стихи и проза Л. Мишель, К. Гюга, Г. Кремье, А. Бриссака, Ж. Аллеман, Э. Делорма, Э. Шатлена; немецкую рабочую литературу, самым ярким проявлением которой были произведения эпохи восстания силезских ткачей. Этапы формирования пролетарской литературы в России включали народническую литературу 1870 - 1880 гг., связанную с именами П. Л. Лаврова, Ф. В. Волховского, С. С. Синегуба, Н.А. Морозова, Г. А. Лопатина, В. Н. Фигнер, Г. А. Мачтета, Тана и др.; пролетарскую литературу в России конца XIX – начала XX веков, связанную с

творчеством таких авторов, как А. М. Гмырев, Л. Я. Коц, Г. М. Кржижановский, Е. Е. Нечаев, А. Н. Поморский, Ф. С. Шкулев и др.

Пролетарская литература в России активно формировалась в 90-е годы XIX столетия, первоначально в русле общедемократического движения, воспринимая наряду с народническими принципами некоторые положения марксизма, получившего широкое распространение в стране после разгрома народничества и отказа от народнических идеалов.

Творчество пролетарских поэтов было тесно связано с демократическими традициями русской литературы.

Анализ истоков пролетарской литературы, ее рассмотрение в контексте демократических традиций русской поэзии и прозы не раз являлось предметом анализа в трудах советских литературоведов. В.А. Келдыш пишет: «Произведения демократических и пролетарских художников “породнились” и близким эмоциональным пафосом, и общими темами, и подчас схожими образными решениями, либо освященными давней традицией вольнолюбивой поэзии (например, устойчивые аллегории кузнеца, орла), либо “свежими”, только возникшими (к примеру, мотив “красного снега” в стихах о “кровавом воскресенье” П. Якубовича, А. Луначарского и др.). Но ярко и бескомпромиссно выражая *ближайшие* цели народной революции, многие поэты-демократы не видели далеких социальных перспектив. Поэтому трагическую сторону революции они ощущали порой острее и органичнее, нежели героический оптимизм восставшего народа» [Келдыш 1964: 117]. К анализу народнической поэзии обращается исследователь Н.В. Осьмаков в работе «Поэзия революционного народничества» [Осьмаков 1961; 1977], Ю.В. Шигарева [Шигарева 2003] и др.

В 1905 - 1906 гг. происходит сближение пролетарской и демократической поэзии. В большевистских изданиях печатаются стихотворения Тана, Скитальца, Т. Щепкиной-Куперник, Г. Галиной, Д. Цензора, А.

Лукьянова, имеющие сходные с пролетарской поэзией тематику и художественные образы. В

Творчество поэтов-пролетариев опирается на традиции, которые восходят к поэзии Некрасова и поэтов некрасовского круга. С позиций советского литературоведения об этом пишет Н. В. Осьмаков: «В творчестве Некрасова и его продолжателей “проза жизни” заняла свое законное место, поэт революционной демократии расширил границы поэзии, социальная проблематика стала ее неотъемлемой частью. Органическое соединение политики с поэзией, счастливо найденное Некрасовым и воплощенное в его творчестве. Эту плодотворную традицию Некрасова поддерживала и развивала пролетарская поэзия, развивала соответственно новым историческим условиям, соответственно идеологическому содержанию пролетарского периода освободительного движения. Политический пафос некрасовских стихов, как выражение авторского лирического настроения, воспринимался читателем не как внешнее дидактическое воздействие на его сознание, а как неподдельное чувство, как искренний голос поэта-борца» [Осьмаков 1968: 129]. Несомненно влияние некрасовских традиций на пролетарскую поэзию и, в частности, на творчество пролетарских поэтов Царицына, что ощутимо в системе мотивов и образов, в особенностях художественного языка. Наиболее отчетливо это влияние проявилось в стихотворениях пролетарских поэтов Царицына, посвященных женской доле, изображению тяжелого, подневольного положения рабочего в предреволюционные годы. К примерам таких стихотворений мы обратимся ниже.

Знаменательно, что к поэтическому наследию революционных народников и его традициям обращается в работе "Поэзия революционных разночинцев 60-80-х гг. XIX века" один из главных теоретиков и идеологов пролетарской литературы – Г.Лелевич, который видит в творчестве поэтов-

народников черты поэтики, сформировавшейся в русле некрасовской школы [см.: Лелевич 1931].

Одной из особенностей, сближающих поэзию народничества и пролетарскую поэзию, можно назвать приоритет правильной идейной установки над эстетической ценностью литературного текста. Эстетическая вторичность, подражательность, шаблонность образов, не раз отмеченная критиками по отношению к агитационной поэзии народников, в стихотворениях пролетарских поэтов нередко обретает гипертрофические черты. Об этом с полемической заостренностью, в целом характерной для исследователя, пишет Е.А. Добренко в книге "Формовка советского писателя". Автор отмечает, что литература народников "стала настоящим доменом идеологической графомании, которая вылилась впоследствии в "пролетарскую литературу", а затем — в литературу советскую» [Добренко 1997: 55]. Полемизируя с ним, Ю.В. Шингарева, автор диссертационного исследования «Проблемы поэтики лирики народников», отмечает: «Сама мысль о соотнесенности поэзии народников и определенной части советской поэзии представляется нам бесспорной. Но, в отличие от Е.А.Добренко, мы вовсе не склонны считать всю поэзию такого типа графоманской» [Шингарева 2003: 22]. Далее пишет: «В связи с творчеством народников возникают теоретические проблемы: природа эпигонства, массовая литература и загадка успеха творчества подражателей, жанр перепева, находящийся на границе пародии» [Шингарева 2003: 66]. Близкий к этому круг литературоведческих проблем ставит перед исследователем и пролетарская поэзия, при этом акценты смещаются: в меньшей мере характерна подражательность и в большей мере – черты массового творчества, нередко отсутствие не только поэтического мастерства, знания «поэтической азбуки», но отсутствие и стремления к его обретению.

Произведения поэтов-народников отмечены установкой на агитационность. Это повлияло и на создание поэтами-народниками обобщенного образа революционера-борца, который оказался столь созвучен пролетарским поэтам. Н.В. Осьмаков пишет: «Поэзия революционного народничества <...> выступила законной наследницей Некрасова, усвоившей из его творчества прежде всего мотивы мести и борьбы; обогащенная опытом активных борцов с самодержавием, она передала свои традиции зародившейся в 90-е годы ранней пролетарской поэзии» [Осьмаков 1977: 39].

Н.В. Осьмаковым отмечается «преемственная идейно-художественная связь между поэзией революционного народничества и ранней пролетарской поэзией» [Осьмаков 1961: 198].

«Преемственная идейно-художественная связь между поэзией революционного народничества и ранней пролетарской поэзией прослеживается не только в том, что последняя взяла на свое вооружение лучшие образцы творчества поэтов-народников <...> Связь эта прослеживается не только во множестве подражаний произведениям 70-х - 80-х годов (анонимные «Машинушка», написанная на основе «Дубинушки», и «Камаринская», созданная, как и народническая «Ах ты, сукин сын, проклятый становой», на мотив русской народной песни, и др.). Эта преемственная связь видна в такой же романтической приподнятости общего тона политических стихотворений, песен и гимнов, какая наблюдалась и в поэзии революционного народничества. Романтика тяжелой и неравной героической борьбы с самодержавием окрашивает произведения ранних пролетарских поэтов (Е. Нечаева, А. Богданова, Л. Радина, А. Коца и др.), как в свое время она являлась главной отличительной чертой творчества Н. Морозова, П. Лаврова, С. Синегуба, П. Якубовича и т. д.

Но если народническая поэзия в первый период развития ставила своей целью пропаганду социалистических идей прежде всего среди

крестьянства, то пролетарская поэзия в период соединения социализма с рабочим движением обращается к массе людей физического труда, к рабочим фабрикам и заводам. В связи с этим пролетарская поэзия берет из арсенала народнической поэзии наиболее подходящие для этой цели поэтические средства, художественные приемы, поэтические жанры» [Осьмаков 1961, 196-197].

Об этом с иных позиций пишет Е.А. Добренко: «Нужно видеть, что у истоков "пролетарской культуры" и, соответственно, соцреализма находятся "предтечи революционной поэзии" А за ними – огромный пласт народнической идеологии утопического сознания и культуры, достигших пика в творчестве Некрасова и ушедших во второй половине XIX века под лед, измельчившись под напором огромного духовного обновления религиозно-философской мысли рубежа веков» [Добренко 1993: 6].

Народническая литература, воспринявшая традиции некрасовской школы, активно разрабатывала эстетические нормы литературного творчества с установкой на доступность широким трудящимся массам, что, несомненно, созвучно и пролетарской поэзии. Однако это стремление к доступности часто приводило к заведомому упрощению, к языку поэтических клише и штампов.

Таким образом, ранняя пролетарская поэзия непосредственно обращалась к лучшим произведениям народнической поэзии, как к готовому материалу для пропаганды своих идеалов. Именно от нее ранняя пролетарская поэзия восприняла романтический пафос политической лирики, стройность и торжественность революционных гимнов, страстность и убежденность призывов к решительной борьбе с самодержавием. Среди тем и мотивов, воспринятых от поэзии революционного народничества, были мотив жертвенности и тема труда, вдохновлявшие многих поэтов. Однако они подвергаются довольно сильному изменению и в пролетарской поэзии

пореволюционных лет часто приобретают иное, гораздо более оптимистическое звучание.

Жанровые и стилистические особенности, образный строй народнической литературы повлияли на развитие прежде всего в раннепролетарской поэзии. Однако на примере пролетарской поэзии Царицына можно выявить видимое, хотя нередко и опосредованное, влияние традиции народнической поэзии на авторов, входивших в ассоциацию пролетарских писателей и творивших в первой трети 1920-х годов.

В пролетарской поэзии Царицына влияние народнической поэзии проявилось прежде всего в стихотворениях, посвященных революционной теме.

Отчетливо традиция народнической поэзии с присущим ей пафосом борьбы и культом жертвенности звучит в стихотворении В. Темного «Решительно шли мы на битву...»:

Решительно шли мы на битву,
Шли смерти навстречу, сомкнувши штыки,
И жены нам вслед не шептали молитвы,
И слали проклятья отцы-старики.
И было нас мало, не мы победили
И в царство коммуны очистили путь.
И нет во всем мире такой уже силы,
Чтоб с нашей дороги могла нас свернуть.

[Борьба. 1926. 7 февраля: 2]

Образный строй стихотворения, его интонации, прием анафоры ориентированы на традицию, близкую художественному строю народнической поэзии. Стихотворение написано четырехстопным амфибрахийем (за исключением первой строки трехстопного амфибрахия), который относится к числу редких стихотворных размеров. Ниоим образом

не проводя параллель, все же отметим, что этим стихотворным размером написан Гимн Советского Союза.

В русле закономерностей субъектно-объектной структуры пролетарской поэзии герой, как правило, был коллективный. Характерно стихотворение царицынского поэта К. Румянцева «Наш путь»:

Наш путь красивый и тяжелый
ведет к поющим берегам.
Мы бой принять всегда готовы:
мир хижинам, война дворцам!
Разбить оковы капитала
и перестроить белый свет –
идем мы с песней грозно-алой;
границ дерзаньям нашим нет.
Трещат столбы капитализма,
их подрубить осталось нам.
Наш лозунг: к царству коммунизма,
мир хижинам, война дворцам!

[Пламя». 1923. № 7: 1]

В стихотворении дважды повторяется лозунг времен Великой французской революции «мир хижинам, война дворцам!». Стилистика стихотворения ориентирована на традиции народнической поэзии с присущей ей абстрактностью. Стихотворение вполне подтверждает положение из исследования Н.В. Осьмакова: «Среди мотивов, воспринятых от поэзии революционного народничества, был и мотив жертвенности. Однако этот мотив, развитый еще поэтами-декабристами и получивший у народников зловеще-трагическое разрешение, в пролетарской поэзии приобретает иное, гораздо более оптимистическое звучание» [Осьмаков 1968: 77]. Особенно отчетливо это звучит в финале стихотворения.

Традицию демократической поэзии, поэзии народничества в аспекте мотивно-образном можно назвать одним из существенных истоков пролетарской литературы, в том числе пролетарской литературы Царицына.

Вместе с тем, пролетарская поэзия формируется под влиянием сложившихся к 1920-м годам фольклорных традиций. Необходимо назвать несколько пластов народно-поэтического творчества, отголоски которых мы обнаруживаем в произведениях пролетарских поэтов Царицына.

Прежде всего, это рабочий фольклор, которым наиболее существенное место занимают песни русского пролетариата. Ранние образцы этого жанра относятся к XVIII в. Уже в сборнике М. Д. Чулкова «Собрание разных песен» (1770-1774 гг.) можно найти песни о быте, труде, условиях жизни рабочих. Однако рабочий фольклор получает активное развитие и становится заметным явлением лишь в конце XIX в., когда в России происходит стремительный процесс «раскрестьянивания» и формируется промышленный пролетариат. Влияние на пролетарскую поэзию рабочего и крестьянского народно-поэтического творчества отмечает исследователь Н.И. Савушкина: «В пролетарской поэзии нашла широкое отражение тяжелая жизнь народа, его помыслы и стремления, а позже – революционная борьба. Рабочими поэтами использовались некоторые жанровые и стилистические особенности рабочего и крестьянского фольклора, прежде всего шуточной и солдатской песни, частушки, сатирической сказки. В большевистских изданиях предреволюционных лет встречаются авторские и безымянные произведения такого рода. Это “Песня о бедном Макаре” А. Черемнова, сказочка “О сером зайке и лютом волке” К. Кравцова, “Песня портного” Н. Артельного, “Марсельеза оборонцев” и “Частушки” И. Логинова, “Раненый” Н. Тихомирова, “Старая песня” С. Лесного, “Солдатские частушки” Е. Ефимова и многие другие» [Савушкина 1988: 71].

Репертуар русской рабочей песни обширен. Он включает революционные песни, гимны и марши, сатирические песни, множество песен о заводчиках, жандармах и др. Перекладывались на песенный лад и произведения некоторых поэтов (например, И. Сурикова, Дм. Цензора, О.Чюминой, М. Конопницкой). Песенный репертуар рабочих неоднороден, в него наряду с действительно рабочим творчеством входят и авторские произведения, ставшие неотъемлемой частью пролетарской песенной поэзии, переделки литературных песен и жестоких романсов. В советском литературоведении песенное творчество рабочих интерпретировалось как начало нового направления в развитии русской песни, как предыстория поэзии пролетариата. Жанр рабочих песен формируется во многом под влиянием традиционной народной крестьянской песни, обрядовой и лирической. Л.К. Вахнина, автор исследования «Славянские рабочие песни (социальный контекст, художественно-эстетическое своеобразие)», пишет: «Формирование рабочего фольклора славянских народов, в частности рабочих песен, происходило в непосредственной связи со становлением пролетариата, который пополнялся за счет выходцев из села, и первые рабочие были еще крестьянами по своему мировоззрению. Поэтому одним из источников рабочего фольклора стали образцы традиционного народного творчества. Но изменения в жизни бывших крестьян, обусловленные новой средой, вызвали и возникновение произведений, новых как по содержанию, так и по форме» [Вахнина 1984: 4]. Сложность проблемы соотношения рабочего и крестьянского фольклора отмечалась исследователями [см.: Аникин 1986]. В советском литературоведении и фольклористике роль и ценность рабочего фольклора, в первую очередь, его революционной составляющей нередко преувеличивалась под влиянием определенных идеологических установок: «Две мощные революционные линии русского фольклора объединились — и рабочий фольклор явился своего рода итогом развития общенационального фольклора трудящихся. В XIX– XX вв. линия

развития городской массовой пролетарской поэзии стала ведущей, определяющей [Аникин 1986: 7].

Л.К. Вахнина связывает периодизацию рабочего фольклора прежде всего с этапами развития революционного движения: «1) произведения периода формирования рабочего класса, которые возникают путем переосмысления традиционных жанров крестьянских песен; 2) песни периода массового революционного движения, когда высшей формой рабочего творчества становится революционная песня, в основном литературного происхождения; 3) песенные произведения периода построения социалистического общества, когда рабочая песня входит в состав общенародного фольклора и становится частью новой социалистической культуры, причем значительная роль здесь принадлежит массовому авторскому творчеству рабочих» [Вахнина 1986: 50]. Исходя из этой периодизации, можно отметить, что песенный фольклор рабочих, который был стадийно близок творчеству пролетарских поэтов начала 1920-х годов, в том числе поэтов царцынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарской писателей, занимает промежуточное место. С одной стороны, это продолжение очень активного периода массового революционного движения, с другой – время строительства социалистической культурной модели, частью которой мыслилось творчество пролетарских масс.

Об активной роли рабочего фольклора сохранились многочисленные материалы в большевистских газетах «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Правда», «Путь правды». Сборник «Песни жизни» был подготовлен к публикации Г. А. Куклиным, был издан в Женеве в 1903 году массовым тиражом. «Первый сборник революционных песен» издан в России Петербурге в 1906 году.

На страницах большевистских газет революционные рабочие песни играли роль агитационную и пропагандистскую. Традиция публикации на

страницах политических газет стихотворных текстов была в большевистской печати очень устойчивой.

Во вступительной статье П.Г. Ширяевой к книге «100 песен русских рабочих» сказано: «Идея свержения самодержавия, завоевания свободы, захватившая рабочий класс, определила и круг наиболее известных песен. На первое место выдвинулись “Рабочая Марсельеза” П. Л. Лаврова с ее уверенным призывом “Отречемся от старого мира”; “Похоронный марш” с его пророческими словами “Падет произвол и восстанет народ...”; “Дубинушка”, в трех строфах которой, публикуемых “Искрой”, звучат те же мотивы (“Но страшись, грозный царь, мы не будем как встарь... Твой роскошный дворец мы разрушим вконец... Установим мы счастье и волю”); “Варшавянка” с ее мужественным заверением “Но мы поднимем гордо и смело знамя борьбы за рабочее дело”; “Боевой марш” Л. П. Радина (“Смело, товарищи, в ногу”), выразивший единую волю “свергнуть могучей рукою гнет вековой навсегда и водрузить над землю красное знамя труда”» [Ширяева 1984:16].

О важной агитационной роли песен российского пролетариата писал Г. В. Плеханов в предисловии «Два слова читателям-рабочим» к сборнику «Песни труда» (1885): «Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера также отразится в вашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми, как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства» [Плеханов 1948: 485].

Ранние рабочие песни были проникнуты идеями смирения и печали. В более поздней рабочей песне мотивы скорби уступили место мотивам революционной борьбы как единственного пути достижения народного счастья. По мере роста массового рабочего движения в революционных песнях центральное место занял образ рабочего, который уже не терпит

лишения и страдания, а вместе с «рабочей ратью» кует свою дорогу к счастью, стремиться к изменению своей судьбы и судеб мира.

П.Г. Ширяева пишет: «Песни о фабрично-заводском труде, которых на каждом предприятии было создано немало, тоже все более и более насыщаются политическим содержанием. Так, песня “Тянется тихо основа” - о труде молодой ткачихи - лирическая по своему содержанию, но ее лиризм как бы снимается заключительными строками: “Мастер проходит лениво, пишет, штрафует, грозит... Ох, подневольное время, скоро ли смена пройдет?”»

Эти и многие другие примеры подтверждают, что революционная песня запечатлела быстрый рост политического сознания рабочих, следствием чего было усиление публицистического пафоса песен» [Ширяева 1984: 21].

В процессе эволюции изменяется система мотивов и образов рабочего песенного фольклора, трансформируется их поэтика. От конкретики отдельных событий, связанных с жизнью рабочих, мотивный комплекс движется к образам, более абстрактным, символически-обобщенным. В меньшей мере с годами проявляется влияние на рабочий фольклор традиционного крестьянского устного народного творчества с его устойчивыми жанрами. Исследователь отмечает, что «постепенное повышение культурного уровня рабочих и рост их классового самосознания вели к снижению удельного веса фольклора в духовной культуре рабочего класса» [Полищук 1986: 14]. Отмечается, что идеи отказа от фольклора, изживание его традиций, интерпретируемые как позитивное явление, как рост культуры пролетарской массы были характерны для 1920-х годов. Негативное отношение к народно-поэтическому творчеству было во многом характерно и для поэзии пролеткульта. При этом данная позиция касалась прежде всего традиционного крестьянского фольклора. И тем не менее, как отмечает М.А. Левченко, «очевидно влияние на пролеткультистов и

рабочей, и революционной поэзии конца XIX – начала XX вв., фольклорных текстов» [Левченко 2007: 112].

Рассматривая поэтику рабочего песенного творчества, исследователи отмечают, что произведения рабочего фольклора, созданные в XIX веке, в начале XX века, как правило, содержали мотивы тяжести подневольного труда, представляли собой «монологи-жалобы» [Зуева 1998: 367].

По мере активизации участия рабочих в революционном движении в рабочих песнях все чаще используется политическая лексика: слова жандармы, стачка, забастовка, штрафы и пр.

Отмечая склонность пролетарских поэтов к эпитетам с «ярким аллегорическим значением», К. В. Дрягин отмечает: «Эти постоянные эпитеты обычно ассоциированы с устойчивыми символами, сами имеют преимущественно метаморфический, символический характер, дают скорее общую эмоциональную оценку, чем реальные черты предмета» [Дрягин 1933: 48].

Особенно широко применялся эпитет красный в значении «революционный». Например, о рабочих: «Братья мои в запачканных блузах. / Известно ли вам, как бессмертно прекрасны - / Вы, безвестные члены рабочих союзов, / Члены семьи трудовой и красной» (А. Евстигнеев); об идеях революции: «Пусть будет круче / К вершинам солнечным подъем - / Сквозь холод, мрак, туман и тучи / Мы факел красный пронесем» (И. Ионов); о революции – «Над снежной степью заблистала красная звезда, / Вонзая стрелы в белый стан, / От Мюнхена и до Байкала / Взвихрила красный ураган» (М. Герасимов).

Из русского фольклора пролетарскими поэтами могли заимствоваться и целые сочетания. Например, сочетания дружная рать и рать свободная у А. М. Гмырева в стихотворении «Набат».

Из жилищ-гробов с проклятьем
Вековым цепям

Они встали дружной ратью –
На беду царям.

<...>

В черном мраке душевной ночи,

В боевом дыму

Рать свободная рабочих

Рушит жизнь-тюрьму [Гмырев 1979: 60].

Или сочетание ворон черный в стихотворении А. Маширова-Самобытника.

Грудь залечится вольного флота,

Будет витязю страх незнаком,

И запрутся морские ворота

Еще крепче надежным замком.

Вам же, воронам черным, проклятье,

Предрекавшим нам гибель в бою.

[Маширов-Самобытник 1959: 304]

Близкие к этому элементы художественной образности обнаруживаются и в стихотворениях царицынских поэтов, входивших в ЦАПП: «Октябрь наш красный» (Н. Золотухин), «Наше красное солнце вошло – / так плакат красным голосом шепчет» (Я. Горбушин), «Взвейся красным вихрем» (В. Темный).

Как было отмечено выше, обращение к традиционному крестьянскому фольклору не было сознательной эстетической установкой для пролетарской поэзии, он ассоциировался с темным прошлым. Отметим и другую особенность: пролетарская поэзия начала 1920-х годов формируется во многом под влиянием современных ей фольклорных жанров. В их числе – частушка. Царицынский поэт М. Субботин принял участие в литературном конкурсе Пермского ОДВФ, его частушки получили на нем третью премию. Частушка в начале 1920-х относилась к разряду низовых

фольклорных жанров, живо бытовала в городской и сельской среде. В 1922 году Д. К. Зеленин на Литературной секции Харьковского ученого общества делает доклад «Современная русская частушка» и дает теоретическое обоснование отличий между старым и новым песенным фольклором. В статье Д. Семеновского, опубликованной в журнале «Красная новь» в 1921 году, говорится о частушке: «Литература есть отражение жизни. Народные песенки-частушки есть одно из лучших и самых полных отражений жизни народа. Ни одно событие не пройдет без того, чтобы народ не запечатлел его ярко в своих коротеньких, большею частью в четыре строчки, частушках» [Семеновский 1921: 56]. Частушки М. Субботина, посвященные созданию новых аэропланов, построены по модели традиционной частушки, они представляют собой четверостишие, написанное четырехстопным хореем с перекрестной рифмой:

Мы по воздуху летим,
Вот это оказия.
Берегись, «очко» дадим
Тебе буржуазия. [Субботин 1925: 24]

либо с рифмующимися 2 и 4 строкой:

И для сельского хозяйства
Ероплан необходим, –
Будет больше самолетов
Саранчу мы победим. [Субботин 1925: 24]

Частушки М. Субботина авторские, их возникновение можно связать с использованием пролетарским поэтом фольклорной формы, их можно назвать имитацией фольклора, причем имитацией часто достаточно неискusstной. Например, это попытки автора «втиснуть» в текст аббревиатуру ОДВФ (Общество друзей воздушного флота, которое было создано в 1923 году), что делает текст непригодным не только для пения его в качестве частушки, но и для чтения вслух:

Дружно строить ОДВФ

Беритесь ребятаки.

Чтоб от нас буржуазия

Смазывала пятки. [Субботин 1925: 24]

Более органично с точки зрения фонетического строя, но все же очень «непесенно» звучит и частушка М. Субботина:

У меня миленок Шура

Парень завлекательный.

Членом стал О.Д.В.Ф.

Значит он сознательный. [Субботин 1925: 24]

Частушки М. Субботина можно было бы отнести к одному из достаточно ранних проявлений конструирования фольклора в советской словесности. Это описано фольклористами: «Сначала творцы “советского фольклора” берутся за частушки, вероятно, как за самый оперативный жанр, к тому же доставляющий – вместе с анекдотом – особенно много беспокойств властям; во всяком случае первой продукцией “советского фольклора” оказывается именно частушка» [Архипова 2013: 59].

В 1925 году на страницах журнала «Пламя» публикуются сатирические рисунки, которые сопровождаются четверостишиями, без указания имени автора, близкими по содержанию и ритмическому строю именно к жанру частушки. Так, в №1 журнала приводится рисунок, изображающий женщину, стоящую с стоящую у плиты с ложкой и ухватом, с ребенком на руках. Под рисунком надпись:

Сотни лет в плену у быта:

Дети, печь, горшки да щи...

Новый быт путем Нарпита,

Женщина, сестра, ищи! [Пламя. 1925. №1: 16]

Влияние на пролетарскую поэзию Царицына оказал городской фольклор. Уже середины 1920-х годов начинается борьба с репертуаром

городского фольклора, он осуждается как «”цыганщина”, “бульварщина”, “музыкальный самогон”» [Архипова 2013: 36]. Однако еще в начале 1920-х годов этот вид народного творчества был популярен, и можно говорить о его влиянии на пролетарскую поэзию, в том числе – на творчество поэтов Царицына. Так, стихотворение царицынского поэта П. Коростелева «Папиросник», к анализу которого мы обратимся ниже, по своим мотивам перекликается с известной песней «Купите папиросы» («Ночь туманна и дождлива, за окном темно...»). Она характеризуется как пример уличного фольклора времён нэпа. По популярности эта песня не отставала от «Кирпичиков» и «Бубличков» [см.: Запрещенные песни 2004]. Сюжетно тексты не совпадают: «Купите папиросы» называли «песней еврейского сироты», в стихотворении П. Коростелева упоминается отец мальчика-папиросника. Но общая ситуация – ребенок, продающий на улице папиросы, грустный – отнятое детство, жестокость жизни по отношению к маленькому человеку, наконец, общий характер сострадания папироснику позволяют говорить об определенном родстве текста пролетарского поэта с произведением городского фольклора.

Влияние еще одного жанра народного творчества, популярного в конце XIX века, можно выявить в стихотворениях пролетарских поэтов Царицына – это жестокий романс. Исследователь Е.А. Костюхин пишет: «Прежде всего жестокий романс детище городской массовой культуры» [Костюхин 2003: 493]. «Родовые черты» жанра характеризуются в исследовании И.Я. Гудошникова: «Жестоким мы можем назвать те городские романсы, которые сочетают сюжетную претенциозность с лексической, особенно подчеркивают трагизм изображаемого в произведении события, накал человеческих страстей, вызванных им... Их герой не стремится к пересозданию действительности» [Гудошников 1990: 70]. В сюжетах ряда стихотворений и поэм пролетарских поэтов Царицына отголоски сюжетов и мотивов жестокого романса отчетливо

прослеживаются. Их можно выявить, например, в поэме В. Темного «В черном тумане», рассказывающей о трагической любви Вани и Маши, работавших у заводчика. Сюжет поэмы полон страстей: заводчик надругался над Машей, заманив ее к себе в дом, а Ваня отомстил, перерезав ему горло. Но и сам погиб от «сторожевской пули». Благородство Вани противопоставляется похоти барина, «свинные глазки» которого «режут Маши чудную косу». Высокая нравственность Маши подчеркивается в ее предсмертном письме милому:

Месяц глянул
из-за облачной кочки,
довольно было Ивану
прочитать четыре строчки.
«Тебя как сокола
как свою степь любила.
Заводчик наше счастье слопал
и меня толкнул в могилу». [Пламя. 1923. №8: 8]

В поэме можно проследить и сюжетные мотивы жестокого романа, и отголоски немого кино, что требует специального рассмотрения.

О поэтике жестокого романа Е.А. Костюхин пишет: «Широко пользуясь обветшалыми лирическими штампами жестокий романс создает собственную поэтику» [Костюхин 499]. С этими определениями согласуются особенности образного строя и интонации стихотворения В. Темного с очень характерным названием – «Романс»:

Могу-ль тебя я не воспеть,
тебя, одну из черных фей?
К тебе ли сердце пламенеть
не устает в груди моей?
<.....>
О, как счастлив для нас тот день,

когда машина в смену спит,
и мы с тобой идем под сень
зелено-красочных раки.
И у ручья холодных струй,
где яркие растут цветы
во мне твой страстный поцелуй
рождает юные мечты. [Пламя. 1923. № 2: 10]

В стихотворении автор использует характерную для романса флористическую символику, и при этом характерно, что любовный сюжет в стихотворении разворачивается на фоне трудового процесса, он вписан в производственное пространство, на чем мы остановимся в следующей главе диссертационной работы.

Традиционная фольклорная символика в произведениях пролетарских поэтов может трансформироваться, обретать новую семантику. Так, В.М. Олейник отмечает: «Пролетарские поэты переосмысливают традиционные фольклорные образы веснянок, наследуя кое-что из обрядовых песен. Отсюда персонификация весны, обращение к ней как к живому существу. Но у пролетарских поэтов поздравление весны с ее зелеными полями и многоголосым пением птиц сопровождается горькими авторскими размышлениями, душевными страданиями, обусловленными тяжелой социальной действительностью. Картины природы выполняют эстетическую функцию, выступая резким контрастом к бедствиям народной жизни. Прием контраста – ключевой в раскрытии идейного замысла в произведениях пролетарских авторов. В разработке этого поэтического жанра пролетарские писатели стремились придать веснянкам содержание и тональность революционной песни. В их основе лежит гражданский пафос» [Олейник 1988, 15-16].

Образ весны пролетарские поэты интерпретировали по-разному. Весна выступала в качестве помощницы, подруги, шла во главе

пролетариев-борцов как союзница и, конечно, ее самый распространенный образ – это образ свободы, который перекликается с мотивами возрождения и обновления жизни.

Традиция обращения к образу весны как к времени пробуждения жизни, имеющая глубокие мифопоэтические истоки, характерна и для пролетарских поэтов начала века. В стихотворении В. Князева «В черные годы» (1911 г.) приход весны символизирует наступление политической свободы:

Неправда! Я вижу: сверкает вдали
Рожденная бурей зарница.
Пусть черные тучи всю твердь облегли, –
Я верю, – весна возвратится!
И снова бездонный небесный шатер
Сверкающей далью насытит наш взор,
Цветами покроются степи,
И сгинут железные цепи!..
Я верю, я верю – светла и ясна,
Как чистые грезы ребенка,
Опять воцарится богиня Весна,
Прогонит кошмары трехлетнего сна,
Весенние рощи листвой зашумят
И – радостно, вольно и звонко –
Весенние песни в лесах зазвонят.
И снова по бранному полю
Прокатится властное: «Волю!» [Князев 1967: 184-185].

В стихотворении Ф. Шкулева «Яснеет даль, все ярче блики» (1912 г.) весна выступает предвестником лучшей жизни, приближающегося счастья.

Яснеет даль, все ярче блики.
Рассвет, собратья, недалек;

Я вижу радостные лики,
Я вижу огненный поток...
Редееет мрак!
Чу, слышен звон... То звук набата,
Он нас зовет на пир весны,
Все дали заревом объята,
И люди радости полны,
И в сердце звон [Шкулев].

В стихотворении «Верь, тот славный день настанет!» (1912 г.) Д. Одинцов грезит о весне как о светлом, славном дне. Поэт верит, что измученные души вновь воскреснут и будут ликовать под прекрасными, теплыми, весенними лучами:

Верь, тот славный день настанет!
Средь лазури голубой,
Над ликующей землей
Молодое солнце встанет.
Под весенними лучами
На воскреснувший простор
Из темниц, из душных нор,
Мы пойдем тогда рядами.
<.....>
Верь, недолог час суровый!
Все, что спит в глубоком сне,
Молча грезит о весне [Одинцов 1967: 224].

Эта традиция получает развитие в произведениях пролетарских поэтов первой половины 1920-х годов. Пример тому – стихотворения царицынских поэтов-пролетариев. В русской 1917-1921 года характерным было обращение к символике времен года. При этом, будучи традиционной для литературы и фольклора, эта символика в поэзии революционных лет

обретает дополнительную мотивацию, которая связана с историческими событиями: мартовской революцией, которая позднее стала называться февральской (ср. у З. Гиппиус «Юный март», у Б. Пастернака – «Как было хорошо дышать тобою в марте») и революцией, которая совершилась в ноябре, но стала называться октябрьской. В стихотворениях, воспевавших революцию, совершенную большевиками, возникает мотив перехода осени в весну.

Ты был Октябрь,
И разве в стуже,
В сугробах не цвела сирень? [Нарбут 1990: 206]

Это явление проанализировано в работе Н.Е. Тропкиной «Образный строй русской поэзии 1917 – 1921 гг.» [см.: Тропкина 1998].

В стихотворении Н. Золотухина «Гимн октябрю» использована традиционная символика, наполненная политической, революционной семантикой. Стихотворение начинается с описания унылого осеннего городского пейзажа, вопреки которому герой испытывает радость от празднования годовщины революции:

Ну, и пусть города
ветер косматый полощет,
сегодня знамена труда
украсят шумящие площади.
Октябрь наш,
красный,
гордый,
вечный [Пламя 1923. №5: 5]

Это же картина завершает стихотворение, которое имеет кольцевую композицию:

Пусть же, пусть города
косматый ветер полощет.

Сегодня знамена труда

украсят шумящие площади. [Пламя 1923. №5: 5]

В стихотворении осени противопоставлен образ весны как олицетворения радости и обновления жизни:

Ты поселился в нас

и сердца

наши

стали, как вишни весной,

в душистом цвету. [Пламя 1923. №5: 5]

Образ цветущей вишни в фольклорной символике связан с темой любви, счастливых встреч влюбленных в вишневом саду. В стихотворении пролетарского поэта семантика образа меняется, но его эмоциональный смысл сохраняется. Д.Н. Медриш пишет: «Уже само определение – "вишневый" – в русском фольклоре имеет идеальный, качественно-оценочный смысл, оно из того же ряда, что и эпитеты золотой, серебряный, жемчужный. <...> С вишней, вишеньем связываются в русской народной лирике ощущения радости и счастья» [Медриш 1980: 230].

В другом стихотворении, Я. Горбушина, символика времен года вынесена в заглавие – «Январь и май»:

Сердце до боли

сжалось в груди.

Зимняя вьюга

в сердце гудит,

злится и косит.

А что впереди?

Видим – весна

с зеленым маем.

Дорога тесна,

но мы шагаем. [Пламя. 1925. № 7-8:140]

В стихотворении весеннее обновление жизни мотивировано революционным обновлением:

Первый гром
пробороздил, как пахарь,
майские тучи.
Это май могучий,
это жизни зелень.
Ленин сегодня
знамя поднял,
а черные тучи
мы размелем. [Пламя. 1925. № 7-8:140]

Близкие к этому мотивы характерны и для стихотворных произведений других царицынских пролетарских поэтов. Таким образом, фольклорный мотив трансформируется, наполняется новым смыслом.

Итак, пролетарская поэзия 1920-х годов, и, в частности, пролетарская поэзия царицынских авторов формировалась под влиянием фольклорной традиции. В подавляющем большинстве своем это были поэты, вышедшие из народных «низов», и фольклор для них был родной и близкой художественной стихией, их видение жизни во многом определялось ею, и потому они брали из копилки народного творчества мотивы и образы, как свое, кровное, смело внося их в пролетарскую поэзию.

ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ЦАРИЦЫНА

2.1. Производственное пространство

в произведениях пролетарских поэтов Царицына

Одной из наиболее характерных особенностей пространственной структуры пролетарской поэзии является обращение к производственному пространству. Это обусловлено как теми реалиями, которые окружают пролетариат – рабочих промышленных предприятий, так и эстетическими установками. Пролетарские поэты чрезвычайно широко использовали язык индустриальных образов, язык машин, т. к. это была та образная сфера, которая наиболее близка и рабочему автору, и рабочему-читателю. Эти особенности характерны как для пролетарской литературы в целом, и для авторов, входивших в царицынскую ассоциацию пролетарских писателей.

Тема труда рабочего на заводах, фабриках, в рудниках – исконно одна из главных тем пролетарской литературы. Так Е. А. Добренко пишет: «Уже в дореволюционной пролетарской поэзии производство, трудовые процессы инструменты, станки, фабрика, город становятся главным предметом эстетического переживания (своего рода ненависти / любования), сохраняя всю стиливую палитру своего» [Добренко 2007: 161]. Производственные образы и порождаемое ими производственное пространство изменяют художественный смысл в ходе исторического развития. В литературных и фольклорных произведениях рабочей словесности авторы XIX – начала XX века говорили о безрадостной участи трудящихся. В большинстве случаев это были натуралистические описания фабричного гула и смрада, непосильной работы. Поэты тяготели к предельной локальности изображаемого. Описываемое пространство завода, цеха наделяется негативным смыслом. Так, в творчестве Е. Нечаева центральным становится образ душной и смрадной гуты, где рабочие-

подростки получают тяжелые ожоги от раскаленного стекла. Частые увечья на фабриках породили мотив несчастного случая, нередко встречаемый в стихотворениях Ф. Шкулева, А. Богданова, А. Белозерова и других авторов. Однако уже в канун первой русской революции смысл пространственных образов техногенного ряда меняется, семантика этих образов нередко становится позитивной. Так, Ф. Шкулев пишет «Гимн труду» (1904), в котором конструируется образ тотального пространства труда, всеобъемлющий топос трудовой деятельности охватывает и пространство человеческого жилища, и всеобщее пространство, включающее верх / низ: от небесного до подземного:

Давайте работать, работать дружной
При солнца сияньи, при свете огней,
В убогих лачугах, в подвалах сырых,
На фабриках шумных, в стенах мастерских,
По шахтам глубоким, во тьме под землей.
В лесу и на поле за маткой-сохой! [Шкулев 1959: 55]

В стихотворении Ф. Шкулева «гимн труду» оборачивается гимном борьбе за изменение жизни рабочих:

Сплотимся, собратья, и дружной семьей
Оковы разрушим судьбы роковой.
Гасителям света мы бросим укор
И властному злату дадимте отпор,
А трутням-невеждам, что праздно живут.
Мы с гордостью скажем, что в мире есть труд. [Шкулев 1959: 55]

Правда, цели этой борьбы раскрыты не совсем внятно, итогом ее оказывается гордая репрезентация человека труда, противостоящего трутням-невеждам. Труд в стихотворении воспет и возвышен, но его изображению свойственна абстрактность и пафосность, обращение к штампам. Реалии производственного пространства в тексте отсутствуют.

Определенная установка в сфере изображения производственного пространства характерна для поэзии Пролеткульта. Исследователь М.А. Левченко отмечает: «Собственно сам ‘завод’ (“у станка”, “в кузнице”, “у машины” и пр.) для Пролеткульта есть особый, отграниченный от остального пространства локус. Это безусловно иное пространство, рождающее (“Я отрок рос в железном храме...” М.Герасимова; <...> родственное “раю”, и, как уже говорилось, одеяющее “сознанием” побывавшего в нем» [Левченко 2001: 159]

Пространство трудового процесса обретает новый смысл в пролетарской поэзии пореволюционных лет, прежде всего, в поэзии Пролеткульта. В работе Л. М. Фарбера отмечается: «Задача поэтов – передать радость труда <...> счастье в труде. А сделать это можно было только на конкретном материале. В этом плане велики заслуги В.В. Казина. Его «Рабочий май» (первоначально напечатано в журнале «Гудки», 1919, № 4) – подлинное поэтическое достижение пролетарской поэзии. Работа жестянщика показана с помощью таких осязаемых, выпуклых, реалистических деталей, которые передают и любовь к труду, и радость труда» [Фарбер 1966: 87-88].

«В любой рабочей профессии – красота и поэзия – таков тезис В. Казина» [Фарбер 1966: 87-88].

Исследователь приводит строфы из стихотворения поэта:

Живей рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.
Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки! («Рубанок», 1920 г.) [Казин]

При этом отметим, что в стихотворении поэта сам трудовой процесс одушевляется. Характерно то, что поэт прибегает в тексте стихотворения к аллитерации («шибче шаркай, /Шушукай <...> чеши <...> гребешком»), звуки, сопровождающие обработку дерева, буквально воспроизводятся и при этом наделяется эстетической характеристикой – уподобляется пению.

Сам В. Казин вспоминал, что этими своими строками он обязан Андрею Белому, поэту и наставнику по студии Пролеткульта [см.: Богомолов 1988].

Отметим, что эта тенденция – акцент на звуковой характеристике производственного пространства в целом характерна для пролетарской поэзии, в частности, ни же мы проследим ее на примере произведений пролетарских поэтов Царицына. Знаменательна и другая особенность: черты антропоморфизма, воссозданного в стихотворении через метафорическое изображение обработки дерева как расчесывания кудрей. Очевидно, что здесь просматриваются и фольклорные традиции: волосы, и в особенности кудри в различных фольклорных жанрах, в частности, в свадебном фольклоре наделяются очень значимыми художественными функциями.

Пространство завода, цеха, упоминание реалий промышленного производства отмечено в творчестве пролетарских поэтов пореволюционных лет позитивными коннотациями. Пример тому – стихотворение А. Гастева «Гудки»:

В каждом звуке, в каждом стуке,
В каждом взмахе колеса,
Как в народе, **как** в природе,
Есть особая краса. [Гастев]

Автор, как и В. Казин, использует прием аллитерации, тем самым воспроизводя звук работающего станка, машины, обращается к анафоре и повтору, что воссоздает зримую и слышимую картину кругового движения.

Один из наиболее характерных образов техногенного пространства в пролетарской поэзии – образ металла. В сознании поэта-рабочего пролетариат – это железный мессия. Именно так был назван сборник стихов В. Кириллова. По определению Г. Лелевича, «пролетарская литература умела “заражать” читателя революционным энтузиазмом при помощи общих “железопсалмов” и отвлеченных гимнов революции» [Лелевич 1924: 69] (курсив наш. – Е.Я.).

Одним из самых ярких примеров является цикл «Стихи о железе» Мих. Герасимова. Его автор был основателем и председателем Самарского Пролеткульта, редактором журнала «Зарево заводов», был в числе основателей литературной группы «Кузница». Его называли «поэт железа». В стихотворении «Железным дуновеньем» читаем:

Железным дуновеньем,
Осень,
Ты тронула багряный лес
И металлическую просинь
Как бы шлифованных небес.
<.....>
Расплавленную медью пышет
От листопадных струй ручей. [Герасимов]

Знаменательно в контексте этого стихотворения определение «шлифованный» в применении к образу небес – техногенная символика ярко проявилась с нем, определение обретает характер эпитета, становится атрибутом производственного пространства. В этом же ряду образы «железное дуновенье», «металлическая просинь».

Процесс промышленного производства: плавки металла, отливки из него предметов, как и в целом производственные процессы, становится одним из наиболее частотных источников метафоры пролетарских поэтов.

Общие тенденции, характерные для образного строя пролетарской поэзии, находят яркое воплощение в стихотворениях царицынских поэтов-пролетариев. Это связано с историческими реалиями, о чем было сказано выше, в параграфе 1.2. Отмеченная тенденция обусловлена и биографией исследуемых авторов. Так, член ЦАПП Николай Никитин работал на заводе «Красный Октябрь» сначала в сортовых цехах, затем в подотделе техники безопасности – протоколистом, поэт Василий Иванов, публиковавшийся под весьма характерным для своей эпохи псевдонимом «Василий Темный», работал в мартеновском цеху завода. Рабочими на этом же заводе были пролетарские поэты В. Соловьев, Я. Горбушин. Один из основателей Царицынской ассоциации пролетарских писателей – Михаил Субботин – был рабочим-печатником, пролетарский поэт П. Коростелев был рабочим депо Юго-Восточной железной дороги в Царицыне. Закономерно, что производственное пространство предстает в стихотворениях царицынских поэтов в достоверно воссозданных деталях, в характерной атрибутике промышленного труда.

Показательны строки стихотворения С. Ленского «Юным пионерам», опубликованного в журнале Пламя» в 1923 г. Формирование личности подростка интерпретируется в нем как формовка неживого предмета:

Как ковкий металл в мастерской
вас лектор формует – точит [Пламя. 1923. № 7: 3]

Характерно, что глагол «формовать» – технический термин и сферы литейного производства. В стихотворении ему отчасти придано антропологическое значение. Отметим, что одна из самых известных работ постсоветского литературоведения о советской литературе – книга Е.А. Добренко «Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы».

Это соотносимо с тем, что позднее изменение человека станет обозначаться одним из характерных советизмов из сферы

металлообработки – словом «перековка», которое возникло во время строительства Беломорско-Балтийского канала (1931—1933), широко употреблялось в разговорной речи, в СМИ и даже в приказах ОГПУ.

В творчестве пролетарских поэтов Царицына образы, связанные с производством металла, его выплавкой и штамповкой занимают существенное место. Знаменателен эпитет в стихотворении Н. Золотухина – «Пойду израненной дорогой / искать иных, **железных** песен» [Пламя. 1923. № 6: 5] (ср. в стихотворении С. Ленского – «В труде с железом я сливаюсь»). В стихотворении Н. Золотухина эпитет «железный» становится емкой характеристикой, которой обозначены «мы» – именно так названо его стихотворение:

Нам ли,
Железным,
Мятежным,
Как племени
Знамя,
Лить

Тихоструйные песни [Смирнов 1996: 25]

Одно из характерных произведений царицынских поэтов, воссоздающих производственное пространство – стихотворение Н. Золотухина «Утро», в котором дважды повторяется начало строки «Мы идем в заводы». Пространство завода органически вписано в этом тексте в утренний пейзаж.

Производственное пространство описывается пролетарскими поэтами как величественное, грандиозное. Приведем строки стихотворения Я. Горбушина «Утренней зарей»:

О, как хорошо, порывно
глядеть на *гигантский* завод (курсив наш. – Е.Я.).

[Пламя. 1923. № 3: 9]

Зримый образ производственного пространства, связанный с процессом выплавки иликовки стали, порождает и ряд мотивов, сопряженных с образами огня, таких, как искры, лава.

Знаменательно и само название журнала пролетарской поэзии Царицына – «Пламя». Огонь – амбивалентный символ, его смысл может быть и разрушительным, поглощающим живое и созидательным, очистительным. В языке русской революционной поэзии образ огня (пламени) является традиционной метафорой освободительной борьбы. Традиция этого словоупотребления складывается с опорой на мифопоэтические, литературные и фольклорные традиции уже в русской поэзии пушкинского времени. М. Гершензон в работе «Мудрость Пушкина» отмечал значимость слов «пламя» и «хлад» в словаре Пушкина «в применении к нравственным понятиям» [Гершензон 1990: 231]. Образ пламени как метафоры общественного освободительного движения актуализируется и в языке русской поэзии, и в языке прессы, публицистики начала XX века. Н.А. Кожевникова пишет: «Для поэзии этого времени (имеется в виду рубеж XIX-XX веков) важна параллель огонь – революция» [Кожевникова 1986: 55]. В этом контексте можно рассматривать и название «Искра», которое носила первая нелегальная подпольная газета, основанная В.И. Лениным в 1900 году. Эпиграфом к газете были слова «Из искры разгорится пламя» с указанием: «Ответ декабристов Пушкину». Имеется в виду строка из стихотворения ссыльного поэта-декабриста А. Одоевского «Струн вещих пламенные звуки...». В этом контексте может быть прочитано название журнала царицынских пролетарских поэтов – в нем можно увидеть некое сбывшееся пророчество.

Революция как огненная стихия – один из наиболее частотных образов в русской поэзии конца 1910-х годов. В этом контексте прочитываются и «мировой пожар» поэмы А. Блока «Двенадцать», и «Огненный столп» Н. Гумилева. С.С. Аверинцев писал: «"Гори!" –

действительно ключевое слово, объединяющее символизм, футуризм и утопически понятый восторг революции» [Аверинцев 1996: 217]. Отголоски этой образности характерны и для пролетарской поэзии Царицына.

В пролетарской поэзии 1920-х годов образы пламени, огня, искр отчасти демегафоризируются, становятся не столько метафорой революционного пламени, сколько атрибутом производственного процесса. Так, к огненной символике обращается И. Стукалов – «Я не один бросаю искры света в бездны», С. Ленский – «Горно пытит, вулканом искры сыплет». Характерны строки стихотворения В. Соловьева «Комсомольская кузница»:

Искры. Грохот.

Хохот. Хохот...

Визг. Шипенье...

Сталь, как тесто. [Пламя. 1923. № 3: 9]

Однако при этом сам трудовой процесс вписан и в контекст революционных мотивов. Яркий пример – стихотворение С. Ванина «Утром». В стихотворении утро отмечено движением рабочих к заводам, в цеха, и это движение сопровождается публицистической революционной риторикой («чтоб завод смеялся Октябрем»). Воссоздается начало трудового процесса, упоминаются его реальные атрибуты (цехи, уголь, завод, станки, горн), однако в финале стихотворения автор напрямую пишет о трудовом процессе как о революционном акте, образ-символ огня принадлежит в тексте двум сферам: производственной и социальной:

разгорайтесь, огневые угли,

что-б огонь

восстанием трубил. [Пламя. 1923. № 8: 10]

Одним из самых ярких примеров воссоздания производственного пространства в стихотворениях пролетарских поэтов Царицына можно назвать стихотворение И. Стукалова «В мартеновском цехе»:

Красным плащом оделись топки,
раскосматился дым от машин,
искрометные брызги, как хлопки,
вылетают из пастей мартэн.
Семь изложниц, – железных бокалов,
поставлены стройно в ряды, –
налиты они пуншем алым
из бурлящей вулканом руды.
Мчатся искры, как красные галки,
цех шумит, как под бурею лес,
выплывают кометы - вагранки
под тяжелый грохочущий пресс.
Пар и копоть свиваются выше
над раскрывшем пасть горном,
вагонетки промчались под крышей –
чашей полной седым чугуном. [Пламя. 1923. № 3: 7]

В этом стихотворении, при всем его художественном несовершенстве, нашли отражение весьма существенные особенности образного строя пролетарской поэзии Царицына. Производственное пространство увидено и глазами его непосредственного участника, характерно обращение к реалиям производства (мартэн, изложницы, вагранки, пресс). Вместе с тем в стихотворении предстает мифологизированная картина, в которой производственное пространство наделено с одной стороны антропоморфными чертами («пасти мартен», «пасть горна»), с другой – оно вписано в ряд природных образов («Мчатся искры, как красные галки, / цех шумит, как под бурею лес»), разрастаясь до масштабов космического действия (кометы – вагранки). Характерна стилистика стихотворения, явно испытавшего влияние символистской и постсимволистской поэтики. В следующих строках:

Семь изложниц, – железных бокалов,
поставлены стройно в ряды, –
налиты они пуншем алым
из бурлящей вулканом руды –

можно усмотреть черты образности, характерной для поэзии И. Северянина.

Устойчивыми атрибутами производственного пространства становятся звуки – шум станков, стук и грохот. В грохоте и шуме производства пролетарским поэтам Царицына слышится радостный звук свободного труда, проявление силы и могущества человека-творца.

Приведем строки стихотворения Н. Ладыгина:

Мастерская громыхает,
целый день не утихая.

Шум и стук,
стук и гам.

Льется мощной силы звук

трудовой мажорной гаммы... [Пламя. 1925. № 2: 40]

(курсив наш. – Е.Я.)

В стихотворении акцентируются позитивные коннотации производственных звуков, что отражено в эпитетах «мощный», «мажорный». В стилистике, близкой к модернистской поэзии, автор рифмует слова «гам» и «гаммы».

В упомянутом выше стихотворении Н. Золотухина «Мы» звуковая характеристика производственного пространства представлена через систему оппозиций:

Вы знаете, как громозвучны
в заводах станки,
Как гогочут орудия
многодюймовки?
Это не то, что шушуканье

нежных раки!т!

Это не то, что в комнате

стук мышеловки! [Смиров 1996: 25]

Звуки, характерные для производственной сферы, противопоставлены звукам природы и домашнего обихода по признаку силы и мощи: они «громкозвучны».

Важно отметить, что звуки, характерные для производственного топоса, слышаны и описаны изнутри, непосредственно участниками трудового процесса.

Наиболее характерен для характеристики производственного пространства звук заводского гудка, который становится устойчивым атрибутом городского топоса в стихотворениях пролетарских поэтов Царицына. Пример тому – стихотворение Н. Золотухина:

Нас
встречают звуки часовых-заводов,
часовых-заводов – огневых гудков,
потрясая
гулом
голубые своды [Пламя. 1923. № 1: 7]

Производственное пространство в произведениях пролетарских поэтов обретает не только слышимые и зримые черты – цеха, станки, заводы становятся предметом одушевленным. Поэты прибегают к приему олицетворения:

Мы бросаем угли в топки
что-б смеялся,
что-б смеялся радостно завод,
что-б станки звенели
звонко–звонко
и бурлил

кипящий печи рот. [Пламя. 1923. № 8: 10]

В.Б. Смирнов, рассматривая их поэзию, отмечает: «Подход ко всем явлениям жизни под углом производства и трудовых процессов принимает <...> художественную форму трудового рабочего антропоморфизма» [Смирнов 1996: 192]. Антропоморфизм стал доминантой пространственного континуума пролетарской поэзии, в которой неживое, механическое осмысливается как одушевленное, очеловеченное. Сам завод является наставником рабочей семьи, именно в нем заключена «вся мудрость мира». завод для рабочих был огромным живым организмом: мартеновские печи открывали свои пасти и глотали чугун, а цеха пожирали болванки, «дедушка блюминг» мог стонать и пыхтеть за работой.

Можно привести еще ряд примеров такого рода: «завод наш исполин плясал от доменных печей» (Василий Темный) [Пламя. 1923, № 8: 10], «машина пронзительно поет» (Я. Горбушин) [Пламя. 1923. № 3: 9].

Этот мотивный комплекс был характерен для поэзии Пролеткульта. М.А. Левченко пишет: «Способность к “слову, песне” приписывается заводам, станкам и проч. орудиям; именно они оказываются источником сознательности пролетариата и им, соответственно, и принадлежит “истинное”, всепобеждающее слово» [Левченко 2007: 72].

Одна из характерных тенденций актуализации производственного топоса в пролетарской поэзии – его широкая экспансия. Производственное пространство охватывает все сферы человеческой жизни, наполняется эмоциональным смыслом. Это прежде всего то, что определяется нами как «трудовой восторг». Обезличенный механистический предметный мир промышленного производства осмысливается как совокупность одушевленных реалий, вызывает у поэта личные чувства, бурные эмоции. Характерно стихотворение одного из наиболее известных пролетарских поэтов – В. Казина:

Я полюбил тебя, рокот железный,

Стали и камня торжественный звон,
Лаву... Огонь беспокойный, мятежный
Гимнов машинных, их бравурный тон.
Я полюбил твои вихри могучие
Бурного моря колес и валов,
Громы раскатные, ритмы певучие,
Повести грозные, сказки без слов.
Но полюбил я и тишь напряженную.
Ровный и низкий и сдержанный ход,
Волю каленую, в бой снаряженную,
Мой дорогой, мой любимый завод [Казин].

Близкий к этому пространственный мотив характерен и для стихотворения царицынского поэта Н. Золотухина:

Но среди многих его мастерских
Не пойму, отчего так люблю я
Больше всех мастерских остальных
Голубую одну мастерскую [Пламя. 1923. №6: 5].

В этом аспекте показательное стихотворение «Мостовщик» царицынского поэта Ивана Закоблукова. Стихотворение можно было бы отнести к любовной лирике: радость охватила героя стихотворения после встречи с Машей. В неумелых, но проникновенных строках поэт-пролетарий пишет о радости встречи. Психологически достоверно передано внутреннее состояние героя стихотворения, его нетерпеливое ожидание вечера, которое как будто растягивает день. С другой стороны, стихотворение укладывается в тематическую парадигму, связанную с трудовым пространством, начиная с заглавия. В стихотворении детально воссоздан трудовой процесс мощения улицы:

Распояской, в рубахе дырявой,
переулки камнями мостит.

Молотком разбивает на части,
вырастает за рядом ряд. [Пламя. 1925. № 2: 40]

Сама встреча с девушкой происходит непосредственно во время трудового процесса: «Маша им была утром встречена / при разгрузке тяжелых камней». И, как нам представляется, весьма характерен финал текста:

Въелась пыль в его потное тело –
боли-ж нет все-ж в плечах.
Было-ль время, чтоб Ваське не пелось?..

Он всегда утро песней встречал... [Пламя. 1925. № 2: 40]

Показательно, что радостным оказывается для героя именно утро, связанное в пролетарской поэзии не столько с пробуждением от сна, сколько с началом трудового процесса.

В производственное пространство вписана любовная тема и в других стихотворениях пролетарских поэтов Царицына. В ряде случаев это актуализировано очень наглядно. Пример тому – стихотворение Н. Золотухина «Из металла»:

Я видел средь станков ее опять,
она была в лучах багряного металла.
Я жаждал вновь ее по-прежнему обнять,
когда искристый взор в меня она метала.
Я чувствовал: любовь, как плавка клокотала
в стальной ее груди;
она железные цветы в руках сплетала
и я шептал: «Приди.., Приди».
Под шум машин свободная, с задором
она рабочий марш в работе напевала,
и волос вьющийся ее с пробором
был точно вылит из металла. [Пламя. 1925. № 2: 40]

Штампы массовой любовной поэзии в стихотворении трансформируются, оказываясь на грани пародийности. В стихотворении представлен весь спектр поэтических тропов: сравнения (любовь как плавка, волос точно вылит из металла), эпитеты (искристый взор, стальная грудь, железные цветы). Показательно, что в стихотворении выстраивается целый ряд синонимических образов: металл, сталь, железо. Героиня не с лучах солнца, а в лучах металла, возлюбленная напевает рабочий марш. В этот контекст неожиданным образом вписана предельно эмоциональная, ориентированная скорее на интонацию жестокого романса строка: «и я шептал: «Приди.., Приди». Стилиевая контаминация, характерная массового творчества, актуализирована в стихотворении царицынского поэта весьма наглядно. Само производственное пространство в тексте оборачивается развернутой метафорой любовного чувства.

В стихотворении Н. Золотухина «Волжанка», для которого характерна повествовательность, обращение к развернутому сюжету, говорится о женской судьбе, по сути своей трагической: героиня стихотворения переживает измену любимого, смерть детей. Как условие спасения от душевных страданий в стихотворении трактуется перемещение ее в производственное пространство:

Я пойду
работать на завод. Молодую
внутреннюю рану
мне залечит стали хоровод. [Пламя. 1923. № 4: 7]

Индустриальное пространство уподобляется хороводу, что соотносится с фольклором: хоровод – традиционное место знакомства и встреч молодых. Реалия заводской жизни оказывается включенной в одушевленный образ, создаваемый с помощью олицетворения, а само пространство завода наделяется антропоморфными чертами. Обретение

новой любви в стихотворении Н. Золотухина ставится в прямую зависимость от трудового процесса:

*Я под шумы
цеховых машин
себе друга,
друга раздобуду
краше
выше*

цеховых вершин. [Пламя. 1923. № 4: 7] (курсив наш. – Е.Я.)

Образ индустриального шума в сочетании с мотивом хоровода обретает в стихотворении Н. Золотухина «Волжанка» новый смысл, и это можно рассматривать как пример экспансии производственного топоса в пролетарской поэзии Царицына.

Пребывание в производственном пространстве трактуется в произведениях пролетарских поэтов Царицына и как своего рода условие поэтического творчества. Характерно стихотворение Я. Горбушина «В огне». Пространственная структура текста базируется на оппозиции топос деревни / топос города, при этом город трактуется как производственное пространство. Образ деревни связывается с природой, полями, которые определяются двумя эпитетами – «далекие» и «зеленые». Далее топос деревни характеризуется отрицательно: это пространство косное, унылое и отсталое: «лачуги молчаньем покрытые». Финал стихотворения – возвращение в героя сферу производственного пространства. Характерно в этом контексте использование слов высокого стиля (завод как «сильный гений», завод «огнекрылый»). Возвращение к заводу оборачивается и возвращением к творчеству:

И вот опять, как сильный гений
завод предстал передо мной,
заря и раннее волнение

гудка зовущего на бой.
Опять в заводе огнекрылом!
Передо мной опять огни!
И лавой красной, горделивой
закапали стихи мои. [Пламя. 1923. № 7: 3]

Рождение стихов метафоризируется в образе металлической лавы.

Таким образом, производственное пространство является в произведениях пролетарских поэтов Царицына определяющим. В его поэтике ярко и наглядно проявляются характерные тенденции пролетарской поэзии на переломе исторического времени, ознаменованного переходом от революции и гражданской войны к строительству нового мира.

2.2. Пространство природы в произведениях царицынских поэтов 1920-х годов

Мотивы и образы пролетарской поэзии могут быть рассмотрены в традиционной антиномии природного/антропогенного, точнее, техногенного пространства. В картине мира, свойственной пролетарской поэзии, ожидаемым является преобладание образов из техногенной сферы. В пролетарской поэзии эта художественная установка декларируется, например, в стихотворении «Наши песни», подписанном именем Степан:

Не хвалебный гимн природе.
Панегирик красоте.
Нет, мы песни о народе,
Гимны радостной свободе
Будем петь! (...) [Правда. 1912. № 16]

Однако это соотношение, как можно выявить на материале пролетарской поэзии Царицына, далеко не однозначно.

В русле общей тенденции прослеживается полемическая эстетическая установка и в лирике пролетарских поэтов Царицына. Н. Золотухин

публикует очень характерное стихотворение «Из песен о себе» в котором автор полемизирует с С. Есениным. Приведем его полностью – в исследуемых текста пролетарских поэтов Царицына стихотворение стоит особняком: это один из редких примеров прямого обращения авторов к литературной теме:

О, жалко дней весенних, ранних,
как цвет на яблоне душистых.

Их тяжело Есенин ранил
любовью злого гармониста.

Вишневым соком губы рделись,
смеялось сердце зорькой алой
и, далеко и гордо пели
уста о счастье небывалом.

Все чаще с буйными очами
сидел в Есенинской Харчевне,
под шелест ветел одичалых,
под звон копыт зари вечерней.

И вот, пришла ко мне тревога.
Я жить устал на тихом плесе.
Пойду израненной дорогой
искать иных, железных песен.

Теперь я стану холоднее.
Довольно шалостей и сказок!
Перед зарей труда бледнеет
несмелый луч изящной фразы.

О, сладок труд среди вагранок,
звучащих солнечною трелью.
Я воспою их сок багряный,
родной мне, с детской колыбели.

О, всем нам, всем дано от жизни
встречать дорог зовущих много,
блуждать дорогами чужими
и, вновь идти своей дорогой.

[Пламя. 1923: № 6: 5]

В духе литературной полемики начала 1920-х годов, пролетарский поэт «упадничеству» Есенина противопоставляет производственный мотив, который, однако, сливается с природным образом – зари.

С. Соложенкина невнимание пролетарских поэтов к пейзажной лирике объясняет следующими причинами: «Люди нового общества, они не сразу осознали себя хозяевами новой природы, для многих она – нечто темное, косное, связанное со старым бытом и бытием. <...> Действительность послереволюционной России – война, разруха, голод... В такой обстановке казалось немыслимым по-прежнему воспевать восходы и закаты, соловьев и розы, которые в глазах пролетарских поэтов, долгие годы лишенных всего этого, – были барской утехой» [Соложенкина 1971: 7-8].

Пространство природы, характерное для пролетарской поэзии, становится источником метафоры, связанной с мотивами борьбы, изменения мира.

Советский исследователь И.С. Эвентов пишет: «Группа рабочих наблюдает падение воды с высокой кручи, – и поэт Д. Одинцов пишет стихотворение “Водопад”, в котором чувство восторга перед бушующей водой рождает возглас: “Шире путь!” Это – ощущение единства между природой и человеком, радость, возбуждаемая сознанием того, как богат и красочен окружающий мир. У А. Богданова природа вызывает философские раздумья (“Сонет”), у И. Ерошина - мысли о труде (“Тучки”), у Л. Старка, М. Герасимова, К. Волгина и других - сложное переплетение чувств,

воспоминаний, желаний, надежд. Но все они стремятся увидеть в природе животворящую силу, неувядаемую красоту» [Эвентов 1967: 26].

Нередко у пролетарских поэтов явления природы уподобляются различным производственным объектам, а общая картина природы – протеканию трудового процесса: «Например, в плане рабочего подхода к природе решены приводимые ниже перифрастические обозначения месяца, звезд, снежинок: Трубой заводской свод расколот / И млечной пылью распылен. / А месяц – *покрасневший молот* – / В вагранках звездных раскален (М. Герасимов); И душный этот потолок / Мной был бы вдребезги расколот, / Чтобы на нас, как частый дождик, / Посыпались *золотые звезды* (Н. Полетаев); Ой, задумал, ой, задумал пилку / Злой мороз по облакам, / И *веселые пушистые опилки* / Полетели к нам, / Уж засыпали, покрыли, облепили / И меня, и улицу, и мост (А. Крайский)» [Бакина 1986: 45].

В статье А. Платонова «Пролетарская поэзия» сказано: «Люди пересоздают природу сообразно своим желаниям, т. е. внутренней необходимости. В этом сущность всякого искусства. Но они начали не прямо с переустройства самой действительности, а с более легкой, с более сильной работы, – с переустройства символов, образов, теней этой действительности, напр., со слов. <...> Наша поэзия есть действительное, а не мысленное преобразование вселенной, отвечающее свободному желанию, т. е. внутренней необходимости человечества» [Платонов]. Отсюда, традиционная мысль об органической соотнесенности и неразрывности связи человека и природы в пролетарской поэзии претерпевает изменение. Человек становится хозяином Вселенной, а природа помогает ему восстановить справедливость, воодушевляя народные массы к борьбе.

В этом плане характерно обращение пролетарских художников к образам природных стихий – ветра, бури. К ним поэты обращаются как к союзнику и вдохновителю человека-творца.

В стихотворении «Буря» А.М. Гмырев использует прием параллелизма природного образа и образов, связанных с революционной семантикой: громовые раскаты – это выстрелы орудий, молнии – это стрелы восставшего народа, а сама буря – это революция, которая зажигает кровь огнем и народ приветствует ее силу-мощь, несущую победную весть.

Буря... Буря... Серебристый
Льется дождь живым ручьем,
Воздух свежий, воздух чистый
Зажигает кровь огнем.
Ярких молний выются стрелы
Над просторами степей
<...>
Грома гордые раскаты,
Негодую, в бой зовут
И в окошки казематов
Весть победную несут [Гмырев 1979: 61].

В. Кремнев в статье «Поэма великой революции» ставит в заслугу пролетарской поэзии тот факт, что «вместо традиционных архаических образов, вроде громахующей колесницы Ильи Пророка, ветреных Геб и Перунов, пролетарский поэт дает нам могучее изображение грозы» [Кремнев 1920: 63]. В качестве подтверждения сказанного он приводит строки из стихотворения В. Казина «Небесный завод», в котором гроза представлена в образе работающего завода.

Яркое выражение данная тенденция находит в стихотворении пролетарского поэта Царицына Н. Золотухина «Гимн Октябрю». В нем ветер бушует, будит людей, поднимая их на борьбу.

Ну и пусть города
ветер косматый полощет,
сегодня знамена труда

украсят шумящие площади.

<...>

и теперь

мы суровы

и непреклонны,

как буря,

гнева порывы

в нас копытают,

как по полю кони... [Пламя, 1923. № 5: 5]

В стихотворении неизвестного автора «В осень» ветер – сообщник пролетария, он пытается связать отживший седой мир и проложить новый красный путь человечеству.

Серые тучи пузом

рвутся о горы крутые.

Ветер пытается в узел

связать облака седые.

Ветер, буйный ветер!

Взвейся красным вихрем

ты пути наметил

будоражить мир рыхлый.

не наша–ль Россия взвеяна

динамитом Ленина слов? [Пламя, 1923. № 5: 5]

Образ ветра становится олицетворением борьбы, стремительного изменения жизни. Например, в стихотворении В. Темного «В осень» природный образ встроен в прямой политический контекст, ветер оборачивается «красным вихрем». Динамичность, бурные преобразования жизни противопоставлены

Образ ветра наделяется позитивными коннотациями: природная стихия символизирует силу, которая должна радикально изменить жизнь.

Для пролетарской поэзии Царицына характерно обращение к образу тумана, который также является предметом метафоризации, входит в систему олицетворений. Заметим, что туман и ветер – частые явления природы для степного и приволжского Царицына. У пролетарских поэтов туман становится частью унылого пейзажа, пространство, связанное с ним, маркирует топос противостояния пролетария старому миру. Знаменательно заглавие поэмы В. Темного «В черном тумане», посвященной судьбе крестьянской девушки Маши, которая пришла из деревни в город.

Характерны строки поэмы М. Субботина «Наборщица». В них предстает унылый городской пейзаж, который окружал героиню в дореволюционные годы:

Осенний вечер опустился
Туманным призраком седым,
Кой-где над городом кружился
Из труб фабричных черный дым. [Субботин 1922: 11]

Черты унылого пейзажа воспроизводятся в традиционной системе образов: осеннее время, вечер, черный дым фабричных труб [см.: Эпштейн 1990].

Пример тому – стихотворение «Первые вести» И. Валяло. Стихотворение опубликовано в 1925 году и связано с историческим событием, что обозначено в его тексте:

Первые вести
К приезду из-за границы в Россию В. И. Ленина - 1917 году.
Дымился туман голодный
всю ночь, как весенний снег,
а утром в казарме холодной
заискрился солнечный смех.
И после обычной поверки,
уходя на посты, наряд

расбросал свой весело-дерзкий
необычный солдатский взгляд.
А те, что пришли со смены,
простояв до зари без сна, –
у одного в глазах синела весна,
сказал: – приехал Ленин!.. [Пламя. 1925. № 1: 8]

В стихотворении «Мы - ленинский призыв», которое подписано инициалами Я.Г. (автор его предположительно Ян Горбушин), образный ряд базируется на оппозиции прошлое / будущее, что соотносится с особенностью временной структуры пролетарской поэзии. Прошлое маркировано образами природы, наделенными человеческими эмоциями: это построенные на инверсии олицетворения «Туман слезливый», «Ночь брезгливая». Им автор противопоставляет одну из устойчивых и традиционных метафор стремительного движения вперед – это «взвихренный конь» революции:

В моих песнях ни слез, ни печали,
а восторга и воли огонь.
...Знаю я, что скоро размочалит
туман слезливый
ночи брезгливой
революция – взвихренный конь. [Пламя. 1925. № 1: 15]

Образ тумана у пролетарских поэтов наделен пессимистическими нотами. В отличие от ветра-вдохновителя и ветра-союзника образ тумана сопровождается отрицательными эпитетами, тем самым придавая стихотворениям негативную окраску.

Унылому пространству природы, которым маркировано в стихотворениях пролетарских поэтов Царицына «проклятое прошлое», противостоят образы природы, наделенные позитивными коннотациями. К этому разряду относятся в первую очередь образы природы, которые

связаны с производственным пространством. Оно, как правило, связано с утренним временем, с началом трудового дня. Этот мотив – один из характерных для произведений царицынских поэтов-пролетариев 1920-х годов. Стихотворение Н. Золотухина названо «Утром», такое же название носит стихотворение С. Ванина, которое начинается строками:

Задвигается город утром,
звонко
мостовыми будет стучать.
Пойдут рабочие
спросонок
на зовы солнечного луча.
Выдь-ка рано–рано утром,
когда с небом
целуется заря,
ты услышишь,
ты услышишь будто
гудки что-то
о новом говорят. [Пламя. 1923.№ 8: 10]

В стихотворении Яна Горбушина появляется весьма характерный эпитет: «в моей утренней груди».

В пространственной картине мира пролетарских поэтов Царицына существенное место занимает образ реки. Она, показана как судоходная, рабочая. Это может быть река вообще, не конкретизированная, как в стихотворении К. Лебедева «Гудки», в котором гудки пароходов в соотносятся с заводскими звуками: они также адресованы рабочим. Но чаще это Волга, образ которой вписан в традиционный пейзаж.

Образу Волги присущ антропоморфизм, она предстает в лирике царицынских поэтов-пролетариев как существо одушевленное. Авторы прибегают к приему психологического параллелизма, что связано с

фольклорной традицией в пролетарской поэзии, рассмотренной нами в параграфе 1.3. Так, в стихотворении Н. Золотухина с характерным заглавием «Волжанка», написанном от женского лица, Волга становится соучастницей жизненной трагедии героини, которая вместе с любимой рекой переживает драматические события в своей судьбе. Характерно изменение эпитетов, которыми автор наделяет Волгу: «синеструйная» река в начале стихотворения разделяет грусть покинутой женщины. В финале текста образ реки становится частью радостной картины мира, что предопределяется надеждой героини на новую судьбу:

Ой, ты Волга
голубиная река!
Ты звени
кудрявой далью—далека!
Над тобою солнце жарче
огневит.
Солнце скачет
и о гребни
волн
звонит! [Пламя. 1923. № 4: 7]

Редкий пример обращения царицынских поэтов к зимнему пейзажу – лирическая миниатюра И. Стукалова «Волга зимой».

Существенная черта пролетарской поэзии – масштабность образов, то, что критики и теоретики еще в 1920-х годах определили как «планетарность», «космизм».

Космизм стал устойчивым штампом в интерпретации пролетарской литературы, прежде всего – поэзии Пролеткульта. Однако уже современниками это свойство оценивалось неоднозначно. Л.Д. Троцкий писал: «...на самом деле, в космизме есть элементы почти что дезертирства от сложных для искусства тяжелых дел – земных в межзвездные сферы. Тем

самым космизм совершенно неожиданно оказывается родствен мистицизму. <...> Настоящие трудности и подлинные испытания начались тогда, когда ритм революции замедлился, объективные перспективы стали более туманными и уже нельзя было просто плыть по волнам, захлебываясь и пуская вдохновенные пузыри, а понадобилось оглядываться, окапываться, оценивать обстановку. Вот тут-то и появилось искушение: с разбегу да в космос» [Троцкий 1989: 91].

«Огромность, историческая колоссальность событий, – пишет Л. М. Фарбер, – поэтически изображается как величая планетарность, и даже больше, чем планетарность, – солнечность, космизм... Это не «отрыв от жизни», а романтическая приподнятость, исступленная восторженность, неистовая страстность. Это стихи тех невероятно напряженных лет гражданской войны, когда мировая, всемирная революция казалась рядом! Естественно, что поэт – романтик заговорил «планетарным» и даже «космическим языком» [Фарбер 1966: 101-102].

Пролетарские поэты позиционировали себя именно в качестве первооснователей не только литературной, но и космогонической системы. М.А. Левченко отмечает: «Одна из основных идеологически обусловленных деклараций – разрушение старого мира и создание на его месте нового – моделируется в соответствии с архаическими представлениями о космогенезе. Рассматривается моделирование времени и пространства» [Левченко 2001: 14]. В советском литературоведении опровергалась идея понимания пролетарскими поэтами революции как стихийного начала: «Пролетарская литература идейно – творчески опровергала интерпретацию революции как стихии, разгула инстинктов, «скифства», «метели». Она показывала сознательность пролетарской борьбы, ее интернациональный, планетарный характер и роль в ней революционных резервов» [Литературная энциклопедия, 1935, с. 305]. Однако художественная практика поэтов-пролеткультовцев опровергает этот тезис. Планетарность и

космизм поэзии пролеткульта напрямую соотносится с русской мотивами и образами русской поэзии революционных лет. В монографии Н.Е. Тропкиной специальный раздел посвящен анализу природных стихий в поэзии 1917-1921 года. На материале творчества широко круга русских лириков этого периода автор отмечает: «Одной из наиболее зримых, очевидных причин активного обращения к образам природных стихий стало всеобщее ощущение масштабности происходящего» [Тропкина 1998: 86]. Это всеобщее ощущение во многом повлияло и на поэзию пролеткульта, и на пролетарскую поэзию в целом. Возвещается победа и над временем (смертью), и над пространством (овладение космосом). Устремленность в космос одна из характерных особенностей почти всей пролетарской поэзии. «Планетарный масштаб» переделки мира в пролеткультовской поэзии и поэзии Маяковского рассматривает М. Вайскопф [Вайскопф 2000: 73-74], отчасти возводя этот мотив к влиянию Уитмена. В пролетарской поэзии космизм порождает систему образов из астральной сферы. Г.Лелевич в 1923 отмечает в поэзии «вспышки “космического” огня» [Лелевич 1924: 46]. Так, в стихотворении В. Кириллова «К нам, кто сердцем молод...» (1920) космогонические образы зримо явлены:

Трактором разума взроем
Рабских душ целину,
Звезды в ряды построим,
В вожжи впряжем луну

[Кириллов 1921] (курсив наш. – Е.Я.)

В его же стихотворении 1920 г. «Красный Кремль» события революции актуализированы через систему космической метафоры:

И падают, падают слов *метеоры-ракеты*:

- Ловите, ловите дары непомерных щедрот,

Кометы посланий и звездные строки декретов [Кириллов 1921]

Яркий пример – описание восхода солнца в поэме М. П. Герасимова «Электропоэма»:

Всходит гигантское
Зубчатое колесо солнца,
Багровое от напряжения.
Сошло в сцепление с шаром земли.
Дымится пространство,
Росные луга и облака
Ритмическая перебежка лучей
От золотых зубьев
Наполнила мерцанием атмосферу.
Листья, птицы и люди
Силою движения
Выбиты из оцепенения сна [Герасимов 1923].

В соответствии с эти космическим, планетарным масштабom выстраивается система геополитических образов в стихотворениях пролетарских поэтов. Так, в пролеткультовских стихах В. Кириллова революционные события интерпретируются как всемирный потоп, в едином геополитическом поле оказываются Индия, Китай, Россия:

Израженной Индии стоны
И вопли несметных раскосых рабов
Гнездятся под сенью твоих куполов,
Где молнии бурь начертали вселенной законы.
О, Новая Мекка, О, Ноев ковчег
Бушующих дней мирового потопа,
В крови и смятеньи Восток и Европа... [Кириллов 1921].

Пролетарская поэзия Царицына – стадийно более позднее литературное явление, нежели поэзия Пролеткульта. В стихотворениях авторов, входивших в ЦАПП, можно отметить двойственные тенденции. С

одной стороны, это явное влияние картины мира, сформировавшейся в русле пролеткультовской поэзии. С другой – отход от абстрактных образов, от планетарного пространства к земной конкретике. Поэтому в пролетарской поэзии Царицына можно отметить лишь отдельные отголоски образов пространства, определяемых такими дефинициями, как «космизм», планетарность». Так, в стихотворениях поэтов Царицына редко встречается обращение к астральной символике – красная звезда в стихотворении Я. Горбушина «Мы победим» – скорее устойчивый идеологический штамп, нежели образ, относящийся к небесной сфере:

Красная наша звезда,
ярко – солнечно блещет;
и песнь мирового труда
мчится огненно – веще! [Пламя. 1923. № 3: 9]

В стихотворении И. Стукалова «В мартеновском цехе» астральный образ – комета – сопряжен не столько с темой революционного переустройства мира, сколько с метафорическим изображением реального трудового процесса: плавки стали.

Итак, в стихотворениях царицынских поэтов выстраивается целостная система образов природного пространства, сформировавшихся под влиянием разных факторов: пролеткультовской поэзии, фольклорной традиции, языка природных стихий, сложившегося в русской поэзии 1917-1921 годов и других.

2.3. Пространство города в пролетарской поэзии Царицына

Существенное место в пролетарской поэзии Царицына занимают образы городского пространства. Эта особенность в целом характерна для пролетарской литературы. М.А. Левченко пишет: «Мощное биение городской жизни, ее стремительный ритм улиц, «товарищи, любящие - тысячами», красные зори первых восстаний трудящихся и их первые победы, - вот намечающиеся мотивы нового искусства. И уже эти мотивы

определяют новое восприятие жизни и новую форму этого искусства» [Левченко 2007: 19].

Город прошлого в пролетарской поэзии, как и в поэзии новокрестьянской, как правило, наделяется отрицательными коннотациями: это место угнетения и подавления рабочего человека, место разврата и разрушения личности.

Пролетарские поэты, воспевая величественные гимны во славу абстрактного Пролетария, Города, Завода, одновременно смогли увидеть и трагический образ ночных жертв того же отвлеченного Города. С резкой болью, предельно беспощадно пишет об этом в стихотворении «Воспоминание» Борис Богомолов:

Из людей никто не знает мать несчастную твою,
Мать, которая вскормила нашу бедную семью.
Кто она - не все равно ли, только знаем я да ты,
Как она жила в неволе, в узах зла и клеветы.
Как она боролась с ложью и сама себя сожгла,
По земному бездорожью, точно странница прошла.
Точно странница куда-то, с ношей горести больной
На богатый дом разврата променяла дом родной...
Вспомнить больно, вспомнить жутко, я охвачен весь тоской.
Мама, мама-проститутка, жертва похоти людской...

[Богомолов 1919: 13]

С теплой грустью и нежностью, без морализации показан трагический образ ночных жертв в стихотворении А. Поморского «Жертвам города», перед читателем которого предстают совсем еще юные девушки – фабричные «жертвы обреченные, близкие, усталые, грустью омраченные» [Поморский 1919: 18].

М.А. Левченко пишет, что «одну парадигму с «заводом» образует и «город», воспринимаемый в поэзии Пролеткульта как сакральное культурогенное место» [Левченко 2007: 108].

Пролетарские поэты «осознают себя не только носителями новой идеологии, но и творцами принципиально новой художественной культуры, рожденной в горниле заводского труда. В качестве идейного и эстетического кредо такой культуры и поэзии можно рассматривать стихотворение Н. Золотухина «Мы»:

<...>

Как вселенная, мы безграничны
и чужды нам нормы!
Дерзость и правда наш пламенем
путь озарили!

Город и труд скроили
Наши мотивы и формы!» [Борисов 1994: 193].

В.Б. Смирнов на материале творчества царицынских поэтов отмечает: «Пролетарские авторы отвергают и порицают в городском пространстве все, что не связано с трудом, что относится к сфере буржуазной «красивой жизни»:

Зданья, трамвай, газеты, кафе,
Лохмотья красивые
Галифе... –

Им лирический герой противопоставляет «ясный, правдивый, рабочий быт»» [Смирнов 1996: 21].

В стихотворениях С. Ленского урбанистическое пространство интерпретируется как топос, маркированный прямым противостоянием старого мира и нового мира. В поэме «Этапы» поэт рисует разворачивает историческое повествование в стихах, старый мир укладывается в характерную для пролетарской поэзии устойчивую парадигму «проклятого прошлого». В поэме последовательно показаны этапы исторической борьбы пролетария против этого прошлого, голод гонит вчерашнего крестьянина в город, но город предстает как пространство торжествующего нэпмана:

Театрится, ресторанится,
одевается НЭП в шелк...
А ты не знаешь, как и отмяться –
не возьмешь всего в толк.
Город живет, кипит,
а нам многое, многое нужно. –
Как тут быть? [Пламя. 1925. № 5: 93]

Спасительным прибежищем для героя стихотворения становится опять же городское пространство – пространство революционного митинга, на котором в него вселяется вера в преодоление не только вчерашнего голода и нищеты, но и торжествующего НЭПа:

С трибуны говорил здорово,
в кепи, с портфелем.
В голове тысяч:
- Верим... верим... верим...
Пусть НЭП корячится,
пыхтит автомобилями,
придет время – не спрячется,
ведь прежде ж его били мы... [Пламя. 1925. № 5: 93]

Хронотоп города в пролетарской поэзии Царицына воссоздается в трех временных пластах: это проклятое прошлое, тяжелое, но при этом радостное настоящее и лучезарное будущее, которое смоделировано по законам литературной утопии.

Ян. Горбушин в стихотворении «В огне» противопоставляет деревенскую атмосферу городской явно в пользу города. Но поэт не хочет отгородить пролетариат от крестьянства и других классов. Наоборот, он хочет установить самую тесную связь с ними, объединить рабочий класс со всем народом, призывая всех к общему труду, к совместному строительству города, а потом и великой страны – образца для всего мира.

В стихотворении Н. Сказина «О грядущем» видим образ города каким поэт представляет его в отдаленном будущем. Восторг доведен до предела, образы гиперболизированы:

Товарищ,
оторвись от дел,
вообрази:
он будет
строен и высок,
как тополя.

Рабочий – пахарь
через
сотни лет и зим
раскинет города
в пустых теперь
полях.

Не хат
соломенные крыши –
сад густой,
а в нем,
цветением горя,
дома – диковина. [Пламя. 1925. № 5: 99]

Образ будущего города-сада, содержащийся в этом стихотворении, – одна из устойчивых составляющих советской мифологии. Характерно, что во втором номере журнала «Пламя» за 1924 года помещена заметка: «Строится рабочий городок-сад», в которой говорится: «В Донбассе, на шахте Ново-Чайкино, идут спешные работы по постройке рабочего городка-сада» [Пламя. 1924. №2: 9]. В стихотворении картина будущего построена по всем канонам утопических идей начала 1920-х годов: это торжество технического прогресса, благодаря которому «летающий пролетарий»,

вернее, труженик полей легко перемещается из сельского пространства в городское:

Парень–пахарь вышел,
пот отер,
застегивая ворот.
Он назвал
знакомый город...
Гуд пропеллеров...
и птица в синь
все выше.
С высот видна
ему
земля,
заласканная маем.
Как ветром взбиты
волны –
горы и холмы.
Мы нынче жизнь
в грядущем понимаем
А он... [Пламя. 1925. № 5: 99]

Таким образом, хронотоп урбанистический топос выстраивается в пролетарской поэзии Царицына в соответствии с идеологическими установками и последовательно символизирует движение от прошлого к настоящему и будущему.

2.4. Антропологическое пространство в творчестве поэтов ЦАПП

В пролетарской поэзии выстраивается определенная типология антропологических мотивов и образов и связанного с ними антропологического пространства.

Об антропологическом пространстве Н.Е. Тропкина пишет: «Систематизация и классификация пространственных моделей и образов, непосредственно относящихся к антропологическому типу, может основываться на различных признаках: гендерные (обнаруживаются типы пространства мужского и женского), возрастные – пространства детства, зрелости, старости; пространства особых состояний. Явно недостаточно выявлены в специальной литературе особенности онейрического пространства, пространства эроса и танатоса, хотя их топологическая составляющая очевидна» [Тропкина 2011: 163].

В системе антропологических образов, ориентированных на возрастные категории, в пролетарской поэзии Царицына можно выделить в первую очередь образы детства и молодости.

Остановимся более детально на первом из них. Тема детства в пролетарской поэзии актуализирована в двух антропологических моделях: как память о собственном детстве и как изображение детства нового молодого поколения.

Первая из этих моделей связана не только с категорией возрастной, но и с историческим временем: детство героя пролетария, как правило, приходилось на дореволюционный период. Как всякое детство, он вызывает у героев стихотворений радостные воспоминания о детских играх, о природе и друзьях. Однако в этих воспоминаниях значительное место занимают мотивы горькой памяти о нужде, тяжелом труде, унижениях и притеснениях. В стихотворной строке С. Ленского это отливается в своего рода поэтическую формулу, обращенную к молодому поколению – стихотворение названо «Юным пионерам»: это дети «без креста и сорочки / рожденные хатой-подвалом». Сказанным объясняется то, что образы детства у пролетарских поэтов часто маркированы негативными коннотациями. Приведем в качестве примера стихотворение царицынского поэта Ивана Закоблукова «В новые дни». Само заглавие текста характерно:

его временная модель строится на устойчивой антитезе старое/ новое, прежнее/нынешнее. Двойственность воспоминаний о детстве в ярко выражена в первой части стихотворения:

С малых лет начал жить у деда.
С малых лет увидел нужду.
Все-ж, мальчишкой, босой и раздетый,
знал, что новые дни придут.
Гурьбою полем мы бегали
и валялись в дорожной пыли,
а как вспомнишь о доме, о хлебе-ли...
снова детское сердце болит...
С друзьями был я весел,
взглядом мерил Волги ширь,
а тягучие грузчиков песни
западали мне в глубь души...
Для меня были дни одинаковы;
с каждым днем детский разум креп...
Жизнь казалась мне цветом маковым,
коли солнцем я был согрет. [Пламя. 1925. № 5: 103]

В стихотворении возникает традиционный образ сиротского детства, с голодом и нуждой. Пространство детства в этом стихотворении связано с топосом городских окраин, местом работы грузчиков. Знаменательно, что своего рода «фоном», сопровождающим печальные воспоминания о нищем детстве, оказываются «тягучие песни» грузчиков.

В стихотворении царицынского поэта П. Коростелева «Папиросник» к этому мотиву добавляется и традиционный, восходящий к народнической поэзии и прежде всего к творчеству Н.А. Некрасова мотив «украденного детства», наполненного не учебой и играми, а тяжелым трудом:

– Папирос кому, папирос!

На улице мальчик кричит;
К груди большой ящик прирос –
на ремне висит.

<.....>

Еще солнце не раскрыло свой глаз,
еще дышит прохладой утро,
а на улице слышен уж возглас
выворачивающий нутро:
– Папирос кому, папирос!

Папиросник вчера торговал
и заработал мало,
и вот нынче отец прогнал
торговать рано рано. [Пламя. 1923. № 1: 7]

Все стихотворение – жанровая сценка, с обилием достоверных художественных деталей, например, название сортов папирос («Ява», «Веста», «Спартак»), название детских игр (козанки, альчики). Вместе с тем в тексте стихотворения прямо обозначено, что судьба мальчика-папиросника вызывает у автора активную эмоциональную реакцию – сочувствие, сострадание (голос, «выворачивающий нутро»). Время действия стихотворения четко не обозначено – этот сюжет может относиться и к временам дореволюционным, и к началу 1920-х годов, к периоду НЭПа. Однако авторская установка здесь очевидна: типологически это картина «проклятого прошлого», в котором царят жестокие нравы и которое лишает ребенка детства.

Пространство детства в стихотворении «Папиросник» связано с городскими улицами. В поэме Василия Темного «В черном тумане» образы тяжелого детства связаны с топосом деревни, который, как было отмечено выше, часто наделяется в пролетарской поэзии негативными коннотациями. Обстоятельства, которые заставляют героиню стихотворения покинуть

деревню – нужда, тяжкий быт, который маркирован деталями, которые носят реально-бытовой характер, но обретают в контексте стихотворения и обобщенно-символический смысл – это образы соломенных крыш, «кизичного (sic!) дыма», в котором задыхается мать героини стихотворения – Маши. Картина дополняется мотивом подневольного труда, который становится главным импульсом, заставляющим героиню поэмы покинуть родное село:

Но надоело девке песни нить,
пасти быков чужому батьке,
пошла за машиной, которая бежит
впереди по стальной накладке. [Пламя. 1923. №7: 10]

В стихотворениях, которые обращены к современности, детство показано как радостное и счастливое время, с использованием советских клише и идеологических установок автор пишет о формировании нового человека.

В стихотворении царицынского поэта С. Ленского «Юным пионерам» пространство детства связано с идеей создания нового человека, который наделен всеми возможными совершенствами: он умен, образован, физически совершенен и устремлен к революционному преобразованию жизни. Образы пространства в стихотворениях, как правило, абстрактны: это пространство мировой революции. В стихотворении Н. Сказина «РКСМ» процесс формирования нового человека раскрывается двояко: как целенаправленное воспитание в труде и как чудо рождения нового мира в огне:

Наливаются мускулы сталью,
В голове колесятся думы:
Дети в труде вырастают
Поколением смелым и умным.
Плечи, как крылья, все шире,

Взгляды острей и острей.

Мы – железобетонные лирики –

Рождены в социальном костре. [Смирнов 1996: 24]

В творчестве пролетарских поэтов создаётся своего рода культ молодости и силы, что символизирует строительство новой жизни:

К победам все, кто сердцем молод,

Кто хочет светлого – вперед! [Борьба. 1921. 31 июля: 1]

Поэты пишут об осознании молодым поколением своей призванности к борьбе, о смене поколений пишет Н. Золотухин в стихотворении «Кто не с нами» с подзаголовком «Отрывок»:

Очнитесь же! И все в союз

Гей, в семью юную вольёмся;

Для закрепления наших уз

Из чаши знания напьёмся.

И вместе встанем в красный строй

И в бой пойдём все без изъятья

Сменить отцов наших и братьев,

Уставших в буре боевой.

[Юность, вперёд. 1921: 3 июля]

Образы, связанные с другим возрастом – старостью – редко встречаются в пролетарской поэзии, и при этом старость может быть наделена отрицательной семантикой: это неподвижность, косность, бессилие: «И слали проклятья отцы-старики» (В. Темный. «Наш путь»); «Пусть проклятья мне шлет старый сказочный бог» (И. Стукалов. «Я сегодня в пыли...»), «Старым, дряхлым нет здесь места» (В. Соловьев. «Комсомольская кузница»). В аллегорическом рассказе Н. Золотухина «Сон» сугубо негативным смыслом наделен символический образ уходящего года, он представлен в образе зловещего старика, который вызывает ненависть и ярость: «Смерть Старому Кровожадному Голодному

Году!» [Борьба. 1922. 1 января: 2]. Характерно в этом аспекте стихотворение пролетарского поэта Н. Никитина «Сквозь тернистый затор...»:

Сквозь тернистый затор
на широкий простор
жизни творческой,
новью овейной, –
мы пробьемся,
вскипев
страстью жгучей,
иной, –
и в груди трудовой
на заре вихревой
расплеснем
и запеним
Наш вешний задор!..
Огнеструйной
и буйной
шумливой волной
смоем
хилую старь!... [Пламя. 1923. № 1: 5]

(курсив наш. – Е.Я.)

Образ старика может быть наделен и позитивным смыслом, если он, будучи стар годами, ощущает себя молодым, причастным к строительству новой жизни. Таким предстает этот образ в стихотворении С. Ленского «Песнь старика кузнеца»:

В моих руках галопом скачет молот.
В труде с железом я сливаюсь.
Я стар, но дух могуч и молод
и я расту, я поднимаюсь.

<.....>

Но что мне смерть! Еще кует мой молот
и с песнями, с железом я сливаюсь.

Пусть стар я. Дух рабочий молод!

Я расту, я поднимаюсь. [Пламя. 1923. № 4: 5]

(курсив наш. – Е.Я.)

Антропологические образы, обусловленные категорией возраста, коррелируют с гендерными антропологическими образами. Тема женской судьбы занимает значительное место в пролетарской поэзии. Е.С. Некрасова пишет: «Большинство пролетарских поэтов внесли свой вклад в создание образа женщины. Общая черта соединенного женского образа – это преобладающая в соцреализме ориентация на ставший классическим идеал античности и Возрождения, сочетающий дорическую целостность и эллинистическое совершенство. Причем идеал, лишенный внешней сентиментальности, детализировки, с акцентом на большую физическую силу, не свойственную классическим образцам» [Некрасова 2002: 187].

Именно такой образ можно увидеть в стихотворении царицынского автора В.Соловьева. Здесь физическая мощь героинь приобретает отчасти карикатурный характер, и при этом очень характерный для пролетарской поэзии характер:

Девушку,
с телом стальным,
встретил сегодня
в пути.
Радость великую,
счастьем овеянную
видел у девушки я.
Точит она
днем и ночью

без устали,
точит резцом
улыбаясь, под песнь.
Девушка!
Радует.
Взор ее радостный,
взор ее ярко
горит.
Точит, все точит
резцами меняясь
девушка солнцем звенит! [Пламя. 1923. №7: 11]

С этим перекликается другое стихотворение под незамысловатым названием – «Работнице-девушке» И. Шеронова.

Она в завод вступила рано,
сдружилась с ним, как с женихом.
Ему венки она сплетала,
слагала песни за станком.
Летели дни, она мужала,
в движеньях быстро крепла грудь
и вот, она вся из металла
вступила на железный путь.
В рядах рабочих грозно-стройных,
под алым знаменем Труда
идет уверенно-спокойно,
туда, где красочно всегда [Пламя. 1923. №7: 11].

В этой эстетической установке и художественной практике усматриваются истоки, связанные с философскими и литературными тенденциями начала XX века: «Причина здесь заключается в трансформации классического изображения под влиянием собственных

советских мифологических систем, вместивших в себя многие элементы европейской философии, в частности философии Ницше. Под влиянием его, несомненно, величественной концепции сверхчеловека, находились Горький, как один из идейных вдохновителей соцреализма, а так же Луначарский. Дионисийское освобождение через революцию, в умах социалистических нищепанцев сочетается с образом революционера, воплотившего в себе все черты сверхчеловека» [Некрасова 2002: 187].

Одной из наиболее устойчивых тенденций, характерных для пролетарской поэзии и для пролетарской литературы в целом была установка на отказ от традиционных семейных ценностей и отказ от понимания роли женщины как хранительницы домашнего очага, хозяйки дома. Семейный быт трактовался как нечто устаревшее, изжившее себя, как часть старой жизни, в которой пролетарские поэты видели негативный смысл. В документах того времени, в том числе и в документах Царицына, четко обозначено понимание роли женщины в социалистическом строительстве. Так, в протоколе торжественного заседания губернского отдела работниц с представителями от работниц и рабочих города Царицына от 20 ноября 1923 года говорится: «Слово для приветствия представляется тов. НЕДЗВЕЦКОМУ, который от имени коммунистической партии приветствует собравшихся женщин, указывая на тот путь, который в течение 5 лет прошла женщина, о тех достижениях, которые находятся в её руках на те задачи, которые стоят перед ней в дальнейшем - это путь неуклонной борьбы за осуществление в жизни равноправия под красными коммунистическими флагами» [ГКУВО «ЦДНИВО» Фонд № 1 Опись № 1 Дело № 107 л.1-4, л.34, л.40]. На торжественном заседании был принят текст трех телеграмм, содержание и стилистика которых показательны. Первая из них адресована международному секретариату по работе среди женщин: «В день 5-ти летнего юбилея 1-го Всероссийского совещания, мы беспартийные работницы города Царицына приветствует международный

секретариат по работе среди женщин и заявляем, что, встав на путь новой сознательной жизни, мы глубоко ненавидим буржуазный мир, шлем ему проклятье и никакие кровавые шайки фашистов и их лакеев не могут поколебать нас и вернуть ее в сторону.

Мы заявляем свою готовность каждую минуту отразить натиск черной своры и к этому же призываем пролетарок Германии и всего мира.

Да здравствует пролетарская революция во всем мире!» [ГКУВО «ЦДНВОВО» Фонд № 1 Опись № 1 Дело № 107 л.1-4, л.34, л.40].

Вторая телеграмма адресована центральному отделу по работе среди женщин и в ней говорится: «из обезличенных, безмолвных рабынь, мы превратились в сознательных действующих работниц. Никакие темные силы, никакие враждебные вихри не погасят огня, зажженного Вами в наших сердцах. Под руководством коммунистической партии мы готовы идти на борьбу и на творчество до тех пор, пока пролетарки всего мира последуют нашему примеру» [Там же]. Третья телеграмма адресована Кларе Цеткин, и в ней работницы города Царицына приветствуют ее, именуя «Наш неутомимый великий вождь», «великий яркий огонек пролетарской революции». В речи работницы завода «Красная баррикада» сказано, что «что коммунистическая партия правильно подошла к работнице, к женщине, что несмотря на вековое угнетение, темноту женщина перерождается в сознательного и равноправного человека, с которым считаются. Только тогда мы достигнем счастья на земле, когда женщины всего мира пойдут за коммунистической партией» [Там же].

С этой риторикой и стилистикой официальных речей перекликаются стихотворные строки пролетарских поэтов Царицына. О женщине говорится как о партийном товарище, единомышленнике. Пример тому – стихотворение Константина Аргальского «Подруге»:

Я возьму тебя за руку –
загрубелая она,

но за то она борьбою
и трудом освящена. [«Пламя». 1923. № 3: 9]

Уже следующих строках стихотворения стилистика меняется: с идейно обусловленными штампами в нем соседствуют словесные конструкции, более свойственные городскому романсу, что было отмечено в главе I:

В твои глазки василечки :
я украдкой взгляну, –
я найду в них радость жизни
ласку, красную весну...

Однако далее в стихотворении автор связывает радостные переживания не столько с любовным упоением, сколько с преображением жизни:

В наших взорах нет отныне
ни боязни ни тоски,
развернуть теперь должны мы,
силу мозга и руки.
Мы взлетим на встречу солнцу
властью радости любви.
Пусть сердечные червонцы
мчатся искрами в крови.

[«Пламя. 1923. № 3: 9]

Антропологическое пространство, обусловленное гендерной принадлежностью, в пролетарской поэзии, в том числе пролетарской поэзии Царицына, трансформируется с учетом установки на идею освобождения женщины от семейного гнета, от дома и быта. Так происходит, например, в стихотворении «Работнице» царицынского пролетарского поэта В. Соловьева:

Ты, что в прошлом мужьями забита,
в этот день все заботы отбрось,

чтобы в гроб уходящего быта
забить приготовленный гвоздь.
Чтоб от Андов до русла, где Каспий
соленую пену клубит,
твой голос миллионный распял
этот старый, изглоданный быт. [Пламя. 1925. №5: 99]

Образ женщины в стихотворениях царицынских пролетарских поэтов соотносится с особенностью, которую М.А. Левченко отмечает в поэзии Пролеткульта: «В архиве Михаила Герасимова в РГАЛИ хранится папка его стихов с авторской надписью: «стихи слабые», но самом деле это то, что у Пролеткульта называлось «лирикой», то есть стихи не о революции, а «интимные», «личные». Предпочтительность определенного набора тем — революция, индустрия — на первый план помещает человека социального прежде всего (такое преувеличение одной роли человека свойственно катахрестическому способу моделирования мира, характерному для авангарда). «Любовная лирика» Пролеткультовских поэтов обращена не к женщине, а к тому же заводу» [Левченко 2001: 139].

Рассматривая специфику любовной лирики Пролеткульта, исследователь пишет: «Вместе с тем “любви” в пролеткультовской поэзии очень много, но по большей части она направлена на другие объекты (“Я люблю тебя, мой красный Петроград” Садофьева; “Мы влюблены в гигантские машины, В огнедышащий рокочущий завод...” Н. Тихомирова; “Мой любимый, мой железный, мой родной машинный рай...” Самобытника и др.). Если все же объектом лирики оказывается женщина, то это — женщина на заводе и является его неотъемлемой частью» [Левченко 2001: 139]. В пролетарской поэзии начала 1920-х годов эта тенденция отчасти сохраняется. Помимо приведенных выше примеров сошлемся на стихотворение В. Темного «У станка»:

У стонка ты стояла, смеялась

над протяжной заводской сиреной
и, на смех твой беспечный, казалось,
улыбались угрюмые стены.

Восходящее солнце из окон,
на стене закоптелой играя,
по пути зацепила твой локон,
золотистым лучем отливая.

Зашумело, вдруг, где-то над нами,
зазмеились ремни паутиной –
ты, встряхнувши беспечно кудрями
своей песней слилася с машиной. [«Пламя». 1923. № 6: 7]

Вместе с тем в ином ключе женский образ предстает, например, в стихотворении М. Субботина «Сиделка»:

Наша вся, до костей пролетарская.
Пусть сквозь дырки глядят локотки,
пусть косынка, как ночка январская,
пусть на кофточке пятен цветки...
Под лохмотьями сила рабочая,
на губах наш бесхитростный смех;
всходит – руки протянутся в очередь
И обходит и радует всех.
Если трудно кто болен – не сменится,
просидит двое суток без сна;
как подбитая, на бок накренится,
а в глазах расцветает весна. [Пламя. 1925. № 1: 16]

В нем женский образ обретает, пространство больницы, которое мы относим к патографическому топосу, сливается в тексте с производственным пространством, однако в героине стихотворения проступают живые черты, стихотворение окрашено непосредственным

теплым чувством, которое автор испытывает к сиделке, и вместе с тем это отношение мотивировано ее классово принадлежностью. Двойственность парадигмы пролетарской поэзии начала 1920-х годов в тексте царицынского автора отчетливо проявляется.

Ряду антропологических образов рассмотрим и образ авторского «я» в пролетарской поэзии Царицына.

Лирический герой пролетарской поэзии – это прежде всего коллектив. Теоретик пролетарской литературы Н. Ляшко писал: «"Мы" в пролетарской литературе вытесняет "я". <...> Личность свободна, перед нею огромный простор, – она лишь созвучна коллективу, созвучна ему в самом основном, главным, но по-своему отображает родную ей коллективную душу» [Ляшко 1986: 48].

Это свойство было, в частности, отмечено с позиций советского литературоведения А. Селивановским: «индивидуализму буржуазно-дворянской поэзии пролетарская поэзия противопоставила гипертрофированный коллективизм» [Селивановский, 1936: 110]. С яркой наглядностью это было актуализировано в поэзии пролеткульта: «Если пролеткультовский поэт писал «я», то это означало псевдоним «мы». Никакие личные переживания, никакие индивидуальные движения сознания не допускались суровой и патетической эстетикой пролеткультовской поэзии. Человек есть только частица, связанный электрон в системе могучего классового коллектива, воля которого поглощает без остатка его индивидуальную волю» [Селивановский 1936: 110].

Пролетарские поэты осознают и подают себя прежде всего как провозвестников коллективистской веры: «Мы - мира первые пророки, Мы жизни радостной ткачи» (Ф. Шкулев «Мы Пролетарские поэты», 1922). Это «мы» вошло в многочисленные названия стихов, стало главным их героем. На страницах сборников стихов пролетарских поэтов возникают образы «множеств»: «тысячи тысяч, миллионы миллионов, миллиарды», биллионы

и неисчислимы тьмы, пронизанные ощущением невероятной, титанической мощи гигантского всеземного коллектива:

Мы несметные, грозные легионы Труда

Мы победители пространства морей, океанов и суши...

(В. Кириллов. «Мы», 1917) [Кириллов]

Сплетенье миллионов рук,

Стальные звенья братских уз,

Сердец согласный, слитный стук, Великий творческий союз.

(В. Кириллов. «Мировой коллектив», 1918) [Кириллов]

Мы все можем,

Мы должны сметь,

Мускулы налиты верой!

(М. Герасимов. «Станок», 1922) [Герасимов]

В.П. Раков пишет: «"Мы" - не единственная форма выражения множественности и слитности коллектива в стихах революционных поэтов. Иногда эти функции выполняют местоимения "все", "всё", числительные "сотни", "тысячи", "миллионы". Даже местоимение "я" выступает в творчестве пролетарских поэтов как прославление коллектива. Получается своеобразное взаимопревращение "мы" – "я". Если всеобъемлющее "мы", впитывая тысячи и миллионы "я", черпает в них силу, находит источник своей непобедимости, то разросшееся до гигантских размеров "я", не теряя своей самостоятельности, приобретает силу и значение коллектива, массы. Когда А. Гастев писал в стихотворении "Моя жизнь": "Велика в прошлом, бесконечна в будущем жизнь моя", то он менее всего имел в виду свою жизнь, поэт стремился дать художественно-обобщающую (пусть и отвлеченную) картину прошлого, настоящего и будущего трудящегося человечества» [Раков 1976: 13-14].

Другой исследователь отмечает: «Пафос масс у пролетарских поэтов, как правило, заслоняет человека. Нет отдельных лиц и индивидуальных

судеб, нет живых подробностей; есть самая общая, выполненная в абстрактной манере картина движения массы, есть «коллективная психология»: [Кулинич, 1967, с. 170].

Субъектно-объектная структура, ориентированная на коллективное авторское «я» было наиболее наглядно представлено в поэзии пролеткульта: «Необходимость выявления классовой природы в литературных текстах согласуется и с лозунгом пролеткультовских лидеров о создании «коллективного творчества»: личное отсекается, и значимым оказывается только то, что присуще пролетарскому поэту как представителю своего класса» [Левченко 2007: 18].

Теоретик Пролеткульта А. А. Богданов в своей работе «Вопросы социализма» утверждал: «Пролетариату необходимо искусство коллективистическое, которое воспитывало бы людей в духе глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, тесного братства борцов и строителей, связанных общим идеалом. И такое искусство зарождается. Мы имеем его в России в виде молодой пролетарской поэзии. Это преимущественно поэзия боевого коллективизма; но уже пробивается и струя коллективизма строительского, например, в поэзии Самобытника, Кириллова, Гастева» [Богданов (Малиновский) 1990: 422].

Ссылаясь на творческий опыт ведущих пролетарских поэтов, А. А. Богданов пишет: «Здесь коллективистично не только понимание задачи поэта, но и само восприятие природы: звезды - коллектив неба, борющийся с ночью. Конечно, это наивно, ненаучно. Но и будущий поэт-коллективист, который не сможет применять такие образы, потому что будет слишком проникнут знанием мира и природы, все же будет чувствовать и сознавать связь миров, которые разделены безднами, но подобны друг другу, как дети одной матери-природы, связанные общением своих лучей, вечным обменом своей космической жизни» [Богданов (Малиновский) 1990: 422].

Маяковский иронизировал по этому поводу:

Пролеткультцы не говорят
ни про «я»,
ни про личность.
«Я»
для пролеткультца
все равно, что неприличность [Маяковский 1978. 2: 239].

В творчестве поэтов Царицына мотивы и образы коллективного творческого «я» актуализируются ряде произведений. В стихотворении И. Стукалова «Я не один» читаем:

Я не один узор зари снимаю.
Я не один хочу, чтоб лоснилась дорога.
Колючий терн с пути срезаю,
я не один – нас много – много.
<.....>
Спешит и солнца луч надзвездный
согреть застывший льдом залив.
Я не один бросаю искры света в бездны,
мы все – великий коллектив [Пламя. 1923. № 6: 3]

В стихотворении автор использует характерную анафору – «Я не один», и при этом коллективным действием в начале стихотворения оказывается созерцание природы. Образы природы предстают здесь в лирическом ключе, в деталях. В финале стихотворения структура пейзажа изменяется: текст наполняется образами природы, воспринимаемыми с высокой точки зрения. В финале стихотворения возникает образ-клише, маркируемый словосочетанием «великий коллектив».

В стихотворении Н. Никитина идея единства заявлена в эмоциональном ключе:

Голосов стозвон
мы в ритм втиснем,

Мы сердец струнами
жизнь всплеснём...
И не я...
И не ты...
И не он...
Вместе ринемся
в вече кипучее [Пламя. 1923. № 1: 5].

Знаменательно, что в стихотворении декларирован отказ от авторского «я», субъектное начало нивелировано. Вместе с тем пролетарские поэты 1920-х годов конкретизируют образ авторского «я», детализируют его, отказываются от следования схематичной и абстрактной модели Пролеткульта.

В произведениях царицынских поэтов возникает своего рода конфликт между эстетической установкой на коллективное авторство и спонтанным, непосредственным проявлением чувств и переживаний поэтов-пролетариев.

2.5. Библейские и мифологические мотивы и образы в художественной системе пролетарской поэзии Царицына

Одна из устойчивых и последовательно воплощаемых тем в пролетарской поэзии, в том числе в творчестве поэтов, входивших в ЦАППП, была связана с ее антирелигиозной пропагандой, которая занимала значительное место и на страницах журнала «Пламя».

Стихотворение царицынского поэта С. Ленского «Этапы» раскрывает тему войны и как следствие утраты веры, автор распален ненавистью и борьбой.

Бога на помощь звали
одни себе, другие себе,
когда друг другу головы разбивали

при адской орудийной пальбе.

<...>

В рай не хотели итти командиры –
ставка за тысячу верст,
в кафэ их поили банкиры,
не касался их «божий перст».

<...>

Царапнули горя до слез
русские, германцы, французы.
«Терпите! Терпел Христос»... -
учили церковные ВУЗы. [Пламя. 1925. № 5: 93]

В стихотворении Василия Темного создает сатирический образ
«служителя культа»:

А что эти люди в длинных одеждах
все еще бродят по нашим улицам?!
Это с ними встречаясь прежде
русский мужик сутулился,
и ждал исцеления
от холеной руки.
Это он с их благословения
ходил в царевы кабаки.
Ну и чудо!
А что за грива
позади бороды пушистой!
Нос-то, что спелая слива; –
верно, с крови Христовой, чистой.
А может и от самогона? –
Переборщил лишнего –
что варится в сторожке у Агафона,

чуть не рядом с престолом всевышнего.

Тяжело им теперь,

тяжело!

И не будет легче!

Наше красное солнце взошло –

так плакат красным голосом шепчет. [Пламя. 1923. № 1:7]

Для автора священнослужитель – это прежде всего «пережиток прошлого», которое еще не изжито до конца, но близко к тому.

Вместе с тем пролетарские поэты были воспитаны в христианской традиции и бунтарствовали отчасти против самих себя, изживая в себе христианское начало.

С. Семенова пишет: «Русская идея» в смысле «идеи нации», ее высшего предназначения <...> стала одной из центральных историософских тем русской мысли и литературы, тесно связанной с идеей русского мессианизма. Носителем русской идеи признавалась то Вселенская Церковь (В. С. Соловьев 1980-х гг.), то сам русский народ, народ-богоносец (Ф. М. Достоевский), то лучшая, избранная его часть, Святая Русь (Вяч. Иванов, В. Ф. Эрн, С. Н. Булгаков). В революционном сознании таким носителем стал пролетариат, «железный Мессия» [Семенова, 2001, с. 8].

Поэты пролеткульта активно используют христианскую символику. Анализируя поэзию пролеткульта, М.А. Левченко отмечает: «Социальные изменения преломляются в «голове» поэтов Пролеткульта и через православие, и через «классическую» (традиционную) литературу, и реализуется это преломление в виде пролеткультовских стихов, не всегда грамотных, не всегда логичных, но всегда демонстрирующих попытки самоидентификации определенных индивидов (не обязательно именно пролетариев) в революционную эпоху» [Левченко 2007: 87].

И стихотворение В. Кириллова «Железный мессия» – один из самых ярких примеров такого обращения :

Вот он – спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали – явится в солнечных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов, окраин.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Непобедимый, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный. [Кириллов]

С.Г. Семенова отмечает: «Человекобожеские перелицовки христианских святынь доходили до курьезов, впрочем для самих пролетарских поэтов вполне серьезно-благоговейных:

Над нами реет Святая Пролетарская Троица:
Отец - бессмертный Маркс, сын - великий Ленин
И дух - коммуна в знаменах узрится (И. Садофьев).

У Филипченко же мы встречаем классическую формулу человекобожия, впервые отлитую Фейербахом (“Человек человеку бог”): “Ты бог будешь мне, тебе богом - я!”. Но если религия человечества Фейербаха (что лежит в основании всех ее вариаций, от Конта до Маркса), “разоблачив” Бога как иллюзорное средоточие сущностных сил человека, призвав направить их в горизонталь земного устройства жизни, обоготворяет натуральное смертное человечество, то пролетарские поэты (по крайней мере некоторые из них) стремятся превзойти естественно-биологические пределы человеческой природы, превратив ее в бессмертную

и всемогущую. Именно в этом, *религиозном* по цели, высшем задании - национальное своеобразие коммунистического мифа в его преломлении русской душой» [Семенова 2001: 27].

В конце XIX в. зарождается новое нерелигиозное сознание, которое становится перед проблемой заново обосновать всю систему нравственно-ценностного ориентирования в жизни. Сознательный отказ от веры и Бога поставил огромный вопрос о смысле жизни и смысле творчества любого писателя. «В борьбе с буржуазной идеологией марксизм разрушил буржуазных богов, но он не поставил на их место своих богов пролетариата. А между тем, совершеннейшее заблуждение, что пролетариат атеистичен по своему существу... напротив, пролетариат этичен по самому существу своему, а религия его – в будущем. Религиозное, этическое и все сложные чувства человека разбились в его борьбе за существование; в них выражаются показатели различных отношений человека к обществу, к природе, к миру. Эти чувства, в долгой эволюции человечества, выработались в личности... и отрицать их – значит ограничивать его могущество. Мы боремся не с чувствами, а боремся с формами; мы расширяем идеологические формы... Для мощи пролетариата, для мощи его борьбы за высшие формы ему необходимо этическое сознание своего творчества, своей созидательной работы» [Рожков 1906: 11].

В работе М. А.Бакиной и Е. А. Некрасовой отмечается: «В творчестве пролетарских поэтов встречаются не только образы, но и целые выражения библейского происхождения. Таково, например, выражение из Евангелия *да минует нас чаша сия* в значении «пусть не коснется нас это горе, несчастье»: Говорят, не нужны, не полезны мы. - / Розы праздны, бесцельны мечты. / Все цветы заменить железными! / И совсем запретить мечты. / Розы, розы, любимые, древние, / Да минует нас чаша сия, / Будут песни еще напевнее, / Будут розы бессмертно сиять (В. Кириллов)» [Бакина 1986: 38].

Влиянием христианства можно объяснить также появление в пролетарской перифрастике таких опорных слов-образов, как *крест*, *терновый венец* (символы мученичества, страдания), *воскресение* (символ нового возрождения). Само рождение нового мира трактуется как новое пришествие мессии, что соотносится с тенденциями развития образной системы русской поэзии 1917-1921 гг.

В русской поэзии 1917-1921 годов библейские символы занимали очень значительное место. Сама революция воспринималась как реализация эсхатологических ожиданий. В. Полонский писал: «Рушится быт, понятия, вкусы. От буржуазного порядка в буквальном смысле не остается камня на камне. Разламываются вековые устои жизни. Умирает религия. Рассыпается старая семья. Терпит крах старая философия. Утрачивают власть старые эстетические догмы... Земля встает дыбом – все перевернулось, сдвинулось со своих мест» [Полонский 1988: 55].

Это соотносилось с большевистской риторикой, что рассматривается в исследованиях М. Вайскопфа [см.: Вайскопф 2001]. Б.И. Колоницкий пишет: «Создатели текстов революционных песен оперировали религиозными образами («силы тьмы», «последний суд»). Подобные символы были близки массам, для которых, собственно, песни и предназначались. С другой стороны, само социалистическое движение того времени было своеобразным суррогатом религии, поэтому осознанное и неосознанное использование христианских образов было вполне логичным. Социалистическая утопия наследовала многие черты старых эсхатологических утопий, соединяя их с концепцией прогресса, особенно ярко это проявлялось в русских революционных песнях» [Колоницкий 1996: 37].

М.А. Левченко отмечает: «Пролеткультовцы используют библейскую символику, отсекая весь пласт смыслов, связанных с христианской традицией и помещая ее в систему «революционных» мотивов» [Левченко 2007: 122]

Отталкиваясь от пролеткультовского канона и вместе с тем создавая произведение, относящееся к стадиально другой литературной системе, царицынский поэт В. Темный в своем стихотворении «Романс», опубликованном в журнале «Пламя», воспевает прекрасную фею и сравнивает ее труд со святым обрядом.

Да и сейчас в тебе огни,
и ими искрится твой взгляд,
когда сжигая будни - дни
труда творишь святой обряд. [Пламя. 1923. № 2: 10]

Знаменательно, что святой обряд может совершать лишь священнослужитель, но В. Темный наделяет свою возлюбленную высшим неземным духом, указывая на нее как на святую. Труд приравнивается к святому обряду и ясно почему, т. к. «федоровское отождествление – «трудовое, т.е. нравственное», было в крови пролетарской поэзии (но, увы, без краеугольного для христианского мыслителя мировоззренческого камня [Семенова 2001: 20]: «Труд есть высшая добродетель, уподобляющая нас Богу, создавшему все из ничего» [Федоров 1997: 40]).

Наряду с библейской символикой существенное место в пролетарской литературе занимают мифологические образы.

В двадцатом столетии во всем мире произошло оживление мифологических пластов человеческого сознания. Обращение к архаическому мифу и мифотворчество – особенность литературного развития XX века. Мифологичность является одним из элементов массового сознания. его Культурологи не раз отмечали связь массовой культуры с мифологией.

В порожденных XX веком общественных системах, в различных явлениях и формах их существования миф играл конституирующую роль. И революция, и установление нового режима в стране при ближайшем рассмотрении оказываются проявлением характерной мифологической модели устройства мира. М.В. Хубутя в своей работе «Мифологизация

массового сознания в условиях демократизации современного российского общества» высказывает мысль о тесной связи между социальной мифологией и идеологией. «Сливаясь с идеологией, миф превращается в руководство к действию для миллионных масс, которые под влиянием идеологизированного мифа способны на любые кровопролития, участвуя в массовых беспорядках, восстаниях, войнах и т.п. Миф является средством формирования картины мира, основанной на «бессознательном начале», а не на личном опыте, и затем на осознанном осмыслении окружающей реальности. В современном мире, в отличие от первобытных и древних обществ, ключевое значение приобретает ряд социальных функций мифа по конструированию коллективной идентичности, поддержанию социального порядка, управлению большими группами индивидов» [Хубутя 2012: 19].

Система мифологических образов, которые использовали пролетарские поэты в своих произведениях, представляет особый интерес для изучения. Пролетарская поэзия пытается интуитивно, иррационально познать мир, в известной мере также, как и миф, сочетая этот путь познания мира и текстопорождения с рационально выстроенными идейными установками.

Эти закономерности проявляются в пролетарской поэзии в целом, но мы бы хотели проиллюстрировать это примерами пролетарской поэзии Царицына.

Пролетарские поэты наделяют героев и героинь чертами сверхчеловека, что сближает их с языческими богами. В приведенном выше стихотворении В. Соловьева «Девушку с телом стальным...» физическая мощь героини гипертрофирована. Она жрица, совершающая священное действие, а сам процесс труда носит мифологизированный характер: его совершает герой-демиург, творящий новую землю и новое небо.

Для мифологического мышления характерно наделение предметов антропоморфными чертами. Нечто подобное этому мы видим в произведениях пролетарской поэзии. В стихотворении И. Шеронова завод

предстает в образе жениха, которому заботливая работница-невеста сплетает венки и слагает песни. Завод становится здесь своеобразной моделью нового мира, микрокосмосом, который и создает новую героиню.

Один из ключевых для пролетарской поэзии образов – образ вождя.

Пролетарские поэты стояли у истоков советской ленинианы. В ходе ее создания авторское художественное мышление накладывается на мышление мифопоэтическое, по сути создается новый миф.

В некоторых пролетарских текстах эта характеристика переносится на образ вождя, в редких случаях – на любого положительного героя. В стихотворении пролетарской поэтессы Лопаткиной-Рейтман вождь предстает перед нами как самый настоящий мифологический культурный герой, избавляющий людей от трудностей, дающий новые знания, устанавливающий новые порядки в обществе:

Спокойно спи Ильич – учитель.

Завет твой проводим.

<...>

Врагов угрозы не страшны,

Тобою мы закалены.

Упруже грудь наша руды, –

Мы слили в сталь свои ряды.

Трудом, наукой обновляем

Заводы, школы и поля,

Умы в познаниях просветляем –

Нам путь чертит твоя рука [Пламя. 1925. № 3,4: 25]

Здесь прямая аналогия с мифом о Прометее. Образ вождя многозначен: он многоликий творец, демиург, управляющий природными стихиями; он всеведущ, вездесущ, всемогущ, практически бессмертен. Для всех людей он как отец.

Природа авторитета вождей, их харизмы имеет сверхчеловеческий характер, они – носители вселенской истины и мудрости. В строке *«Нам путь чертит твоя рука»* мы видим яркий пример гиперболизации образа, сопряженный с аллегоричностью. Люди, слиты в стальные ряды, они творцы счастливого будущего, борцы за мировую революцию. Эти герои жизнерадостны, окрылены светлой мечтой: *«умы в познаниях просветляем»*. И вместе с тем они мудры и умелы: *«завет твой проводим»*.

Таким образом, раскрывается образ вождей как мистических и могущественных существ, прослеживается сакрализация и канонизация образа вождя: вождь – Бог. Подобные эпизоды используются для определенной цели – заставлять человека чувствовать свою ничтожность по сравнению с супергероями. Сотворение нового мира требует создания новых героев и богов.

В основе многих произведений пролетарской литературы лежат мифологические образы. Основной сюжетного стереотипа пролетарской поэзии становится архаичная мифологическая схема, согласно которой герой должен пережить умирание-воскресение, чтобы стать другим, перевоплотиться, победить какого-нибудь монстра, что мы видим во многих произведениях о вождях.

Мифологизированность в первую очередь коснулась сюжетной стороны пролетарской поэзии. Главной задачей рабочих поэтов было изображение центральных фигур демиургов, а так же мифологического пантеона героев революции и руководителей советского государства, рангом поменьше.

Стихотворение царицынского поэта В. Соловьева «Комсомольская кузница», дает новую интерпретацию слова «творец» (Пламя, 1923, № 3, с. 9). Его «творец» не только сам создал Мир, но и приручил огонь. Это ли не чудо:

Новый быт куем в огне
с пляской пламени в горне

<...>

в мире новые творцы

Комсомольцы – кузнецы. [Пламя. 1923. № 3: 9]

В данном контексте творец – это кузнец, который бьет, кует, создает новый, светлый мир. «У пролетарских творцов сам человек, точнее пролетарская масса («мы») выростала в нового всеведущего и всемогущего Бога (Пролетариат, Гигант, Железный Мессия, Титан, «многоликий Владыка мира, Чья вера – Разум, чья сила – Труд» – Кириллов)» [Семенова 2001: 26]. Образ Железного Мессии, идущий из западного фольклора, стал здесь символизировать человека-титана, единолично вступившего на путь борьбы с Сумраком и Злом.

Используя библейско-христианскую символику пролетарские поэты хотели показать серьезность своего пророческого задания - преобразить мировое пространство, разломать вековые устои.

В пролетарской поэзии Царицына образ кузнеца предстает могучим, наделенным силой преобразования жизни. В стихотворении С. Ленского «Песнь старика кузнеца» это проявилось в полной мере. Сила духа кузнеца преодолевает не только немощ старости, но и побеждает саму смерть:

Но что мне смерть! Еще кует мой молот
и с песнями, с железом я сливаюсь.
Пусть стар я. Дух рабочий молод!

Я расту, я поднимаюсь. [Пламя. 1923. №4: 5]

В стихотворении И. Валяло «Песня кузнецов» труд кузнеца обретает аллегорический смысл борьбы на новый мир:

Будем ковать неизменно:
братья на помощь зовут –
за рубежной стеною пленно:
– К бою, товарищ, готовым будь! [Пламя. 1925. №2: 32]

В стихотворении И. Стукалова «Я сегодня в пыли...» мотив пламени становится определяющим в мифологизированной картине преобразования мира: герой стихотворения предстает в образе, который архетипически восходит к образу Прометея, культурного героя-демиурга, преобразователя мира. Стихотворение строится на системе антитез: герой превращает тьму в свет (возможно, здесь отголоски горьковского образа Данко), черную сажу в золотистый песок, огонь наделяется в тексте магической силой, истребляет дикую природу, с которой человек вступает в прямой поединок – ее символом назван бурьян, высокая сорная трава. Определяя значение этого слова, помеченного отметкой «южное», В.И. Даль пишет: «Ученые, спрашивая в народе о названии растений, и слыша, что это бурьян, ошибочно приняли нарицательное имя за собственное» [Даль 1981: 144]. В стихотворении И. Стукалова образ бурьяна воплощает в себе мировое зло. Знаменательно обращение в стихотворении пролетарского поэта к характерной оппозиции тернии/цветы («вместо терний цветы рассажу впереди»). В этом обращении можно отметить влияние евангельской символики – противопоставления терний и роз, с одной стороны, с другой – влияние фразеологизма «через тернии к звездам».

Таким образом, в творчестве пролетарских поэтов Царицына выстраивается система мотивов и образов, которые соотносятся с предшествовавшей им поэзией пролеткульта, и в то же время выходят за рамки пролеткультовского канона, создают новую художественную модель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое нами исследование позволяет подвести итоги и сделать несколько важных выводов.

Изучение пролетарской литературы Царицына дает возможность выявить новые грани в истории русской поэзии начала 1920-х годов. Творчество поэтов, становившиеся членами ЦАПП, было по-своему двойственным: с одной стороны, ими владели определенные идеологические установки, с другой стороны, за их часто неумелыми, корявыми, порой на грани графоманских текстов стихотворениями живое чувство – радость победившего класса, восторг свободного труда, познания и открытия жизни. Стихи этих поэтов создавались в годы, когда позади оказались голод и кровавые войны, когда будущее казалось неизбежно счастливым, когда было желание учиться и творить. Однако уже на примере изменения ситуации в литературных кружках и студиях можно установить тенденции к идеологическому диктату.

В творчестве поэтов Царицынской ассоциации пролетарских писателей ярко выявляет наиболее созвучные поэзии начала 1920-х годов темы и образы. Стихотворство этих авторов еще далеко не полностью подчинено жестким идеологическим установкам, то, что позднее будет диктоваться императивными и нормативными ограничениями формирующегося тоталитарного общества в начале 1920-х, в их лирике и поэмах еще искренне и органично, и при всем их порой вопиющем художественном несовершенстве вызывает интерес не только чисто историко-литературный, исследовательский, но и непосредственно читательский. Вопрос об истоках творчества этих поэтов решается нами несколько «умозрительно»: от большинства из них не осталось биографических, документальных материалов. В этом сложность, но и определенное преимущество исследовательского подхода: биография автора, его самооценки и самоинтерпретации не заслоняют текст. Тем не

менее, существует дальнейшая перспектива архивного поиска, который может дать дополнительный материал для комментариев к текстам, которые, как нам представляется, должны быть опубликованы и прокомментированы.

Предпринятый анализ представляет собой только первую, начальную стадию исследования не очень объемной, но при этом достаточно богатой материалом темы. Дальнейшей разработки требует рассмотрение множества вопросов, связанных, например, с истоками пролетарской поэзии Царицына в других видах искусства – музыкального, изобразительного, киноискусства. Дополнительного исследования требует и тема соотношения пролетарской поэзии Царицына с творчеством русских поэтов предшествующих эпох – прежде всего, поэтов серебряного века и с творчеством их современников. Более детального изучения требует проблема соотношения между пролетарской поэзией 1920-х годов и поэзией Пролеткульта. Все эти вопросы мы относим к дальнейшей перспективе исследования по теме диссертации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художественные тексты и архивные материалы

1. 100 песен русских рабочих. Сост., вступ. статья и комментарии П.Г. Ширяевой. Общ. ред. П.С. Выходцева. – Л.: Музыка, 1984. – 210 с.
2. Аргальский, К. Подруге / К. Аргальский // Пламя. – 1923. – № 3. – С. 9.
3. Арский, П. Солдатская баллада / П. Арский // Поэзия в большевистских изданиях 1901-1917. Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. И.С. Эвентова. – Л.: Советский писатель, 1967. – С. 327–328.
4. Б/а. История ЦОВАПП-а // Пламя. – 1923. – № 6. – С.8-9.
5. Богомолов, Б. Стихотворения / Б. Богомолов. – Пг.: Пролеткульт, 1919. – 16 с.
6. Бедный, Д. Лена / Д. Бедный // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века. Сост. А. Г. Соколов. – М.: Высшая школа, 1988. – С.120.
7. Быков. Журналу «Пламя» / Быков // Пламя. – 1923. – № 7. – С.11.
8. В.И. Ленин в поэзии народов СССР: сборник. Сост. Гарольд Регистан. – М.: Художественная литература, 1980. – 512 с.
9. Валяло, И. Первые вести / И. Валяло // Пламя. – 1925. – № 1.– С. 8.
10. Валяло, И. Песенники мая / И. Валяло // Пламя. – 1925. – № 6.– С. 120.
11. Валяло, И. Песня кузнецов / И. Валяло // Пламя. – 1925. – № 2.– С. 32.
12. Валяло, И. Плотники / И. Валяло // Пламя. – 1925. – № 3-4.– С. 64.
13. Валяло, И. Топор / И. Валяло // Пламя. – 1923. – № 3.– С. 8.
14. Валяло, И. У чадного котла / И. Валяло // Пламя. – 1925. – №7-8.– С. 145.
15. Ванин, С. Стружки / С. Ванин // Борьба. – 1926. – 7 февраля. –С.2.
16. Ванин, С. Утром / С. Ванин // Пламя. – 1923. – № 8. – С. 10.
17. Власов–Окский, Н. Песни свободы / Н. Власов–Окский. – Тверь: Коллектив, 1919. – 32 с.

18. Вольная русская поэзия XVIII-XIX веков / Подготовка текста, составление и примечания С. А. Рейсера. – М.: Художественная литература, 1975. – 624 с.
19. Гастев, А.К. Поэзия рабочего удара / А.К. Гастев. – Пг.: Пролеткульт, 1918. – 151 с.
20. Герасимов, М.П. Электропоэма / М. П. Герасимов. – М.: Кузница, 1923. – 58 с.
21. Герасимов, М. Железным дуновеньем [Электронный ресурс] / М. Герасимов // Стихотворения. М.: Московское товарищество писателей, 1933. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gerasimow_m_p/text_0030.shtml#zheleznym-dunovenyem-osen
22. Гмырев, А. М. Буря / А. М. Гмырев // Русская поэзия конца XIX – начала XX века (дооктябрьский период). Сост. А.П. Авраменко и др. Общ. ред. А.Г. Соколова. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – С. 61.
23. Гмырев, А. М. Набат / А. М. Гмырев // Русская поэзия конца XIX – начала XX века (дооктябрьский период). Сост. А.П. Авраменко и др. Общ. ред. А.Г. Соколова. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – С. 60.
24. Горбушин, Ян. В огне / Ян. Горбушин // Пламя. – 1923. – № 7. – С. 3.
25. Горбушин, Ян. Грузчики / Ян. Горбушин // Пламя. – 1923. – № 6. – С. 7.
26. Горбушин, Ян. Инвалид заводской / Ян. Горбушин // Пламя. – 1925. – № 5. – С. 103.
27. Горбушин, Ян. Красный месяц, как трактор ползет / Ян. Горбушин // Пламя. – 1923. – № 8. – С. 10.
28. Горбушин, Ян. Мы победим / Ян. Горбушин // Пламя. – 1923. – № 3. – С. 9.
29. Горбушин, Ян. Песнь косаря / Ян. Горбушин // Пламя. – 1925. – № 7-8. – С. 145.

30. Горбушин, Ян. Утренней зарей / Ян. Горбушин // Пламя. – 1923. – № 3. – С. 9.
31. Горбушин, Ян. Январь и май / Ян. Горбушин // Пламя. – 1925. – № 7–8. – С. 140.
32. Горький, М.А. Полное собрание сочинений: в 30 т. / М.А. Горький. – М.: Издательство художественной литературы, 1953. – Т. 25. – 519 с.
33. Добросотский, Д. Покинул я хату, друзей / Д. Добросотский // Пламя. – 1923. – № 7. – С.11.
34. Ерошин, И. Куда ни киньте взор – дворцы, палаты, виллы... / И. Ерошин // Пролетарские поэты. Т. 3 (1914–1917). Ред., вступ. статья и прим. В. Абрамкина. Ред. кол. М.Горький, П.А. Груздев и др. – Л.: Советский писатель, 1939. – С. 176.
35. Жаров, А. Гармонь [Электронный ресурс] / А. Жаров // Гармонь [Текст]: поэма. - М.: Молодая гвардия, 1978. – Режим доступа: <http://kkre-kf.narod.ru/kf.htm>
36. Закоблуков, И. В новые дни / И. Закоблуков // Пламя. – 1925. – № 5. – С. 103.
37. Закоблуков, И. Мостовщик / И. Закоблуков // Пламя. – 1925. – № 2. – С. 40.
38. Запрещенные песни. Песенник. / Сост. А. И. Железный, Л. П. Шемета, А. Т. Шершунов. 2-е изд. - М.: Современная музыка, 2004. – 159 с.
39. Зелинский, В. Мой путь / В. Зелинский // Пролетарские поэты. Т. 3 (1914–1917). Ред., вступ. статья и прим. В. Абрамкина. Ред. кол. М.Горький, П.А. Груздев и др. – Л.: Советский писатель, 1939. – С. 32.
40. Золотухин, Н. Волжанка / Н. Золотухин // Пламя. – 1923. – № 4. – С.7.
41. Золотухин, Н. Гимн Октябрю / Н. Золотухин // Пламя. – 1923. – № 5. – С. 5.
42. Золотухин, Н. Годовой опыт (Литературная студия «Пламя» за 1924 год) / Н. Золотухин // Пламя. – 1925. – № 1. – С. 16.

43. Золотухин, Н. Голубая поэма. Отрывок / Н. Золотухин // Факел. – 1922. – № 1. – С. 3.
44. Золотухин, Н. «Давайте работать вместе». Рабочие трех цехов «Красного Октября» взяли шефство над окрвноторгом. Вызывают «Баррикады» / Н. Золотухин // Борьба. – 1929. – 2 ноября. – С. 3.
45. Золотухин, Н. Из песен о себе / Н. Золотухин // Пламя. – 1923. – № 6. – С. 5.
46. Золотухин, Н. Кто не с нами! Отрывок / Н. Золотухин // Юность, вперед. – 1921. – 3 июля.
47. Золотухин, Н. Механический цех «Красного Октября» без квалифицированных рабочих / Н. Золотухин // Борьба. – 1929. – 17 ноября. – С. 2.
48. Золотухин, Н. Мы / Н. Золотухин // Смирнов В. Б. По следам времени. Из истории писательской организации Царицына–Волгограда. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – С. 25.
49. Золотухин, Н. По воде в валенках (На воскреснике 25 декабря) / Н. Золотухин // Борьба. – 1921. – 29 декабря. – С. 3.
50. Золотухин, Н. Сон / Н. Золотухин // Борьба. – 1922. – 1 января. – С. 2.
51. Золотухин, Н. Утром / Н. Золотухин // Пламя. – 1923. – № 1. – С. 7.
52. Ионов, И. «Красное знамя» /И. Ионов. – URL: <http://proletcult.ru/?cat=28>
- 53.Казин, В.В. Стихи /В.В. Казин. – URL: <http://ruspoeti.ru/aut/kazin/>
54. Кириллов, В.Т. Железный Мессия (Стихи о революции) 1917-20 г. /В.Т. Кириллов. М.: Издание Московского Пролеткульта, 1921.URL: http://az.lib.ru/k/kirillow_w_t/text_1922_messiya.shtml
55. Клюев, Н. Песнослов. Кн. 2. / Н. Клюев. – Пг.: Литературно-издательский отдел Наркомпроса, 1919. – 256 с.

56. Князев, В. В черные годы / В. Князев // Поэзия в большевистских изданиях 1901-1917. Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. И.С. Эвентова. – Л.: Советский писатель, 1967. – С. 184-185.
57. Коростелев, П. Вперед по рельсам ленинизма / П. Коростелев // Борьба. – 1925. – 14 февраля. – С. 3.
58. Коростелев, П. На профдне / П. Коростелев // Борьба. – 1925. – 27 февраля. – С. 3.
59. Коростелев, П. О снежных заносах / П. Коростелев // Борьба. – 1921. – 24 декабря. – С. 3.
60. Коростелев, П. Папиросник / П. Коростелев // Пламя. – 1923. – № 1. – С. 7.
61. Коростелев, П. Работнице / П. Коростелев // Борьба. – 1925. – 3 марта. – С. 3.
62. Ладыгин, Н. Мастерская громыхает... / Н. Ладыгин // Пламя. – 1925. – № 2. – С. 40.
63. Лебедев, К. В полях / К. Лебедев // Пламя. – 1925. – № 7-8. – С. 146.
64. Лебедев, К. Гудки / К. Лебедев // Пламя. – 1923. – № 3. – С. 9.
65. Лебедев, К. Ткачихе / К. Лебедев // Пламя. – 1923. – № 7. – С. 11.
66. Ленский, С. В шахте / С. Ленский // Пламя. – 1923. – № 2. – С. 10.
67. Ленский, С. Волжанка Лида / С. Ленский // Пламя. – 1923. – № 8. – С. 3.
68. Ленский, С. Зори октября / С. Ленский // Партийный спутник. – 1924. – № 1-2 (январь-февраль). – С. 51.
69. Ленский, С. В с. Быково, Царицынск. губ. Николаевск. у. / С. Ленский // Партийный спутник. – 1923. – № 11-12. – С. 179-184.
70. Ленский, С. Из металла / С. Ленский // Пламя. – 1923. – № 1. – С. 5.
71. Ленский, С. К 25-ти летию Р. К. П. (б) / С. Ленский // Партийный спутник. – 1923. – № 9-10. – С. 1.
72. Ленский, С. Маркей / С. Ленский // Пламя. – 1925. – № 2. – С. 31.
73. Ленский, С. Октябрь / С. Ленский // Пламя. – 1923. – № 5. – С. 1.

74. Ленский, С. Песнь старика кузнеца / С. Ленский // Пламя. – 1923. – № 4. – С. 5.
75. Ленский, С. Пролетарий / С. Ленский // Факел. – 1922. – № 3. – С. 9.
76. Ленский, С. Текстильщице / С. Ленский // Борьба. – 1926. – 31 января. – С. 2.
77. Ленский, С. Шахтерка / С. Ленский // Пламя. – 1924. – № 4. – С. 51.
78. Ленский, С. Этапы / С. Ленский // Пламя. – 1925. – № 5. – С. 93.
79. Ленский, С. Юным пионерам / С. Ленский // Пламя. – 1923. – № 7. – С. 3.
80. Логинов, И.С. На страже. Стихи. Сатира / И.С. Логинов. – Пг.: Издательство Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1919. – 34 с.
81. Логинов, И. Путь пролетария / И.С. Логинов // Пролетарские поэты. Т. 3 (1914–1917). Ред., вступ. статья и прим. В. Абрамкина. Ред. кол. М. Горький, П. А. Груздев и др. – Л.: Советский писатель, 1939. – С. 105.
82. Лопаткин. Всем попам, раввинам и муллам / Лопаткин // Пламя. – 1925. – № 3,4. – С. 72.
83. Маширов-Самобытник, А. Кронштадт / А. Маширов-Самобытник // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Сост. З. С. Паперный. – Л.: Советский писатель, 1959. – С. 304.
84. Маширов-Самобытник, А. К восстанию! / А. Маширов-Самобытник // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Сост. З. С. Паперный. – Л.: Советский писатель, 1959. – С. 286.
85. Маяковский, В. Владимир Ильич Ленин // Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 12 т. / В. Маяковский. – М.: Правда, 1978. – Т. 3. – С.255-330.
86. Маяковский, В. Пятый Интернационал. // Маяковский В. Полное собрание сочинений: в 12 т. / В. Маяковский. – М.: Правда, 1978. – Т. 2. – 223-253.

87. Нарбут В.И. Стихотворения. - М.: Современник, 1990. - 445 с.
88. Нечаев, Е.Е. Маяк / Е.Е. Нечаев // Русская поэзия конца XIX – начала XX века (дооктябрьский период). Сост. А.П. Авраменко и др. Общ. ред. А.Г. Соколова. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – С. 75.
89. Нечаев, Е.Е. Осень / Е.Е. Нечаев // У истоков русской пролетарской поэзии. Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шкулев, А. М. Гмырев. Вступ. статья А.М. Бихтера. Ред. кол. В.Н. Орлов, В.Г. Базанов. – М.–Л.: Советский писатель, 1965. – С. 45.
90. Нечаев, Е. Безработный [Электронный ресурс] / Е. Нечаев // Стихотворения. Революционная поэзия 1890-1917. Библиотека поэта. Малая серия. Второе издание. – Л.: Советский писатель, 1950. Подготовка текста и примечания В. Куриленкова. – Режим доступа: http://az.lib.ru/n/nechaew_e_e/text_0030.shtml
91. Никитин, Н. Пой смелей, кобзарь! / Н. Никитин // Пламя. – 1923. – № 1. – С. 5.
92. Никитин, Н. Рудокопы / Н. Никитин // Пламя. – 1923. – № 4. – С.1.
93. Одинцов, Д. Верь, тот славный день настанет! / Д. Одинцов // Поэзия в большевистских изданиях 1901-1917. Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. И.С. Эвентова. – Л.: Советский писатель, 1967. – С. 224.
94. Орешин, П. Дулейка: Стихи. / П. Орешин. – Саратов: Издательство Саратовского Губернского агентства «Центропечать», 1919. – 63 с.
95. Павлыч, А. Из цикла «Красный Октябрь» 1917 (Отрывок) / А. Павлыч // Пламя. – 1923. – № 5. – С. 5.
96. Пожарков, А. Наборщик / А. Пожарков // Пролетарские поэты. Т. 3 (1914–1917). Ред., вступ. статья и прим. В. Абрамкина. Ред. кол. М. Горький, П. А. Груздев и др. – Л.: Советский писатель, 1939. – С. 46.
97. Поморский, А.Н. Пролетарию–поэту / А.Н. Поморский // Русская поэзия конца XIX – начала XX века (дооктябрьский период). Сост. А.П.

Авраменко и др. Общ. ред. А.Г. Соколова. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – С. 95.

98. Поморский, А.Н. Цветы восстания. Изд. 5-е / А.Н. Поморский. – Пг.: Пролеткульт, 1919. – 64 с.

99. Поморский, А.Н. Яркие зори золотые / А.Н. Поморский // Русская поэзия конца XIX – начала XX века (дооктябрьский период). Сост. А.П. Авраменко и др. Общ. ред. А.Г. Соколова. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – С. 95.

100. Пролетариат и искусство: Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций // Пролетарская культура. – 1918. – № 5. – С.32-34.

101. Пролетарские поэты. Т.1 (1893–1910). Редакция, вступ. статья и комментарии А.Л. Дымшица. Общая редакция и предисловие Ан. Горелова. Ред. кол.: М. Горький, П.А. Груздев и др. – Л.: Советский писатель, 1935. – 320 с.

102. Пролетарские поэты. Т.2 (1911–1914). Вступ. статья, редакция и комментарии Г. Д. Владимирского. Общая редакция Ан. Горелова. Ред. кол.: М. Горький, П.А. Груздев и др. – Л.: Советский писатель, 1936. – 312 с.

103. Пролетарские поэты. Т.3 (1914–1917). Редакция, вступ. статья и примечания В. Абрамкина. Ред. кол. М. Горький, П.А. Груздев и др. – Л.: Советский писатель, 1939. – 352 с.

104. Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Составители З. С. Паперный, Р.А. Шацева. – Л.: Советский писатель, 1959. – 574 с.

105. Румянцев, К. В столетья / К. Румянцев // Пламя. – 1925. – № 2. – С. 32.

106. Румянцев, К. Из цикла «Мать» / К. Румянцев // Пламя. – 1925. – № 3–4. – С. 64.

107. Румянцев, К. Наш путь красивый и тяжелый / К. Румянцев // Пламя. – 1923. – № 7. – С. 1.

108. С. Л. Пир призраков / С. Л. // Пламя. – 1923. – № 3. – С. 16.

109. Садофьев, И. Динамо-стихи. Изд. 2-е / И. Садофьев. – Пг.: Пролеткульт, 1918. – 71 с.
110. Сказин, Н. О грядущем / Н. Сказин // Пламя. – 1925. – № 5. – С. 99.
111. Сказин, Н. РКСМ / Н. Сказин // Смирнов В.Б. По следам времени. Из истории писательской организации Царицына–Волгограда. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – С. 24.
112. Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. — 416 с.
113. Соловьев, В. Девушку, с телом стальным... / В. Соловьев // Пламя. – 1923. – № 7. – С.11.
114. Соловьев, В. Комсомольская кузница / В. Соловьев // Пламя. –1923. – № 3. – С. 9.
115. Соловьев, В. Работнице / В. Соловьев // Пламя. –1925. – № 5. – С. 99.
116. Стукалов, И. Волга зимой / И. Стукалов // Факел. – 1922. – № 1. – С. 1.
117. Стукалов, И. В мартеновском цехе / И. Стукалов // Пламя. – 1923. – № 3. – С. 7.
118. Стукалов, И. Мы – грузчики на корабле / И. Стукалов // Пламя. – 1923. – № 8. – С. 1.
119. Стукалов, И. Я не один / И. Стукалов // Пламя. – 1923. – № 6. – С. 3.
120. Стукалов, И. Я сегодня в пыли / И. Стукалов // Пламя. – 1923. – № 1. – С. 7.
121. Субботин, М. Вперед! / М. Субботин // Борьба. – 1921. – 31 июля. – С. 1.
122. Субботин, М.С. Наборщица: Поэма / М.С. Субботин. Предисловие Г. Клетского. – Царицын: Издательство Царицынской ассоциации пролетарских писателей, 1922. – 34 с.
123. Субботин, М. Сиделка / М. Субботин // Пламя. – 1925. – № 1. – С. 16.

124. Субботин, М. Сон Федота на счет Воздухофлота / М. Субботин // Рассказы, стихи, частушки: Материал литературного конкурса ПермОДВФ. Предисловие М. Матвеева. – Пермь: Издание ПермОДВФ, 1925. – С. 19-20.
125. Субботин, М. Частушки / М. Субботин // Рассказы, стихи, частушки: Материал литературного конкурса ПермОДВФ. Предисловие М. Матвеева. – Пермь: Издание ПермОДВФ, 1925. – С. 24.
126. Темный, В. А что эти люди в длинных одеждах / В. Темный // Пламя. – 1923. – № 1. – С. 7.
127. Темный, В. В осень / В. Темный // Пламя. – 1923. – № 5. – С. 5.
128. Темный, В. В черном тумане: Поэма / В. Темный // Пламя. – 1923. – № 7. С. 10; №8. С. 8).
129. Темный, В. К заре свободы по трупам павших / В. Темный // Борьба. – 1926. – 31 января. – С. 2.
130. Темный, В. Маевка / В. Темный // Борьба. – 1926. – 1 мая. – С. 3.
131. Темный, В. Наш путь / В. Темный // Борьба. – 1926. – 7 февраля. – С. 2.
132. Темный, В. О 2-х никудашних кооперативах. На краю гибели. (Ст. Котельниковская, 2 Дон. округа) / В. Темный // Борьба. – 1926. – 14 февраля. – С. 2.
133. Темный, В. Пусть с ноги не скинется лапоть / В. Темный // Пламя. – 1923. – № 6. – С.10.
134. Темный, В. Решающие дни / В. Темный // Борьба. – 1929. – 24 сентября. – С. 3.
135. Темный, В. Романс / В. Темный // Пламя. – 1923. – № 2. – С.10.
136. Темный, В. У станка / В. Темный // Пламя. – 1923. – № 6. – С. 7.
137. Филипченко, И. Привет вам... / И. Филипченко // Поэзия в большевистских изданиях 1901-1917. Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. И.С. Эвентова. – Л.: Советский писатель, 1967. – С. 244.

138. Филипченко, И. Рабочий / И. Филипченко // Поэзия в большевистских изданиях 1901-1917. Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. И.С. Эвентова. – Л.: Советский писатель, 1967. – С. 243.
139. Филипченко, И. Эра славы: Стихи и поэмы. 1913-1918. / И. Филипченко. Предисловие Ю. Балтрушайтиса и Валерия Брюсова. – М.: Государственное издательство, 1918. – 152 с.
140. Черненко, А.И. За что судили Шеста? / А.И. Черненко // Пламя. – 1925. – № 1. – С.4–6.
141. Черненко, А.И. Старик / А.И. Черненко // Звезда. – 1953. – № 6. – С.49–53.
142. Шеронов, И. Работнице-девушке / И. Шеронов // Пламя. – 1923. – № 7. – С.11.
143. Шкулев, Ф. Мы. Пролетарские поэты / Ф. Шкулев // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Сост. З. С. Паперный. – Л.: Советский писатель, 1959. – С. 485.
144. Шкулев, Ф.С. На жниве / Ф.С. Шкулев // У истоков русской пролетарской поэзии. Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шкулев, А. М. Гмырев. Вступ. статья А.М. Бихтера. Ред. кол. В.Н. Орлов, В.Г. Базанов. – М.–Л.: Советский писатель, 1965. – С. 197–198.
145. Шкулев, Ф. Яснее даль, все ярче блики / Ф. Шкулев // Русская поэзия начала XX века: (Дооктябрьский период). Сост., вступ. статья А. И. Казинцева. – М.: Советская Россия, 1988. – С. 369.
146. Шкулев, Ф.С. Рабочий (Он смугл, могуч и плотен) [Электронный ресурс] / Ф.С. Шкулев // Стихотворения. Песни и романсы русских поэтов. Вступ. статья, подготовка текста и прим. В.Е. Гусева. Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. – М.–Л.: Советский писатель, 1965. Дополнение по: Революционная поэзия 1890–1917. Библиотека поэта. Малая серия. Второе издание. – Л.: Советский писатель, 1950. Подготовка текста и

- примечания В. Куриленкова. – Режим доступа:
http://az.lib.ru/s/shkulew_f_s/text_0030.shtml
147. Эдиет, П.К. На десятой версте от столицы... (Памяти жертв 9 января) [Электронный ресурс] / П.К. Эдиет // Песни и романсы русских поэтов. Вступ. статья, подготовка текста и прим. В.Е. Гусева. Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. – М.–Л.: Советский писатель, 1965. – Режим доступа: http://az.lib.ru/e/ediet_p_k/text_0010.shtml
148. Я. Г. [Горбушин Я.?] Мы – ленинский призыв / Я. Г. // Пламя. – 1925. – № 1. – С. 15.
149. Анкета Иванова Василия Григорьевича от 25 июня 1924 года. Порядковый № 593. (Рабочий № 3778) //ГКУ ВО «ГАВО». Ф.№ Р–76. Оп. № 2. Д. № 177. Лист № 76–76 об.
150. Протокол № 6 Заседания президиума Царицынского губкома РКП от 2 января 1924 г.: О замене церковных праздников // ГКУВО «ЦДНИВО» Фонд № 1 Описание № 1 Дело № 127 л.4.
151. Заседание общегородского комитета и представителей районов от 21 декабря 1917 г. ГКУВО ЦДНИВО. Фонд № 1. Описание № 1. Дело № 2 л. 39–40.
152. Протокол Заседания райорганизаторов при губ.о.р. от 17 декабря 1923 г. // ГКУВО «ЦДНИВО» Фонд № 1. Описание № 1. Дело № 108. л.1, л.4-6.
153. Протокол № 2 Заседания Пленума Царицынского губкома РКП (б) от 23 июня 1924 года // ГКУВО ЦДНИВО. Фонд № 1.Описание № 1.Дело № 113 л. 3, 18, 18 об.,19.
154. Протокол № 12 Заседания Агитпропколлегии АПО Окркомо РКП(б) от 30 декабря 1925 г. // ГКУВО «ЦДНИВО» Фонд № 11 Описание № 1 Дело № 11 Л.45-45об.
155. Протокол торжественного общегородского заседания губотдела работниц с представителями от работниц и рабочих города Царицына 20 ноября 1923 года // ГКУВО «ЦДНИВО» Фонд № 1 Описание № 1 Дело № 107 л.1-4,л.34, л.40

Научная литература

156. Агеева, Т.Г. Русский Чикаго, он же Царицын /Т.Г. Агеева // Наш горожанин. – 2007. – 1-7 ноября.
157. Андрианова, Г.Н. Это было в нашей истории: сборник / Г.Н. Андрианова. – Волгоград: Панорама, 2013. – 336 с.
158. Аникин, В. П. Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики / В. П. Аникин // Фольклор Урала. [Вып. 9]: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. – Свердловск: Уральский государственный университет, 1986. – С. 5-12.
159. Архипова, А. С., Фольклор и власть в «закрытом обществе» /А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов // Панченко А.А. Русский политический фольклор. Исследования и публикации. – М.: Новое издательство, 2013. – С.30-74.
160. Б/п. Мотивы и формы альманаха «Ярь» // Вечерний Волгоград. – 1989. – 1 апреля. – С. 8–9.
161. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов: монография / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
162. Бакина, М.А. Эволюция поэтической речи XIX–XX вв. Перифраза. Сравнение / М.А. Бакина, Е.А. Некрасова. – М.: Наука, 1986. – 191 с.
163. Белая, Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений / Г.А. Белая– 2-е изд., доп. – М., Рос. гос. гуманит. ун-т. 2004. – 622 с.
164. Беседа о славной старине [С.Л. Мухина, А.А. Рогозин]. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1989. – 222 с.
165. Богачева, Л.Ю. Социокультурная деятельность общественных организаций Нижнего Поволжья в 1920–е годы: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Богачева Любовь Юрьевна. – Волгоград, 2007. – 186 с.
166. Богданов, А. (Волжский). Стихи и революция / А. Богданов (Волжский) // Литературная газета. – 1934. – № 55, 5 мая. – С. 4.

167. Богданов, А.А. (Малиновский). Вопросы социализма: Работы разных лет / А.А. Богданов. – М.: Политиздат, 1990. – 477 с.
168. Богомолов, Н.А. Андрей Белый и советские писатели. К истории творческих связей / А.Н. Богомолов. // Андрей Белый: проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. – М.: Советский писатель, 1988. – С.309-338.
169. Бонч-Бруевич, В.Д. Автор «Интернационала» / В.Д. Бонч-Бруевич // На литературном посту. – 1931. – № 2. – С. 9-10.
170. Борев, Ю. Эстетика Троцкого. Вступ. статья / Ю. Борев. // Л.Д. Троцкий. Литература и революция. – М.: Политиздат, 1991. – С.3-20.
171. Борисов [Смирнов], В.Б. Царицынский альманах «Ярь» / В. Борисов // Отчий край. – 1994. – № 2. – С. 192–194.
172. Брыксина, Т.И. Нам 85! / Т.И. Брыксина. // Ипостаси: о них, о нас, обо мне. – Волгоград: Издатель, 2013. – С. 265-270.
173. Вайскопф, М. Писатель Сталин /М. Вайскопф. –М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 384 с.
174. Вахнина, Л.К. Славянские рабочие песни (социальный контекст, художественно-эстетическое своеобразие): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Лариса Константиновна Вахнина. – Киев, 1984. – 175 с.
175. Волков, А. А. История русской литературы XX века. Дюктябрьский период / А.А. Волков, Л.А. Смирнова. – М.: Просвещение, 1977. – 382 с.
176. Воложенин, В. Легенда и правда о пролетарской поэзии /В. Воложенин // Русская литература. – 1963. – №3. – С.16-36.
177. Волошко, Е.М. Зарождение и развитие пролетарской поэзии на Украине (на материалах массового творчества рабочих авторов Донбасса в дореволюционные и послеоктябрьские годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Волошко Е.М. – Киев, 1966. – 26 с.
178. Вольпе, Л. Поэзия труда и весны [Электронный ресурс] / Л. Вольпе // Сергей Обрадович. Стихи. Библиотека советской поэзии. – М.:

- Художественная литература, 1970. – Режим доступа:
<http://poetrylibrary.ru/stixiya/324.html>
179. Воронский, А.К. Искусство видеть мир: Статьи, портреты / А.К. Воронский. – М.: Советский писатель, 1987. – 704 с.
180. Выходцев, П.С. В поисках нового слова (Судьбы русской советской поэзии двадцатых-тридцатых годов XX века) / П.С. Выходцев. – М.: Современник, 1980. – 319 с.
181. Выходцев, П.С. Поэты и время / П.С. Выходцев. – Л.: Художественная литература, 1967. – 288 с.
182. Гачева, А.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930–х годов / А.Г. Гачева. – М.: Институт мировой литературы РАН, 2003. – 399 с.
183. Гершензон, М.О. Пушкина /М.О. Гершензон //Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990. – С.207-243.
184. Гловели, Г.Д. Трагедия коллективиста. Вступ. статья / Г.Д. Гловели, Н.К. Фигуровская. // Богданов А.А. (Малиновский). Вопросы социализма: Работы разных лет– М.: Политиздат, 1990. – С. 3-27.
185. Гольденберг, А.Х. Жизнь и литературная судьба И.Д. Сазанова /А.Х. Гольденберг, Е.С. Бирючева. – Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2014. – 161 с.
186. Гончарова, И.А. Тверская поэзия 20-х годов XX века: дисс. ... канд. ист. наук: 10.01.01 /Гончарова Ирина Авенировна. – Тверь, 1998. 215 с.
187. Гончарова, И.А. Черты романтизма в тверской поэзии периода «пролеткультизма» / И.А. Гончарова // Романтизм и его исторические судьбы. Материалы международной научной конференции (VII Гуляевских чтений). Часть II. – Тверь: Тверской государственный университет, 1998. – С. 107-112.
188. Гревс, И. М. Монументальный город и исторические экскурсии / И.М. Гревс // Экскурсионное дело. Под ред. И.И. Полянского и В.М. Шимкевича. – Петроград: 1921. – С. 21.

189. Григорьева, А. Д. Поэтическая фразеология конца 18 – начала 19 в. (именные сочетания) / А.Д. Григорьева. – М.: Наука, 1964. – 248 с.
190. Гудошников, Я. И. Русский городской романс: учебное пособие. – Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т, 1990. – 89 с.
191. Данилова, Т. По следам времени / Т. Данилова // Волгоградская правда. – 1997. – № 3. – С. 5.
192. Декларация московских пролетарских поэтов и писателей группы «Кузница» // Литературное движение советской эпохи: Материалы и документы: Хрестоматия. Сост. П.И. Плукш. – М.: Просвещение, 1986. – С.45–46.
193. Добренко, Е.А. Лево! Лево! Лево! Метаморфозы революционной культуры / Е. А. Добренко // Новый мир. – М.: 1992. – № 3. – С. 234–235.
194. Добренко, Е.А. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении / Е.А. Добренко. – München: Verlag Otto Sagner, 1993. – 408 с.
195. Добренко, Е.А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб.: "Академический проект", 1997. – 321с. (Серия "Современная западная русистика")
196. Долженко, Л.В. Литературно-эстетические принципы и творческая практика «Кузницы» (на материале художественной прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Долженко Людмила Васильевна. – М., 1984. – 203 с.
197. Дрягин, К.В. Патетическая лирика пролетарских поэтов эпохи военного коммунизма / К.В. Дрягин. – Вятка: Издание Вятского пединститута, 1933. – 289 с.
198. Евгеньев–Максимов, В. Очерк истории новейшей русской литературы / В. Евгеньев–Максимов. – М.; Л.: Государственное издательство, 1927. – 335 с.
199. Зеленина, Г.В. Возникновение пролетарской писательской организации в Царицыне / Г.В. Зеленина // Историко–краеведческие записки. –

- Волгоград: Нижне–Волжское книжное издательство. – Выпуск 2. – 1974. – С. 43–51.
200. Зелинский, К.Л. На рубеже эпох. Литературные встречи. 1917–1920. Изд–е 2–е / К.Л. Зелинский. – М.: 1962. – 190 с.
201. Зоткина В.Ю. Библиотечное дело Царицынского уезда: к 110-летию Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького / В.Ю. Зоткина // Библиотекосведение. – 2010. – №6. –С. 95-98.
202. Ивлев Д.Д. Русская советская лирика 1917 - начала 1930-х гг. (Типология и история): дис. ... докт. филол. наук: 10.01.02. /Ивлев Дмитрий Данилович. – Рига, 1983. – 418 с.
203. История русской литературы. Глав. ред. М.П. Алексеев, Н.Ф. Бельчиков и др. Т.10. Литература 1890-1917 гг. Редкол. А.С. Бушмин. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1954. – 804 с.
204. История русской литературы: в 4–х тт. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). / Ред. К.Д. Муратова, 1983. – Л.: Наука, 1980. – 783 с.
205. История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена. Под ред. С.И. Кормилова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 480 с.
206. История русской советской литературы: Т. I. (1917–1929 гг.). Ред. А.Г. Дементьев и др. – М.: Наука, 1967. – 496 с.
207. История русской советской поэзии 1917–1941 гг. Редкол. В.В. Бузник (отв. ред.) и др.– Л.: Наука, 1983. – 416 с.
208. История Российской культуры - лекции, статьи, публикации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusprogram.ru/f74>
209. Карпов, А.В. Литературная эстетика Пролеткульта в контексте русской революционной культуры / А.В. Карпов // Вестник Омского университета. – 2003. – № 3. – С. 103-106.
210. К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. Стенограмма совещания, состоявшегося, под председательством Я. Яковлева,

- 9 мая 1924 г., созванного Отделом Печати ЦК РКП(б) и посвященного вопросу о политике партии в художественной литературе (Среди выступавших с докладами: А. Воронский, Н. Осинский, Ф. Раскольников, В. Полонский, Н. Бухарин, Л. Авербах, К. Радек, В. Плетнев, Л. Троцкий, А. Луначарский, Д. Бедный, и др.). – М.: Красная новь, 1924. – 109 с.
211. Келдыш, В.А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия / В.А. Келдыш. – М.: Наука, 1964. – 239 с.
212. Кемшис, М. Новейшая русская поэзия [Электронный ресурс] / М. Кемшис // Darbai ir dienos. Literatūros skyriaus žurnalas. Humanitarinių Mokslų Fakulteto leidinys. Kaunas, 1931. [Т.] II. P. 221 – 247. = Acta et commentationes ordine philologorum V. M. Universitatis. – Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Banevich/Ban_2a.html
213. Керженцев, П. Организация литературного творчества / П. Керженцев // Пролетарская культура. – 1918. – № 5. – С. 23–26.
214. Кирсанов, М.В. Царицынское (сталинградское) краеведение в 1920 – 1930–х годах: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кирсанов Михаил Васильевич. – Волгоград, 2011. – 270 с.
215. Клейнборг, Л.М. Очерки народной литературы (1880-1923 г.г.). Беллетристы. Факты, наблюдения, характеристики / Л.М. Клейнборг. – Л.: Издательство «СЕЯТЕЛЬ», 1924. – 282 с.
216. Клетский, Г. Вступ. статья (Предисловие) к поэме М.С. Субботина «Наборщица» / Г. Клетский. – Царицын: Издательство Царицынской ассоциации пролетарских писателей, 1922. – С. 3–4.
217. Коган, П.С. Александр Блок и революция / П.С. Коган // Печать и революция.– 1921. – Кн.2. – С. 4.
218. Колоницкий, Б. И. «Марсельеза» по-русски: песни в политической культуре революции 1917 года / Б. И. Колоницкий // Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Vol.II. № 2. С.7-48.

219. Кондрашова, И.И. РАПП: дискуссия о классовости искусства и литературы / И.И. Кондрашова // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар. – 2008. – № 2. – С.102-104.
220. Коновалова, Ж.Ф. Миф в советской истории и культуре / Ж.Ф. Коновалова. – СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 1998. – 123 с.
221. Коркунов, В.В. Локальный текст как предмет исследования /В.В. Коркунов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. –2014. –№ 6/2. – С. 196–198.
222. Коркунов, В.В. На пути к «кимрскому тексту»: теория и практика /В.В. Коркунов // Вопросы литературы. – 2014. – Ноябрь.– дек. – С. 325–344.
223. Коркунов В.В. Кимрский локальный текст в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 /Коркунов В.В. – Тверь, 2015. – 24 с.
224. Костюхин, Е.А. Жестокий романс /Е. А. Костюхин // Современный городской фольклор. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. – С.492-503.
225. Кремнев, И. (А. Чайнов) Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Ч. 1. XIV. С предисл. П. Орловского (В. Воровского) / И. Кремнев. – М.: Государственное издательство, 1920. – 61 с.
226. Кремнев, В. Поэма великой революции [Электронный ресурс] / В. Кремнев // Кузница. - 1920. - № 5-6. – С.62-69. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2646.html>
227. Круг, Олег [Круглов О.А.]. Из воспоминаний жителя Царицына: экскурс в прошлое нашего города О. Круг//Город героев. 2013. 8 февраля <http://gg34.ru/news/society/11654-2013-02-08-14-12-19.html>
228. Кулешов, В.И. История русской критики XVIII-XIX веков / В.И. Кулешов. – М.: Просвещение, 1978. – 526 с.
229. Кулинич, А.В. Новаторство и традиции в русской советской поэзии 20–х годов / А.В. Кулинич. – Киев: Издательство Киевского университета, 1967. – 376 с.

230. Кулинич, А.В. Очерки по истории русской советской поэзии 20–х годов / А.В. Кулинич. – Киев: Издательство Киевского Университета им. Т. Г. Шевченко, 1958. – 216 с.
231. Левченко, М.А. Поэзия пролеткульта: идеология и риторика революционной эпохи: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Левченко Мария Александровна. – СПб., 2001. – 206 с.
232. Левченко, М.А. Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917–1921 гг. / М.А. Левченко. – СПб.: СПГУТД, 2007. – 142 с.
233. Лелевич, Г. Поэзия революционных разночинцев. 60-80-х гг. XIX века / Г. Лелевич. – М.; Л.: ГИХЛ, 1931. – 160 с.
234. Лелевич, Г. На литературном посту (статьи и заметки) / Г. Лелевич. – М.: Парт-издательство «ОКТЯБРЬ», 1924. – 169 с.
235. Лелевич, Г. Г.В. Плеханов и задачи марксистской литературной критики [Электронный ресурс] / Г. Лелевич // На посту. 1925. N 1. С.9–42. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/3149.html>
236. Ленин, В.И. Избранные произведения / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1966. – Т. 3. – 830 с.
237. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1972. – Изд. 5. – Т. 12. (октябрь 1905 – апрель 1906). – 575 с.
238. Луначарский, А.В. Собрание сочинений: в 8–ми т. Литературоведение, критика, эстетика Т. 7 (1903–1928) / А.В. Луначарский. – М.: Художественная литература, 1967. — 734 с.
239. Луначарский, А.В. Собрание сочинений: в 8–ми т. Литературоведение, критика, эстетика Т. 8 (1928–1933). / А.В. Луначарский. – М.: Художественная литература, 1967. — 654 с.
240. Львов-Рогачевский, В.Л. Очерки пролетарской литературы / В.Л. Львов-Рогачевский. – М.;Л.: Государственное издательство, 1927. – 316 с.

241. Львов-Рогачевский, В.Л. Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин / В.Л. Львов-Рогачевский. – М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. – 192 с.
242. Ляшко, Н. Основные отличительные признаки пролетарской литературы / Н. Ляшко // Литературное движение советской эпохи: Материалы и документы: Хрестоматия. Сост. П.И. Плукш. – М.: Просвещение, 1986. – С.46–50.
243. Мазаев, А. И. Концепция «Производственного искусства» 20-х годов: Историко-критический очерк /А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1975. – 270 с.
244. Малыгина, Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения» / Н. М. Малыгина. – М.: ТЕИС, 2005. – 334 с.
245. Мамонтов, В.В. Верность отчужденному дому / В.В. Мамонтов // Волгоградская правда. – 1996. – 25 сент.
246. Материалы первого всесоюзного съезда советских писателей: доклад тов. Карла Радека: Рождение революционной и пролетарской литературы // Поволжье. – 1935. – № 1. – С. 153.
247. Машевская, В.А. Книжный промысел в дореволюционной Царицыне / В.А. Машевская // Петербургская библиотечная школа. – 2013. – № 4 (44). – С.55-60.
248. Меднис, Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: Учеб.пособие /Н.Е. Меднис. – Новосибирск: НГПУ, 2003. <http://raspopin.den-zadnem.ru/files/0702181171777836.rar>
249. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / Д.Н. Медриш. – Саратов: СГУ, 1980. – 296 с.
250. Мельников, Ф. Рабкор Никитин / Ф. Мельников // Борьба. – 1927. – 9 марта. – С. 3.
251. Меньшутин, А.Н. Поэзия первых лет революции: 1917–1920 / А.Н. Меньшутин, А.Д. Синявский. – М.: Наука, 1964. – 440 с.

252. Михайлова, М.В. А.Н. Потресов-критик /М.В. Михайлова // Stephanos. –2013. – №2. – С. 34–43.
253. Наша задача // Пламя. – 1923. – № 1. – С. 1.
254. Нашим читателям // Пламя. – 1925. – № 1. – С. 24.
255. Некрасова, Е.С. Мифологические конструкции в советской культуре и искусстве / Е.С. Некрасова // *Studia culturae*. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Выпуск 2. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.179–188.
256. Не Пасха, а Первое мая // Пламя. – 1924. – № 8. – С. 114.
257. Нестеров, Ю.Д. Ранняя пролетарская поэзия в России (1895–1910 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Нестеров Ю.Д. – М., 1967. – 20 с.
258. Николаева, Л.С. Теория и практика пролеткульта. 1917–1932 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Николаева Л.С. – М., 1997. – 29 с.
259. Новицкий, С. Когда перо дружило ... с молотом / С. Новицкий // *Интер*. – 2001. – № 37. – С.13.
260. «Октябрь». – МАПП. – ВАПП // Литературное движение советской эпохи: Материалы и документы: Хрестоматия. Сост. П.И. Плуکش. – М.: Просвещение, 1986. – С.60–62.
261. Олейник, В.М. А.Я. Шабленко и рабочая поэзия конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / В.М. Олейник. – Киев, 1988. – 24 с.
262. Осьмаков, Н.В. Поэзия революционного народничества / Н.В. Осьмаков. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 199 с.
263. Осьмаков, Н.В. Родина. Народ. Революция. Этапы развития русской революционной поэзии второй половины XIX – начала XX в. Пособие для учителей / Н.В. Осьмаков. – М.: Просвещение, 1977. – 199 с.

264. Осьмаков, Н.В. Русская пролетарская поэзия 1890-1917 гг. / Н.В. Осьмаков. – М.: Наука, 1968. – 279 с.
265. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Редактор М.И. Самойлова. Стенографический отчет, 1934. – 719 с.
266. Петровский, В.И. «С народным говором в ладу...»: о народных истоках поэтического языка Д. Бедного / В.И. Петровский. – Львов: Издательство Львовского университета, 1969. – 144 с.
267. Платонов, А. Пролетарская поэзия [Электронный ресурс] / А. Платонов // Кузница. 1922. № 9. С. 28-32. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/platonov_proletarskaja_poezija.pdf
268. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения: в 5-ти т. Т.5. / Г.В. Плеханов. Ред. В. Козерук. Вступ. статья В.Р. Щербиной. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. — 903 с.
269. Плеханов, Г.В. Искусство и литература / Г.В. Плеханов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. – 532 с.
270. Подоксенов, А.М. Философские идеи Г.В. Плеханова в мировоззрении и творчестве М.М. Пришвина [Электронный ресурс] / А.М. Подоксенов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Вып. № 8 (48). Т. 4. 2008. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-idei-g-v-plehanova-v-mirovozzrenii-i-tvorchestve-m-m-prishvina#ixzz4ImQHCAyM>
271. Полищук, Н. С. Место и роль фольклора в духовной культуре промышленных рабочих / Н. С. Полищук // Фольклор Урала. — Свердловск : [Урал. гос. ун-т], 1986. – [Вып. 9]: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. – С. 12-20.
272. Полонский, Вяч. Литературное движение октябрьского десятилетия / Вяч. Полонский // Печать и революция. – 1927. – Кн.7 (октябрь–ноябрь). – С. 15–80.

273. Полякова, Л. "Кузница" в литературном движении 1920-1932 гг.: Дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.01/ Полякова Лариса Васильевна. – М., 1973. – 200 с.
274. Пономарев, В.А. Советская культура и российская действительность / В.А. Пономарев. – М.: Дрофа, 1997. – 212 с.
275. Потявин, В.М. Изучение русской народной песни (1917 г. – 30-е годы) / В.М. Потявин // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Т.94: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Выпуск 4. Отв. ред. Р.С. Липец. – М.: Наука, 1968. – С. 164–187.
276. Пропп, В.Я. Сказка. Эпос. Песня / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2001. – 368 с.
277. Проскуряков, Д.Л. Культурологическое эссе «Советская поэзия как особое мифологическое пространство» / Д.Л. Проскуряков // «ПОЛДЕНЬ XXI век. Журнал Б.Н. Стругацкого». – 2008. – март. – С. 147–158.
278. Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно–просветительных организаций, 15–20 сентября 1918 г. / Под ред. П.И. Лебедева–Полянского. – М.: Пролетарская культура, 1918. – 128 с.
279. Прялков, А.В. Демьян Бедный: стенограмма публичной лекции / А.В. Прялков. – М.: Знание, 1955. – 32 с.
280. Раков, В.П. Маяковский и советская поэзия 20-х годов / В.П. Раков. – М.: Просвещение, 1976. – 255 с.
281. Ревзин, Г. Девушка моей мечты / Г. Ревзин // Искусство. – 1990. – № 3. – С. 39–43.
282. Рожков, Н.А. О пролетарской этике. Пролетарское творчество с точки зрения реалистической философии / Н.А. Рожков. – М.: Книгоиздательство Е.Д. Мягкова «КОЛОКОЛЬ», 1906. – 62 с.
283. Русская и зарубежная литература конца XIX – начала XX века: основные течения. Реализм. Натурализм. Символизм. Импрессионизм. Неоромантизм. Эстетизм. Неореализм. Демократическая и пролетарская

- литература. Часть I. Коллектив авторов: Н.Н. Арсентьева, Е.М.Волков, Ю.А. Драгунова и др. – Орел: 1998. – 277 с.
284. Русская поэзия начала XX века: (Дооктябрьский период). Сост., вступ. статья А.И. Казинцева. – М.: Издательство «Советская Россия», 1988. – 384 с.
285. Русская советская литературная критика (1917–1934): Хрестоматия. Сост. П.Ф. Юшин. – М.: Просвещение, 1981. – 447 с.
286. Савушкина, Н.И. Русская поэзия начала XX века и фольклор: учеб. – метод. пособие для студентов филол. фак. Вып. 1 / Н.И. Савушкина. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 79 с.
287. Селивановский, А.П. В литературных боях. Избранные статьи и исследования / А.П. Селивановский. – М.: Советский писатель, 1963. – 612 с.
288. Селивановский, А.П. Очерки по истории русской советской поэзии / А.П. Селивановский. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – 455 с.
289. Семенова, С. Русская поэзия и проза 1920 – 30-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия / С. Семенова. – М.: Наследие, 2001. – 589 с.
290. Семеновский, Д. Современная частушка / Д. Семеновский // Красная новь. – 1921. – № 1. – С. 53–61.
291. Синдаловский, Н. Карл Маркс и эллинский сатир. Октябрьская революция в зеркале петербургского городского фольклора / Н. Синдаловский // Нева. – 1997. – № 11. – С. 180–189.
292. Сиповский, В.В. Поэзия народа. Пролетарская и крестьянская лирика наших дней / В.В. Сиповский. – Пг.: Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е.В. Высоцкого, 1923. – 140 с.
293. Скабичевский, А.М. Литературные воспоминания / А.М. Скабичевский. – М.: Аграф, 2001. – 432 с.
294. Слюсарь А.А. Эстетические искания поэтов "Кузницы" (1920-1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Слюсарь А.А. – Одесса, 1970. – 393 с.

295. Смирнов, В.Б. По следам времени. Из истории писательской организации Царицына-Волгограда / В.Б. Смирнов. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – 528 с.
296. Смирнов, И.П. Бытие и творчество (Приложение к альманаху «Канун», выпуск 1) / И.П. Смирнов. – СПб.: Б/и., 1996. – 188 с.
297. Советская многонациональная литература (очерк развития): Учеб. пособие для студентов филол. специальностей вузов / О.А. Баканидзе и др. Под ред. Г.И. Ломидзе. – М.: Высшая школа, 1986. – 198 с.
298. Соловьев, В.С. Избранное / В.С. Соловьев. Сост. А.В. Гулыги, С. Л. Кравца. – М.: Советская Россия, 1990. – 494 с.
299. Соложенкина, С.Л. Пейзаж в русской советской поэзии. (Двадцатые-тридцатые годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Соложенкина С.Л. – М., 1971. – 19 с.
300. Тимофеев, Л.И. Забытый пролетарский поэт Ф.Е. Поступаев / Л. И. Тимофеев // Октябрь. – 1926. – № 10. – С. 104–110.
301. Торov, М. Рецензия на книгу Алексея Гастева (И. Дозорова) Поэзия рабочего удара / М. Торov // Вестник жизни. – 1918. – № 2. – С. 114.
302. Тропкина, Н.Е. Русская поэзия 1917 – 1921 годов: художественные искания поэтов серебряного века / Н.Е. Тропкина. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 1995. – 190 с.
303. Тропкина, Н.Е. Образный строй русской поэзии 1917 – 1921 гг. / Н.Е. Тропкина. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 1998. – 222 с.
304. Тропкина, Н.Е. Типы и модели пространства в русской поэзии второй половины XX - начала XXI в. / Н.Е. Тропкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серии Педагогические науки. Филологические науки. Социально-экономические науки и искусство. – 2011. – №8 (62). – С. 161-165.
305. Тропкина, Н.Е. Антиномия открытого/замкнутого пространства в метатексте русской поэзии 1917-1921 годов / Н.Е. Тропкина // Восток – Запад:

пространство русской литературы : материалы Междунар. науч. конф. (заоч.). Волгоград, 25 ноября 2004 г. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. – С. 94 – 103.

306. Тропкина, Н.Е. Об одном типе пространственно-временной модели в метатексте русской поэзии 1917-1921 годов / Н.Е. Тропкина // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Материалы III Международной конференции «Русское литературоведение в новом тысячелетии». В 2-х тт. Т.2. – М.: Издательский дом «Таганка» МГОПУ, 2004. – С.356-359.

307. Троцкий, Л.Д. Литература и революция. Печатается по изданию 1923 г. / Л.Д. Троцкий. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.

308. Троцкий, Л.Д. Статьи об искусстве: Пролетарская культура и пролетарское искусство / Л.Д. Троцкий // Театр. – 1989. – № 8 (август). – С. 90–92.

309. У истоков русской пролетарской поэзии. Е.Е. Нечаев, Ф.С. Шкулев, А.М. Гмырев. / Вступ. статья А.М. Бихтера. Ред. кол. В.Н. Орлов, В.Г. Базанов. – М.; Л.: Советский писатель, 1965. – 452 с.

310. Фарбер, Л.М. Советская литература первых лет революции (1917–1920 гг.): учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. высш. учеб. зав. / Л.М. Фарбер. – М.: Высшая школа, 1966. – 254 с.

311. Федоров, Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. / Н.Ф. Федоров. – М.: Традиция, 1997. – Т. 3. – 742 с.

312. Фейнберг, Е.Л. Наука, искусство и религия / Е.Л. Фейнберг // Вопросы философии. – 1997. – № 7. – С. 54.

313. Филиппова, А.П. Царицын накануне и во время Первой мировой войны / А. П. Филиппова // Царицын. Сталинград. Волгоград. Вехи истории: альманах – Волгоград: ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», 2014. – С. 14-23.

314. Филипченко, И. О творческом материале / И. Филипченко // – Красный журналист. – 1920. – 1 августа.
315. Фриче, В.М. Пролетарская поэзия / В.М. Фриче. – М.: 8-я типо-лит. Полигр. Отдела. М.Г.С.Н.Х., 1919. – 112 с.
316. Хубутя М.В. Мифологизация массового сознания в условиях демократизации современного российского общества: автореф. дисс. ...канд. философ. наук: 09.00.11 /Хубутя М.В. – Краснодар, 2012. – 22 с.
317. Цыбин, М. Как работает литературный кружок на СТЗ / М. Цыбин // Сталинград. – 1933. – № 8 (декабрь).
318. Черненко, Александр Иванович // Литературная история Поволжья: не забытые нами имена: библиогр. материалы / Волгогр. ОУНБ им. М. Горького, Отд. краеведения; [сост. В.Ю. Зоткина; ред. О.В. Назарова, Т.И. Климова]. – Волгоград, 2008. – С. 19–23.
319. Чиров, Д.Т. Писатели Нижней Волги. (Критико-биографические этюды) / Д.Т. Чиров. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1973. – 220 с.
320. Шлевкова, Т.В. Грязе–Царицынская железная дорога и ее влияние на экономическое развитие Царицына во второй половине XIX века [Электронный ресурс] / Т.В. Шлевкова. – Режим доступа: http://economicarggu.ru/2003_1/shlevkova.pdf
321. Шешуков, С.И. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов /С.И. Шешуков. – М.: Прометей, 2013. – 336 с.
322. Шигарева, Ю. В. Проблемы поэтики лирики народников: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Юлия Валерьевна Шигарева. – М., 2003. – 312 с.
323. Ширяева, П. Г. От составителя /П.Г. Ширяева //100 песен русских рабочих. Сост., вступ. статья и комментарии П.Г. Ширяевой. Общ. ред. П.А. Выходцева. – Л.: Музыка, 1984. – С.3-19.

324. Эвентов, И.С. Партия, поэзия, печать. Вступит. статья к книге: Поэзия в большевистских изданиях 1901-1917. Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. И.С. Эвентова. – Л.: Советский писатель, 1967. – 512 с.
325. Эпштейн, М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии /М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 303 с.
326. Юдин, В.Н. Слава отчего края / В.Н. Юдин. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1987. – 252 с.

Словари и справочники

327. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. /В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1981. – Т.1. А – З. – 699 с.
328. Квятковский, А. П. Поэтический словарь /А.П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
329. Литературная энциклопедия. Т. 9. Глав. ред. А.В. Луначарский, ученый секретарь Е.Н. Михайлова. Госуд. институт «Советская энциклопедия». – М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. – 832 с.
330. Энциклопедия Волгоградской области = Encyclopedia of the Volgograd Oblast / Администрация Волгогр. обл., Волгогр. гос. ун-т; гл. ред. О.В. Иншаков. – 2-е изд., доп. и испр. – Волгоград: Издатель, 2009. – 374 с.

Приложение.1.

СВЕДЕНИЯ О ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТАХ ЦАРИЦЫНА

Биографические статьи данного приложения являются результатом компиляции сведений, взятых автором-составителем из различных источников. Одним из источников информации является литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный двухнедельный журнал Нижнего Поволжья «Пламя». Царицынские пролетарские поэты в основном печатали свои произведения в этом издании. Там же рядом с фамилией автора указывалось, из какого он города его род занятий. Если источником сведений является журнал «Пламя», то это отдельно не указывается. В биографической статье указывается ссылка на иной источник.

Аргальский Константин – царицынский пролетарский поэт. Имеются сведения, что Аргальский был кандидатом в члены Царицынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ЦАПП) [«Пламя». 1923, № 6, с.9], но стал ли ее членом впоследствии – неизвестно.

Быков – царицынский пролетарский поэт, «рабочий деревообделочник» [«Пламя». 1923, № 7, с. 11].

Валяло Иван – царицынский пролетарский поэт.

Ванин Сергей – царицынский пролетарский поэт. О нем, как о выдающемся царицынском авторе написал Н. Золотухин в своей статье «Годовой опыт (Литературная студия «Пламя» за 1924 год)» [«Пламя». 1925, № 1, с.16].

Горбушин Ян. (он же Як. Горбушин) – царицынский пролетарский поэт, «рабочий «Красного Октября»» [«Пламя». 1923, № 3, с.9]. Начиная печататься в литературной студии журнала. Имеются сведения, что Горбушин был кандидатом в члены Царицынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ЦАПП) [«Пламя». 1923, № 6, с.9], но

стал ли ее членом впоследствии – неизвестно.

Добросоцкий Д. (он же Д. Добросотский) – царицынский пролетарский поэт, «рабочий «Красного Октября»» [«Пламя». 1923, № 7, с.11]. Имеются сведения, что Добросоцкий был кандидатом в члены Царицынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ЦАПП) [«Пламя». 1923, № 6, с.9], но стал ли ее членом впоследствии – неизвестно.

Закоблуков Иван – царицынский пролетарский поэт. О нем, как о выдающемся царицынском авторе написал Н. Золотухин в своей статье «Годовой опыт (Литературная студия «Пламя» за 1924 год)» [«Пламя». 1925, № 1, с.16].

Золотухин Николай – царицынский пролетарский поэт, один из основателей Царицынской ассоциации пролетарских писателей, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с.9]. В январе 1923 г. из-за существенного раскола в писательских рядах и попытки ее отдельных членов организовать отделение группы «Октябрь» была создана организационная комиссия по выработке декларации и чистке членов и кандидатов ЦАПП. Николай Золотухин стал ее председателем. Весной 1923 г. после выпуска альманаха «Ярь» в ассоциации создалась рабочая оппозиция инициатором и руководителем которой стал Золотухин. После этого в мае 1923 г. было избрано новое правление и Н. Золотухин стал заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦАПП. После выпуска ассоциацией литературно-художественного журнала «Пламя» Золотухин становится одним из его редакторов [«Пламя», 1923, № 6, с.8-9]. Николай Золотухин принимал участие и выступал с докладами на заседаниях общегородского комитета и представителей районов. Говорил о падении организации на заводе «Красный октябрь», т.к. мало литературы и нечем просвещать массу. Золотухин переживал за царицынский край, просил помощи у ЦК, чтобы центр выделил отдельного члена по

литературно-просветительской работе. Боролся за просвещение масс, за снабжение края литературой [Заседание общегородского комитета и представителей районов от 21 декабря 1917 г. ГКУВО ЦДНИВО. Фонд № 1. Опись № 1. Дело № 2 л. 39-40].

Коростелев П. – царицынский пролетарский поэт, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 9]. С 14 сентября 1921 г. – 1 декабря 1922 г. был председателем правления ассоциации (после Альб-Руткис) [«Пламя». 1923, № 6, с. 8]. Рабочий «депо Царицын. Ю.В. ж.д.» [«Борьба». 1925, 3 марта, с. 3].

Лебедев К. – царицынский пролетарский поэт, «Рабочий. Фабрика им. Володарского, ст. Новки» [«Пламя». 1923, № 3, с. 9].

Ленский Сергей – царицынский пролетарский поэт, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 9].

Поэт родился в 1888 г. в селе Быково Николаевского уезда Царицынской губернии. Он интересовался революционной деятельностью и работой подпольных организаций. В 1905 г., когда ему было 17 лет, он стал членом революционной группы, в которой состоял опытный революционер Е. Луконин. В 1906 г. С. Ленский участвовал в проведении первомайской демонстрации. Он вспоминает: «Около 15 человек на досчанике украшенном красными флагами, на Волге с революционными песнями отпраздновали 1-е мая. Были преследования, но арестов не было» [Ленский, 1923, с.181].

С 1909 по 1917 г. автор работал в Камышине, Царицыне и Казани. В первых числах января 1917 г. возвратился в с. Быково. Январь и февраль 1917 г. жил в с. Быково. 4 марта 1917 г. была получена первая весть о свержении самодержавия. С. Ленский становится во главе революционного движения села, насчитывающего до 13 тысяч жителей. Выступает на митингах и собраниях, организует Рабочий союз (Союз рабочих) и т.п.

Хотя организации Союз рабочих официально не существовало, ее участники часто встречались и делились своими впечатлениями об индивидуальной революционной работе. К Ленскому приходили товарищи за книгами, которые у него хранились и после роспуска организации. В мае 1917 г. он входит в организацию СДРП(б) в г. Николаевске. Председателем комитета организации был Н. Фомин, членами М. Гомонов, С. Твердохлебов и др. В Николаевске Ленского избирают членом совета рабочих и солдатских депутатов (первый совет). Председателем его был Давыдов из 243 пехотного полка, стоявшего в то время в г. Николаевске. Получив из Николаевска некоторые директивы и оружие, С. Ленский начал проводить в Быкове работу в духе большевизма. Рабочий союз вырос до 800 человек, в него входили бедные крестьяне, сельские рабочие и служащие. Власть коалиции и Керенского в селе не пользовалась доверием, и рабочему союзу приходилось проводить свою работу, вершить суд, нести охрану порядка и руководить управлением села. Во время выборов в волостное земство большинство голосов получила организация С. Ленского «Союз рабочих». Уезд (г. Царев) опротестовал выборы, но новых выборов провести не удалось, так как в селе чувствовалась атмосфера анархии. Это было к концу октября 1917 г. В это время озлобленные солдаты, возвращающиеся с фронта, повели самосуды, убийства и проч. С. Ленский всеми силами старался разрушить аппараты Керенского в исполкоме и продотделе. С. Ленский повсеместно производил дезорганизацию, за что телеграфно из Царева был объявлен арестованным за большевизм (по распоряжению Керенского о самосудах над большевиками, изданному в средних числах октября 1917 г., поэту предстояла высылка в г. Царев и расправа), но автору удается уехать в г. Николаевск, где его встретила уже утвердившаяся советская власть. В период военного коммунизма он работал в должности секретаря укома и писал стихотворения [Партийный спутник, 1923, № 11-12, с. 179–184].

Никитин Николай – царицынский пролетарский поэт, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 9].

«Он пишет в «Борьбу» с 1923 года, пишет в московские газеты: «Рабочую» и «Безбожник». Работал Никитин на заводе «Красный Октябрь». Сначала в сортовых цехах, затем в подотделе техники безопасности – протоколистом. 15 ноября прошлого года (1926 г., примечание Е.Я.) Никитину был предъявлен расчет, и он был уволен с завода» [Мельников, 1927, с. 3]. Никитин был «редактором журнала «Пламя» [«Пламя», 1923, № 6, с. 9]. «Наблюдая, что за последнее время книжный рынок, заваливается нэповской литературой, разлагающе действующей на чувства трудящихся, ассоциация решила, в противовес этой литературе выпускать свою, для чего организовало издательство «Красный Маяк», назначив заведующим издательства т. Никитина» [«Пламя», 1923, № 6, с. 9].

Павлыч А. (псевдоним А.Костина) – царицынский пролетарский поэт, с мая 1923 г. был председателем правления Царицынской ассоциации пролетарских писателей (после В. Сидоренко) [«Пламя», 1923, № 6, с. 9], «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 9], «редактор ежемесячного журнала «Зовы», организатор литературной ячейки в г. Ленинске» [«Пламя». 1923, № 6, с. 8]. Активно выступал с докладами на литературных диспутах не только в Царицыне, но и в Ленинске, Николаевске и пр. [«Пламя». 1923, № 6, с. 8].

В связи с появлением в Московской «Рабочей газете» в 1923 г. декларации группы «Октябрь», вышедшей из ВАПП, в Царицынской Ассоциации также появились разногласия в литературной политике. Костин заявил о своем выходе из ассоциации и стал организовывать вместе с Черненко и Сказиным отделение группы «Октябрь» [«Пламя». 1923, № 6, с. 8].

Румянцев Константин – царицынский пролетарский поэт, в 1925 г. –

секретарь журнала «Пламя» [«Пламя». 1925, № 1, с. 24]. Имеются сведения, что Румянцев был кандидатом в члены Царицынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ЦАПП) [«Пламя». 1923, № 6, с.9], но стал ли ее членом впоследствии – неизвестно.

Сказин Н. – царицынский пролетарский поэт, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 8]. Также «печатался в альманахе писателей Царицына «Ярь». Здесь издавались не только его стихотворения (наиболее примечательное из них «РКСМ»), но и «заметки «О сказуемом слове», которые публикуются под рубрикой «Из блокнота». Под рубрикой «Критика» в альманахе публикуется рецензия, подписанная инициалами Н. С. и принадлежащая, по всей вероятности, Н. Сказину, на литературно-художественный сборник так называемых «эмоционалистов» «Абраксас», выпущенный в 1923 году в Петрограде под редакцией М. Кузмина и А. Радлова» [Смирнов В.Б., 1996, с. 26-27].

В связи с появлением в Московской «Рабочей газете» в 1923 г. декларации группы «Октябрь», вышедшей из ВАПП, в Царицынской Ассоциации также появились разногласия в литературной политике. Сказин заявил о своем выходе из ассоциации и стал организовывать вместе с Черненко и Костиным отделение группы «Октябрь» [«Пламя». 1923, № 6, с. 8].

Соловьев Владимир – царицынский пролетарский поэт, «рабочий «Красного Октября»» [«Пламя». 1923, № 3, с. 9]. Имеются сведения, что Соловьев был кандидатом в члены Царицынского отделения Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ЦАПП) [«Пламя». 1923, № 6, с.9], но стал ли ее членом впоследствии – неизвестно.

Стукалов Иван – царицынский пролетарский поэт, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 9]. Начиная печататься в литературной студии. Вскоре его стихотворения стали регулярно появляться в отдельных тематических рубриках журнала

«Пламя». В журнале «Факел» напечатали первое его стихотворение «Волга зимой» [«Факел». 1922, № 1, с. 1].

Субботин Михаил – царицынский пролетарский поэт, один из основателей Царицынской ассоциации пролетарских писателей, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 8]. «По профессии рабочий-печатник. Окончив три класса начального училища, с детства переносил ужасы самого нищенского существования» [Клетский, 1922, с. 3].

Темный Василий (Иванов Василий Григорьевич) – царицынский пролетарский поэт, один из основателей Царицынской ассоциации пролетарских писателей, «член Царицынской ассоциации пролетарских писателей» [«Пламя». 1923, № 6, с. 9]. Родился 3 апреля 1885 г. в Царицынской губернии Ленинского уезда (село Средняя Ахтуба). Родители его были крестьянами. Образования он не имел, обучался немного в каком-то сельском учебном заведении, потом был рабочим. Служил в армии рядовым. В.Темный был женат и имел двух дочерей и сына. В 1924 году принят на службу в Мартеновский цех [Анкета Иванова Василия Григорьевича от 25 июня 1924 года. Порядковый № 593. (Рабочий № 3778). ГКУ ВО «ГАВО». Ф.№ Р-76. Оп. № 2. Д.№ 177. Лист № 76-76 об.]. Темный – «рабочий поэт, слесарь-водопроводчик из ремонтно-строительного цеха, один из основателей Царицынской Ассоциации Пролетарских писателей, печатался в «Борьбе»» [Цыбин, 1933, с. 17].

Черненко Александр Иванович (1897-1956) – один из основателей Царицынской ассоциации пролетарских писателей, «писатель, журналист, издатель. Родился 31 мая 1897 г. в слободе Николаевской Астраханской губернии (ныне г. Николаевск Волгоградской области).

Из воспоминаний Александра Ивановича о детстве: «Жизнь меня не баловала с самого детства... Родился я в рабочий семье. Отец никакой профессии не имел, трудился где пришлось... Конечно, много пил, семья

жила впроголодь... Под конец жизни работал дворником у одного из астраханских купцов...

Я мальчишкой продавал газеты, работал в переплетной, а больше трудился носильщиком на волжских пристанях... Был даже весельщиком, так в низовье Волги называют гребцов. Был и бродягой, и шпаной!.. Всякое было в моей жизни... Пропал бы, как и тысячи других, но писать начал рано, с мальчишеских лет. Читал много. Это и спасло меня... Литература и советская власть...».

Двадцатилетним комсомольцем он окончил Астраханскую торговую школу. Был бойцом Красной Армии, участвовал в Гражданской войне, работал в РОСТА (Российском телеграфном агентстве). В первый год после революции 1917 г. организовал и редактировал газету «Молодой республиканец». В 1918 г. вернулся в Николаевку редактором уездной газеты «Красное Поволжье», которая вскоре стала районной газетой «Коммунист». Публиковал здесь свои стихи и рассказы» [Литературная история Поволжья: не забытые нами имена, 2008, с. 19]. «Как работник областного отделения Центропечати он ездил с «красной агитповозкой» по растревоженным революцией поволжским степям. Бывал в Камышине, Царицыне, во многих селах и хуторах. Агитационная работа в то время была сопряжена с опасностями и риском для жизни. В сложные переделки не раз попадал и Черненко. «Как-то настигли нашу повозку кулаки и арестовали. Его партбилет я успела в прическу спрятать, закатать и гребнем заколоть. Это и спасло», – рассказывала много лет спустя жена Александра Ивановича писательнице Елене Серебровской. В другой раз случилось непредвиденное и страшное. Мария Глебовна была в положении, но ее схватили вместе с мужем и бросили в подвал. И она родила до срока. Пока держали голодных взаперти, ребенок умер. Там, в подвале, его и похоронили... Сами же кое-как ушли от беды» [Мамонтов, 1996].

«Елена Павловна Серебровская, друг и сослуживец, вспоминала:

«Черненко с юности обнаружил в себе, кроме таланта писательского, еще и талант редактора-организатора». В 1920 г. он возглавил царицынский Губгосиздат, а позднее стал заведующим «Центропечатью».

7 июня 1921 г. Александр Иванович в должности «товарищ председателя» вошел в оргбюро нового литературного объединения - Царицынский союз пролетарских писателей. 14 сентября 1921 г. он был уже в составе правления Царицынской ассоциации пролетарских писателей (ЦАПП). Ассоциация активно участвовала в борьбе за новые формы в искусстве и развитие творческих сил многочисленных альманахов. Первый альманах вышел в 1921 г. под названием «На помощь голодающим», ее редакторами выступили литераторы А. Черненко и А. Занозин. Подписка на данный журнал полностью пошла на нужды голодающих Поволжья.

Вслед за альманахом ассоциация приступила к выпуску своего ежемесячного органа – царицынского литературно-художественного журнала «Зовы», под редакцией писателей Черненко, Ефремова и Костина. Издание продержалось только четыре номера. В год прекращения публикации журнала вышла его первая книга стихов «Стальная вьюга» (Царицын, 1922). Рассказы и очерки также публиковались в газетах «Правда» и «Известия». Например, в газете «Правда» в 20-е гг. печатались первые рассказы Черненко о голоде в Поволжье» [Литературная история Поволжья: не забытые нами имена, 2008, с. 19-20].

В связи с появлением в Московской «Рабочей газете» в 1923 г. декларации группы «Октябрь», вышедшей из ВАПП, в Царицынской Ассоциации также появились разногласия в литературной политике. Черненко заявил о своем выходе из ассоциации и стал организовывать вместе со Сказиным и Костиным отделение группы «Октябрь» [«Пламя». 1923, № 6, с. 8].

В 1923 г. из-за существенного раскола в писательских рядах была создана организационная комиссия по выработке декларации и чистке

членов и кандидатов ЦАПП. Александр Иванович стал ее секретарем. В том же году он опубликовал в альманахе писателей Царицына «Ярь» роман «Заревая борьба», представляющий собой «так называемую «рубленую» прозу, крепко сдобренную натурализмом» [Смирнов В.Б., 1996, с. 26]. Тираж альманаха полностью разошелся в Царицыне и Москве.

«С сентября 1923 г. в Астрахани Царицынское отделение Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей начало издавать двухнедельный литературно-художественный журнал «Пламя», одним из редакторов которого по 1926 г. был А. Черненко. В журнале были опубликованы рассказы о грузчике – «Пашка Крюков» (1924), о борьбе с мещанством - «За что судили Шеста?» (1925). Одновременно участвовал в редакции астраханского журнала «Советское строительство».

18 января 1925 г. на расширенном заседании ЦАПП совместно с активом партийной организации была создана литературная группа, названная позднее Сталинградская литературная студия. Одним из членов правления новой студии стал Александр Черненко.

В этот период в Царицыне – Сталинграде произведения начинающих литераторов публиковались в местной газете «Борьба» в рубрике «Рабочее творчество». Об этом А. И. Черненко под псевдонимом А. Каспий написал в заметке «На новых путях». В газете он неоднократно выступал с обзорами селькоровской стихотворной продукции. Например, под псевдонимом в двух номерах газеты вышла его статья «Сталинградская деревня и ее поэты».

Особое развитие литературной жизни 20-х гг. XX в. было связано с пропагандой пролетарской литературы среди широких народных масс. С этой целью ЦАПП организовало в Народном саду Царицына книжный киоск и культурный «круг», где проводились литературно-художественные вечера. Через А. И. Черненко, как представителя ЦАПП, в Москве велись переговоры с Госиздатом о снабжении на выгодных и льготных условиях

литературой книжного киоска и книжного уголка на крупных предприятиях Царицына.

Уже после создания писательской организации в Сталинграде, с 1926 по 1929 гг., семья Черненко жила в Новгороде, где глава семьи редактировал литературно-художественный журнал «Литье» (такое же название носила одна из сталинградских литературных студий). На берегах озера Ильмень семья прожила около трех лет, там же Александр Иванович «секретарствовал» в губернской газете «Звезда».

С начала 30-х гг. XX в. писатель проживал в Ленинграде. В этот период он работал секретарем ленинградского журнала «Резец», где публиковались начинающие поэты, прозаики, а также молодые художники-иллюстраторы. Позднее он принимал участие в редакции этого журнала. Тогда же в одном из ленинградских издательств вышла его первая, очень тогда знаменитая книжка «Расстрелянные годы» [Литературная история Поволжья: не забытые нами имена, 2008, с. 20-21]. «Книга о рабочем подростке в волжском торговом городе, невеселой жизни грузчиков была доброжелательно встречена всесоюзным читателем и вызвала много откликов. Отозвался на нее и А. М. Горький: «Книга у вас - неплохая...». Но посоветовал поработать «со стороны точности языка». А четыре года спустя Черненко издает каспийскую повесть «Моряна». В ней писатель нарисовал яркую драматичную картину коллективизации, «батрацко-бедняцкой части рыбачества». Критика высоко оценила новое произведение нашего земляка, назвала «Моряну» рыбацкой «Поднятой целиной». Уже одно это сравнение говорит о многом. Окрыленный успехом писатель начинает работу над второй частью повести. Но война уводит на защиту Родины вместе с сыном Владимиром» [Мамонтов, 1996]. «Со временем повести «Расстрелянные годы» и «Моряна», а также сборник его рассказов издавались неоднократно.

В годы Великой Отечественной войны он сражался в рядах народного ополчения под стенами осажденного Ленинграда, одновременно

сотрудничал с армейскими газетами.

После войны Александр Иванович не перестает заниматься литературой. Осенью 1950 г. была организована творческая поездка в Астрахань, приуроченная к выходу в астраханском издательстве нового издания повести А. И. Черненко «Моряна». В рамках ряда мероприятий автор книги встретился со своими читателями, в т. ч. молодыми астраханскими писателями. Здесь он был вовлечен в вихрь астраханских литературных дел: читал чьи-то рукописи, выступал на литгруппе, потом в городской библиотеке, потом читал участникам обороны Астрахани главы из своего нового романа, потом встречался с сотрудниками газеты...

Через год, в 1951 г. семья Черненко получила в Астрахани квартиру. Глава семьи одновременно жил и трудился в Астрахани и Ленинграде. В этот период он работал над повестью «У синего моря» (ее опубликовали после смерти автора в 1957 г.)» [Литературная история Поволжья: не забытые нами имена, 2008, с. 21-22]. «Над ней Александр Иванович работал до последних дней, подготовил для издательства, но не успел передать... Я топлю взгляд в строках первой страницы, они пахнут волжским понизовьем, дельтой, травами и рыбой, и встают перед глазами интересные, самобытные герои. «Галина стояла у окна. Над камышами далекого противоположного берега, скрытого голубоватым туманом, поднимался громадный малиновый шар солнца. Под его лучами туман заметно редел, расплывался, словно убывала вода... А по протоке сверкали розовато-желтые блики - они вспыхивали ослепительными огоньками, потухали и снова вспыхивали...»» [Мамонтов, 1996].

«В Астрахани с 1951 г. по 1953 г. он писал рассказы и очерки. Печатали их в газете «Волга», а затем издавал в виде книжечек карманного формата небольшим тиражом в местном издательстве. Позднее, собранные вместе, они составили книгу под названием «У Лебяжьей косы» (Ленинград, 1956).

В связи с событиями 1946 г., когда уничтожающей критике со стороны

руководства страны подверглись журналы «Звезда» и «Ленинград», важным событием в жизни города Ленинграда явилось появление нового литературного журнала в середине 1950-х гг. В то время А. И. Черненко, назначенный редактором в 1953 г., совместно с Е. П. Серебровской издавал «Ленинградский альманах» [Литературная история Поволжья: не забытые нами имена, 2008, с. 22]. «С приходом Черненко, - вспоминает писатель Георгий Холопов, - альманах перестал пылиться в книжных магазинах, он стал буквально расхватываться» [Мамонтов, 1996]. «Он помог сделать «посредственное» издание интересным. Привлекал к сотрудничеству известных прозаиков, поэтов, критиков. Печатал статьи, очерки, воспоминания выдающихся ученых и деятелей искусства.

В 1955 г. как орган Ленинградской писательской организации на базе альманаха был основан иллюстрированный ежемесячный литературный журнал «Нева» (Невский проспект, 3). Создателем и первым главным редактором журнала был А. И. Черненко. Он взял на себя самые трудные хозяйственные и творческие вопросы по организации «практически с нуля» передового журнального издания. В этом важном в его жизни событии проявилась вся неординарность его натуры. По воспоминаниям его коллеги, Бориса Семенова, Александр Иванович был «человек, исключительно пылкого темперамента, не по годам шустрый, упрямый, молодой. Он был невелик ростом, сухощав, всегда подтянут, порой слегка заикался, клочковатые брови расчесывал специальной щеточкой».

Среди непроверенных биографических данных есть следующие сведения о личности писателя: «То, что основатель журнала «Нева» был потомком рода и Герасима, и Амплия Черного, – это только мое, автора, предположение. Точнее, догадка. Потому что мой двоюродный дед, житель города Мышкино - Григорий Плигин (тезка своего дальнего предка), - в пятьдесят третьем году рассказывал мне, что перед Первой мировой в их плигинском семейном доме появился некто Черненко из Астрахани. Человек

немолодой, и какой профессии – дедка не помнил. Черненко явил себя состоятельным господином с гуманитарными интересами и занимался составлением генеалогического древа рода - именно древа, то есть со всеми ответвлениями. И вот от своего гостя семейство Плигиных и узнало, что их род вышел из рода Черных, то есть все то, что я успел поведать. А узнав, Плигины не только запомнили, но и переписали сведения, которые гость к тому времени добыл. А гость проявил себя еще в одном примечательном качестве - знахарстве. Жена дедушки чем-то болела. Болела долго. Какую-то хроническую имела болезнь. И гость ее вылечил».

Черненко А. И. умер в Ленинграде 7 ноября 1956 г. К концу жизненного пути он был «талантливый писатель, коммунист, член Ленинградского городского комитета партии, неутомимый общественный деятель, депутат Ленинградского Совета депутатов трудящихся, организатор и главный редактор»» [Литературная история Поволжья: не забытые нами имена, 2008, с. 22-23].

Приложение 2.

ТЕКСТЫ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТОВ ЦАРИЦЫНА 1920-Х ГОДОВ

П. Коростелев

Папиросник

– Папирос кому, папирос!

На улице мальчик кричит;

К груди большой ящик прирос –
на ремне висит.

– Вот «Ява», «Веста», «Спартак»!

– Папирос кому, папирос!

– Отдаю дешево – чуть не так!

– Папирос, папирос, папирос!

Еще солнце не раскрыло свой глаз,

еще дышит прохладой утро,

а на улице слышен уж возглас

выворачивающий нутро:

– Папирос кому, папирос!

Папиросник вчера торговал

и заработал мало,

и вот нынче отец прогнал

торговать рано рано.

– Эх, в козанки поиграть,

иль в альчики с кем удариться!

Да отец: в мать, в перемать

в сердце, в печенки ругается...

Пламя. 1923, № 1, с.7.

О снежных заносах

Что такое снежные заносы – лучше всех знает железнодорожник-путеец. Мало, к сожалению, знают о заносах широкие массы граждан, на которых ложится значительная доля борьбы с ними.

Ибо одни железнодорожники не в силах быстро ликвидировать эту грозную стихию.

Нужна широкая общественная помощь.

Железнодорожники организуют эту борьбу, руководят ею.

Но без участия, без деятельной помощи остальных граждан защита и очистка ж.д. путей от снега – задача трудная и даже невозможная.

Чуть покрытый снегом путь уже тормозит движение поездов, которое значительно замедляется, что влечет за собой и опоздание; к паровозу при-

ходится прицеплять меньше вагонов, – все это отражается на переброске грузов.

Получается перерасход топлива, а для нас это особенно важно сейчас, когда топливо ценится на вес золота.

Чаще происходят разрывы сцеплений, в результате которых – столкновения оторванных частей поезда иногда с очень печальными последствиями.

Нередки случаи схода паровозов с рельс, что случилось не раз и на ст. Царицын.

Вот те затруднения, которые получаются только от небольшого покрытия д. путей снегом.

Что же бывает от снежных заносов, которые свирепствуют в выемках, не имеющих правильной защиты?

Были случаи, когда такие выемки заносило на 5 и белое саженом от рельс.

Бывает, что движение поездов останавливается на недели и даже месяцы. Какими бедствиями грозит это для оторванных от остальной части Республики местностей, говорить не приходится.

Были случаи, когда заносило снегом целые поезда и станции.

Там, где принимали своевременно надлежащие меры, где не откладывали борьбу со стихией в долгий ящик, в таких местностях и большие заносы наносили, сравнительно, небольшой вред.

Ясно, какое огромное значение имеет правильная и своевременная защита ж.д. путей от заносов.

Руководящие органы Царицынского ж.д. узла зависящие от них меры уже приняли. Сделано все, что можно было сделать при наших скудных запасах.

И все-таки в последнее время Царицынский узел завален снегом.

Движение тормозится.

Граждане, нужна ваша помощь!

Вас призывают помочь железнодорожникам очистить и защитить от снега пути! Дело за вами!

Все на борьбу со снегом – на помощь голодным!

Борьба. 1921, 24 декабря, с.3.

Работнице

Стройте-ж, работницы, новое, лучшее.

В ногу с рабочим вперед!

Все позади мы оставили худшее-

Рабство, невежество, гнет.

И впереди вам открылась дорога

К жизни свободной, иной.

Кухня, пеленки, надежды на бога, –

Все канет в вечный покой.

Скоро о прошлом не будет и слуху.
Время все это сотрет.
Больше, работницы, силы и духу
Марта 8-е зовет.
Борьба. 1925, 3 марта, с. 3.

Вперед по рельсам ленинизма
Паровозом у нас служит время,
Рельсами нам «ленинизм».
Поспешим на смычку с деревней
Семафор поднят – «коммунизм».
Машинистом стоит РКП
И ведет нас тем путем,
Что наметил товарищ Ленин,
С его пути не сойдем.
Станция - «поднятое хозяйство»,
Мчимся к ней мы на всех парах.
Выводи, рабочий, разгильдяйство
Строй, учись врагам своим на страх.
Борьба. 1925, 14 февраля, с. 3.

На профдне

Из-за горы на мрачное здание депо солнце бросило последний сноп
своих лучей. Просвистел гудок. Конец работе.

Из всех дверей депо потянулись черные, чумазные рабочие, оживленно
разговаривая между собой.

- Сенюшкин, нынче профдень.
- Знаю.
- Приходи, доклад интересный будет.
- Ладно, приду.

Вечер. Потянулись вереницей рабочие к клубу, успевши отдохнуть
после работы и переодеться в чистое платье.

В клубе рабочих полно, мелькают и женщины. Некоторые читают
газеты или журналы.

И вот кучка рабочих собрались около стенгазеты, слышны
восклицания:

- Эх, как его ловко расписали, ну, и, «подлец», кто-то ловко пишет...

А этот подлец стоит тут же и слушает, как его кроют на все корки...

Борьба. 1925, 27 февраля, с.3.

Вперед!

О, будь ты проклят, страшный голод,
О, будь ты проклят, страшный мор,
Друзья, вперед, - кто сердцем молод,
Вперед, в ком жив борьбы простор!
Те, перед кем тираны пали,
Кто цепи рабства разорвал,
Вперед – не с звоном острой стали,
А с скрипом кос, плугов – орал...
О, пусть мучительны лишенья,
Пусть многие из нас падут,
Зато другие без сомненья,
Борьбу до цели доведут.
Друзья, вперед, кто брошен в степи,
Вперед, последний брать редут.
А те, кто помнит рабства цепи
Пусть здесь нужду перенесут,
К победам все, кто сердцем молод,
Кто хочет светлого – вперед!
Последний враг – проклятый голод,
Трудом низвергнутый – падет!
Борьба. 1921, 31 июля, с.1.

Сон Федота на счет Воздухофлота

(Стихотворение, получившее 1-ю премию на литературном конкурсе Пермского ОДВФ)

Деревушка невелика.

А поди-ка, погляди-ка:

В ней от Марьи до

Федота

Все друзья

Воздухофлота.

 Про завод не кинем слова.

 Он, как жизни всей основа.

 Первый вызвездил карман

 На советский ероплан.

И теперь деревня видит –

Ероплан богов обидит...

А пройдет немного лет –

У деревни бога нет.

 Только есть аэропланы,

Гидропланы, монопланы:
Много их, они не тужат,
Человеку верно служат.
Наслажденье доставляют
И работу исполняют...
Стойте, братцы, это сон.
Да пока не в руку он!
 Хорошо во сне-то было.
 А проснулся сердце ныло:
 «Вот бы в жизни повидать
 Мне такую благодать»!
Так зачем же дело стало:
Нет конца, так есть начало.
Принимайся-ка за дело.
Делай так, чтоб дело пело.
 Чтоб не вдолге, а вкоротке
 Молодые и молодки.
 Бабка Марья, дедка Лев,
 Были все в О.Д.В.Ф.
Учинишь такую штуку
Скажешь: сон-то был ведь в руку!

Рассказы, стихи, частушки: Материал литературного конкурса ПермОДВФ.
1925, с.19-20.

Частушки

(Получившие 3-ю премию на литературном конкурсе Пермского ОДВФ)

Еропланы нам подмога
И в засуху и в пути
Их построить надо много
Куда хошь на нем лети.

Мы на наших еропланах
Полетим под облака,
Кто погонится за нами
Наломаем всем бока.

Мы по воздуху летим,
Вот это оказия.
Берегись, «очко» дадим
Тебе буржуазия.

Дружно строить ОДВФ

Беритесь ребятаки.
Чтоб от нас буржуазия
Смазывала пятки.

У меня миленочек
Чернобровый Ваня.
Целый рубль не пожалел
Для аэроплана.

У меня миленок Шура
Парень завлекательный.
Членом стал О.Д.В.Ф.
Значит он сознательный.

Задумчивый был товарищ
Без меня не пил, не ел,
А теперь на ероплане
В путь далекий улетел.

За границей еропланы
Строятся и строятся,
С них буржуи иностранные
Нас душисть готовят.

И задача всех рабочих,
И задача всех крестьян.
Строить, строить, что есть мочи
За еропланом ероплан.

Наших больше эскадрилий
Безопасней будет жить.
И Матрена и Василий
От войны шабаш тужить.

И для сельского хозяйства
Ероплан необходим, —
Будет больше самолетов
Саранчу мы победим.

Нет у нас такой работы,
Где не нужен самолет;
Ну, а коли понял это,
Строй Воздуш. Красный Флот!

Рассказы, стихи, частушки: Материал литературного конкурса ПермОДВФ.
1925, с.24.

Сиделка

Наша вся, до костей пролетарская.
Пусть сквозь дырки глядят локотки,
пусть косынка, как ночка январская,
пусть на кофточке пятен цветки...
Под лохмотьями сила рабочая,
на губах наш бесхитростный смех;
всходит - руки протянутся в очередь
И обходит и радуется всех.
Если трудно кто болен - не сменится,
просидит двое суток без сна;
как подбитая, на бок накренился,
а в глазах расцветает весна.

Пламя. 1925, № 1, с.16.

Наборщица

Поэма

Отрадных дней увеселенья
Тебе чужды, ты с детских лет
Забыла радостей мгновенья
И материнских ласк привет.
Ты детства пору проводила
Среди реалов, гранок, касс,
Нужда мечты твои сдавила,
Как некогда сдавила нас,
Среди свинцовой, едкой пыли
Не раз ты плакала, когда
Тебя невинную бранили
Твои былые господа.
Не редко в пасмурном подвале
Над кассой наклонялась ты,
Тебе работать не давали
Беспечной юности мечты.
Ты отдыхаешь? ты забылась,
На миг спокоен юный ум,
Но слышен крик, ты пробудилась,
Тебя призвал к работе шум.
Готова слушать порицанье,

Головку дивно наклонив
Стоишь перед «ним» сама мечтанье,
Сама весенних грез прилив.
- «Гулять не надо, мало спите-
Кричит, как оперный актер
- «Вы мне «делов» здесь натворите
Вы мне испортите набор!
Чорт вас возьми совсем с делами,
Где образец, оригинал?..
Извольте видеть, под ногами!..
Да я кричать на вас устал,
Да я здоровье с вами трачу,
Я сердцем с вами изболел...
Да вы не плачьте - я не плачу -
Я вас обидеть не хотел,
Я только вижу, вы стоите,
В руках верстатка... Пять минут
Вы так стояли, в шрифт глядите
А пальцы шрифта не берут» -
И пробежав кругом глазами,
Метнув как вихрь оригинал,
Он не заметил, что ногами
Мечты отрадные топтал.
Но знала ты, - тот смех суровый,

Что так звучал в его устах,
Для нас - шаг ближе к жизни новый,
Для «них» - сильней полночный страх.
Ему смешно, что в шрифт упали
Две капли изумрудных слез,
Но знала ты, что приближали
Те слезы наступленье гроз.
И снова буквы бесконечно
В верстатку льются... Ты бледна,
Ужель тебе, родная вечно
Такая доля суждена?..

Отрадной юности мгновенья,
О, кто вас в жизни не имел.
Чей взор порой от восхищенья
Лучом волшебным не блестел?..
Чьи чувства в жизни не искали
Среди растянутых цепей
Звено лишенное печали,

Звено лишенное скорбей?..
Отрадной юности желанья,
О, кто вас в жизни не познал,
Кого огонь очарованья
Лучом своим не обжигал?..
Кто проходя сквозь строй страданий
Толпясь на жизненном пути,
Заветных грез святых мечтаний
Не жаждал в юности найти?..
Кто юным был хотя мгновенье,
Кто с детства сердцем не был стар,
Кто пережил твои стремленья
Тому понятен твой угар,
Тот на слезу ничью укором
И пошлым смехом не метнет,
Тот пред невинным, юным взором
Насмешек едких не прольет.
Но «им», привыкшим издеваться,
«Им» так отраден скорбный плач
Им с детства врождено смеяться
Над жалкой жертвой. Так палач
Позорным топором сверкает
Над бедным юношей живым
И крики жертвы заглушает
Бездушным хохотом своим.
Но после скованный сознаньем
В тиши безрадостных ночей,
Он смех готов сменить рыданьем
И нежной лаской свист бичей...
И ты поверь, настанет время,
Оно близко, оно идет
И с плеч твоих невзгоды бремя
На плечи жалких упадет.
Терпи и ты - придут мгновенья
Падут на веки палачи,
Пока-жь найди в себе терпенье,
Пока надейся и молчи.
И вновь клади за словом слово,
За строчкой строчку набирай,
Бери за формой форму снова,
От кассы глаз не отрывай
В сыром заброшенном подвале,
Весь день стоишь у кассы ты
И вместе с солнцем замирали

Твои отрадные мечты.
И вместе с копотью стремилась
На чистый воздух кончив труд,
Так жизнь без цели проносилась
Печальной связкой злых минут.

Осенний вечер опустился
Туманным призраком седым,
Кой-где над городом кружился
Из труб фабричных черный дым.
Вокруг по улицам мелькали
Фигуры мрачные людей:
Работу всюду прерывали
До первых солнечных лучей.
Звонки трамвайные звенели,
Извозчик с криком проскакал,
У перекрестка на панели
Убогий нищий причитал,
И две печальные старушки
Печальней осени самой,
Кладут на дно помятой кружки
«На хлеб» дрожащею рукой...
Газетчик-мальчик потрясает,
Газет десятками в руке,
Газеты бойко предлагает,
Кричит – поройтесь в кошельке...
И всюду шум звонков, движение
Не дремлет город чародей,
А над домами мрак осенний
Спустился сотнею теней.
И ты окончивши работу
Идешь домой, лицо твое
И здесь хранит свою заботу:
В нем начертано бытие
Ряд преждевременных страданий,
Ряд непонятных многим грез,
Ряд неисполненных желаний
Тяжелых мук и горьких слез.
Что ждет тебя в твоём жилище? –
Отец измученный, больной,
Холодный ужин жалкой пищи,
Придирки матери родной.
Здесь – продолженье той печали,
Что с детства переносишь ты,

Те-ж звуки здесь, что заглушали
Твои невинные мечты.
О, этот вид седого дома,
Как душу он мою гнетет,
Мне так же с детства все знакомо,
Что здесь пред взорами встает.
В таких домах вся Русь ютится,
Вся Русь живет в такой нужде,
Но жди, родная, - время мчится,
Восток алеет – быть беде.
Уж по волнам родной лазури
Все больше их, косматых туч,
Уж кое-где трепещут бури,
Уж кое-где мелькает луч,
Луч возрождающий, луч новый,
Под этим радостным лучом,
С своих голов венки терновый
С улыбкой радостной сорвем.

- «А вот и Маша... что родная
Так долго?... – надо меру знать...
Ты знаешь, я лежу больная,
Надо пошить - надо прибрать;
Письмо-б Ванюше написала,
Сходила-б к бабушке, а ты
Дела забыла, прогуляла
До наступленья темноты...
Нет, это свыше моей мочи:
Вот отдохни, вот полежи,
И так от плача режет очи,
Здесь за тебя еще дрожи...
Садись и выпей чашку чаю,
Небось проголодалась ты?..
Чего-же плачешь?» - «Я не знаю,
Обидно мне до темноты...
Эх мама, мама, вы... вы тоже
Сегодня душу рвете мне...
И здесь отрады нет, о боже,
За что, за что вся жизнь в огне?..
Ну, там понятно, там чужие,
Там лишь бы зло на ком сорвать,
А здесь свои, ведь здесь родные,
Ведь здесь, моя родная мать,
И это жизнь... нет слаще муки,

Нет лучше быть в земле сырой»... -
И вновь рыданий скорбных звуки
Несутся из души больной...
- «Ну, что ты, Маша, право, что ты...
Тебе скажи – и в миг в слезах,
Не знала я, что ты с работы,
Смотрю-уж восемь на часах.
Тебя все нет, в душе сомненье,
Гляжу в окошко не дождусь,
Меня пугает размышленье,
Я размышленью предаюсь...
Бог видит, Маша, не желала
Тебя до слез обидеть я...
Ну, что-ж стоишь, небось устала,
Садись, родимая моя,
Садись и пей... Отец все стонет,
Ему ни сесть, ему ни встать,
Кричит – все в поясице ноет –
Придется доктора позвать»... -

И снова мир на вас нисходит,
Забыв раздор лишь на глаза
Недавний разговор наводит
Невольно слезы... Так гроза –
Промчится вихрем над землею
Несет печаль, рушит кусты,
Потом внезапной тишиною
Ласкает желтые листья...
Вот так седых валов движенье
В пучину моря гонит челн,
Разрушит вдруг, а чрез мгновенье
Ласкает щепы плеском волн.

Спустилась долу ночь седая,
Ты у раскрытого окна
Тьму скорбным взором прорезая
Сидишь раздумью предана...
И все прожитое тобою
В уме невольно вновь встаёт,
Но ни отрады, ни покоя,
Тебе, несчастной, не даёт...
Отец рабочий, мать крестьянка,
Нужда связала вместе их,
Он стрелочник у полустанка,

Душею светел, смирен, тих,
В кружках участвовал - попался,
Был арестован - отсидел,
Три года по Руси скитался,
Домой вернулся, заболел.
Ты плохо, плохо вспоминала,
Когда он был высок, красив,
Взглянула в угол - зарыдала
К окну головку наклонив.
Потом в глазах братишка Ваня -
Учился он, училась ты,
Но жгут тебя воспоминанья,
Но жгут тебя твои мечты...
Тогда, в те дни, ты знала ласки...
Бывало, сидя у окна,
Целуя мама шепчет сказки
Любви святой к тебе полна...
Как сон летели эти годы,
То было в детстве, а потом,
Над вами хмурый рок невзгоды
Спустился сумрачным клубком.
Ванюша отдан был к портному,
Ты - в типографию, а мать
Ходила от двора к другому,
То шить, то гладить, то стирать.
Потом над миром разразилась
Войны гроза, был взят твой брат,
Ты в бога верила, молилась,
Чтобы вернулся он назад.
Но грозный рок судьбы жестокой
В ответ беззвучно хохотал,
И брата в армии далёкой
Рукой безжалостной держал...
Ещё печальней стали годы,
Ещё мрачней в груди тоска,
Ещё сильнее гнетет невзгоды
Тебя жестокая рука.
Судьбы безрадостная сила
Четыре осени под ряд,
Война народ родной разила...
Четвёртый год воюет брат...
Вчера письмо ты прочитала,
Ответ бы надо написать,
Но силы нет, ты так устала,

И снова начала рыдать.
Ты задремала, ты уснула
Склонивши голову к окну,
Мать на тебя с тоской взглянула,
С тоской взглянула на луну.
И тихой комнаты молчанье
Лишь стон больного нарушал,
Да ветер ветвям в наказанье
Порой с них злобно лист срывал.
Порою тишину ночную
Свисток фабричный прорезал,
Иль где-то песню затяжную
Унылый голос запевал.
Нет и в ночи успокоенья
Седому городу, всегда
В нём слышны крики, слышно пенье
Отрада мрачного труда.
Ему ничто и мгла ночная:
Блестя сотней фонарей,
Ревет, гудит, как горн пылая
Прочь отгоняя мрак ночей...
Ему не ведом сон полночный -
Кипит работа день и ночь.
В труде встречает луч восточный,
В работе день уводит прочь.
Кругом машин, людей движенье,
Свистки, стенанья, рев сирен;
Кругом позорное смятенье,
Кругом, как ночь, молчанье стен.
И всюду бродят тени люди
Без светлых дум, без светлых грёз,
Страданьем дышат тяжело груди
И взгляды полны скорбных слез...
Но есть другие, - им забота,
Морщин и складок не кладет,
Их с детства сладко кормит кто-то,
Им с детства кто-то жизнь даёт.
Чужды им слёзы и тревоги,
Они живут за счёт других;
К услугам их цари и боги
Попы и суд к услугам их.
Они народами играя,
Опутав цепью шар земной,
Свои ж законы попирая

Нас давят жесткою рукой,
А мы согнувшись перед ними
Всю жизнь несем ярмо раба,
Губами бледными своими
Трусливо шепчем: «им судьба».
Но верю я, гроза промчится,
Порвет оковы старых пут,
Желанный жребий воцарится,
С нас цепи рабские спадут.
Жизнь станет чище, благородней,
Раб будет сам себе царем
И мы вздохнем вольней, свободней
Перед свободным алтарем.

Октябрь печальным дуновеньем
По голым ветвям пробегал,
И сумрак северный с смущеньем
Беззвучно в губы целовал,
С туманной ночью обнимался,
К устам бездушным припадал,
Порою плачем заливался
И слезы на землю ронял,
Но вот и сам октябрь уставший,
И побледневшая заря,
Глядят сквозь запад угасавший
На приближенье ноября.
А он, с пушистыми снегами
Вступив в коварный договор,
Несется вихрем над лугами,
Скрывает луг, скрывает бор.
Шумит над городом сердито
Кружит - спускается над ним...
Спустился. Все кругом покрыто
Ноябрьским пологом седым...
Ты вновь стоишь и набираешь...
В твоей тюрьме еще темней...
Ты редко взоры отрываешь
От кассы вековой своей.
Кипит кругом тебя работа
Повсюду шум, повсюду гром,
Но та-ж кругом видна забота,
Но та-ж тоска видна кругом...
У всех бледны, печальны лица, -
Кровавый жертвенник войны

Четвертый год свирепо длится,
Войною все утомлены.
Войска повсюду отступали
Губил их враг, губил мороз,
Проклятья в воздухе звучали,
Народ стонал от мук от слез.
Кругом предательство, измена
Народ на голод обречен,
Твой брат письмо прислал из плена
Позорно в плен попался он.
Их полк врагу полковник предал, -
Весь полк пошел в ночи за ним.
Никто не знал, ни кто не ведал,
Что продан он вождем своим.
Повсюду горе накопало
Народ кой-где уже роптал,
Кой-где уж молния мелькала,
Местами гром уж рокотал.
Уже на оклик полисмена
Кой-кто насмешкой отвечал,
Гроза собиралась постепенно,
Грозы той каждый поджидал.
Уж за станками чаще стали
Играть Интернационал,
И звуки к жизни призывали
И к жизни мчал девятый вал
Под вой вьюги, под вой ненастья,
Ты поздним вечером идешь,
В глазах твоих любовь и счастье
Ты весела - шумишь, поешь...
В лице твоём горит смущенье,
Ты улыбаешься порой -
Сегодня сделал предложенье
Тебе наборщик молодой.
Он так хотел связать с тобою
Свою печальную судьбу,
Он предлагал, рука с рукою
Вести дальнейшую борьбу.
А ты... а ты, давно любила,
Давно уже в своих мечтах,
Ты вместе с ним нести решила
Всю тяжесть жизни на плечах.
Работу часто прерывала
Верстатку бросив на набор

И взором вдумчивым искала
Его ответный нежный взор.
Тебе так памятно мгновенье, -
Когда он встал за свой реал,
Хозяин крикнул в раздраженьи,
Чтоб он скорее набирал,
А он грозы порывы чуя
Метнув огнём горящий взор,
Сказал: «Вам скоро наберу я
В верстатку эту весь позор,
Вам скоро будет мной подсчитан
Быть может нежеланный счёт -
Весь пот, которым я пропитан,
Пред вами мстью упадёт»...-
Хозяин злобно бесновался,
Грозился пристава позвать,
А он в ответ ему смеялся
И продолжал огни метать.
С тех пор его ты полюбила
И часто, часто в тьме ночной
Ты очи к небу возносила
С своей желанною мечтой
И вот сегодня он с тобою
О вашем счастье говорил
И взор задумчивый, мольбою
И дивной лаской полон был.
Ты смущена, ты не решила
Ему согласие свое дать -
Ты разрешенья попросила
Своей мамаше все сказать.
И вот под вой ночной метели
Идёшь по улицам пустым,
Кой-где огни уж заблестели
Волшебным роем золотым.
С насмешкой в воздухе кружила
Сама волшебница зима,
Избушки снегом заносила
На стеклах строила дома.

- «Смотри, весёлая какая,
И вся в снегу, и вся горит,
Да что с тобою, дорогая,
Ну, право, сумасшедший вид,
Да ты разденься, отогрейся,

Ну, что с тобой скажи-же мне?..
Ну, тише, Маша, тише смейся,
Отцу все хуже - весь в огне...
Да что с тобою, право, Маша,
Тебя такой не знала я»... -
- «Ах, мама милая, мамаша,
Ах, мама, милая моя,
Я нынче счастлива, довольна,
Я вам не в силах передать...
Смешно, а знаю, что невольно
Сейчас начну опять рыдать,
Ну, хорошо... ну, не сердитесь,
Сейчас начну... сейчас скажу...
Да нет, навряд ли согласитесь...
Я отдохну, я погожу...
Нет, все равно, скорей узнаю,
Что мне судьбою суждено...
Ах, мама, мама, дорогая -
Я уж люблю-люблю давно,
Давно любовь, мне в душу вкралась,
Давно о ней мечтаю я,
Я только вам не признавалась
О чем болит душа моя...
Я только вам не говорила
Что в сердце у меня больном
Я уж давно нести решила
Всю тяжесть жизни с ним вдвоем...
О мама, мама, не сердитесь,
Не хмурьте рядом складок лоб,
Иль счастье дать нам согласитесь,
Иль согласитесь дать мне гроб»... -
- «А кто он родом, где он служит?..
Да уж не тот ли, что на днях
Навстречу нам идет и кружит
Шапченкой грязною в руках?..
Прошел грозою, покосился
Взглянул со злобою кругом,
Тебе чуть видно поклонился
И скрылся вихрем за углом?..» -
-«Да, мама, правда, этот самый,
И служит там же где и я,
Но он не злой, он не упрямый,
Он был сердит из-за меня...
Он к вам пойти тогда решился,

А я просила подождать,
Он не пошел и рассердился,
Он так хотел тогда узнать
О нашем счастье. А теперь
Я тайну нашу вам открыла,
О, мама милая, поверь -
Его не зря я полюбила»... -

- «Нет, дочь моя, твоё признание
Так безрассудно - для тебя
Я столько лет несу страданье,
Терплю нужду тебя любя...
Я слишком знаю жизни цену,
Чтобы позволить и тебе
Встать у костра судьбы на смену
И вечно жертвы класть судьбе.
Нет, дорогая, не позволю
Тебе связать себя с нуждой
Другая жизнь, другая доля
Нам предназначена судьбой.
Ты знаешь жизнь мою с рассвета
И целый день я слезы лью,
Я без разбора в зиму, в лето
Вам с мужем счастье создаю.
Я с дрожью свет зари встречаю,
Я с дрожью белый день живу,
В ночи с слезами засыпаю,
О вас тревожусь на яву.
И вот борясь с нуждой решила
Тебе иную жизнь создать...
Ты слишком рано полюбила
Забыв свою родную мать,
Тебя ребенком мы считали,
Но раз призналась, все равно,
Давно сватов мы принимали,
Тебя просватали давно...
Еще весной мы согласились
Тебя за Старкина отдать,
С его мы матерью молились
И год решили подождать...
Торговец он, живет богато,
У всех в почете, у него
В Москве купцами оба брата,
Он накопил тебе всего...

Он ничего не пожалеет,
Тебе лишь стоит пожелать,
Он так ласкает, так лелеет
Всегда свою старушку мать.
Он молодой, такой солидный
Хоть не красив - зато умен
Ну, что ты это?.. как не стыдно...
Что за рыданье, что за стон...» -
- «Нет, мама, мне вы как хотите,
Я лишь до лета подожду,
За Виктора не отдадите,
За Старкина я не пойду...
Не даром я всю жизнь страдаю,
Без слез не проходило дня,
Я ничего еще не знаю,
А вы, вы продали меня...
Но нет, пусть вечные мученья
Всю жизнь терзают грудь мою,
Коль нет в вас, мама, сожаленья
Так что-ж, губите дочь свою...

- «Да что ты, вправду, затвердила,
Ведь я тебе родная мать...
Твердит, кого-то полюбила,
И ничего не хочет знать.
Что за любовь в твою-то пору?..
Стыдись, родная, что с тобой?
Ведь мы боялись разговора
С своею матерью родной...
Да ты по глупости влюбилась,
Пойми - простой рабочий он,
Ты хочешь, чтоб я согласилась?..
Нас засмеют со всех сторон...
Нет, ты уж, Маша, постарайся
Навек любовь свою забыть,
Весною замуж собирайся
Я так хочу, так должно быть...
- «Нет, не забуду, правый боже...
Опять в душе тоска и боль...
Рабочий он, а я то кто-же -
Дворянка что-ль, купчиха что-ль?..
Ужель ты, мама, позабыла
Мгновенья юности святой,
Ужель ты в жизни не любила

Своею черствою душой?..
Ужели юных дней мгновенья
Ты прогоняла желчно прочь?..
Да где же в людях сожаленье,
Ведь вы мне мать - ведь я вам дочь!..
Ой, горько мне, дай, боже, силы
Мне мой удар перенести.
О, где ты, где ты, Виктор милый,
Прости мне ложь мою, прости...
Я так надеялась, мечтала,
Да разве знала я, что мне
Мать за спиною начертала
Жизнь провести в слезах, в огне...
Да разве думала когда я,
Что в жажде жалких барышей
Меня погубит мать родная
Приставив нож к груди моей...
Но нет, мамаша, верьте, знайте
Я без борьбы не сдамся вам,
Я буду биться, вы считайте
Ведите счет моим слезам...
Пусть будет больно вам, я знаю-
Так что-что-жь кляните вашу дочь,
За то что цепи разрывая
Она от вас уходит прочь.
За то, что выше воли вашей
Она поставила свою,
Но быть по вашему, мамаша,
Не может, клятву вам даю»...-
Всю ночь рыданья раздавались
То мать бранила громко дочь,
То Маша с матерью ругалась
И так прошла, промчалась ночь.

Люблю забывши все живое
Часами на лугу сидеть
И в высь, на небо голубое,
На гряды облачков глядеть;
И любо мне, как там, над нами,
Как в бурном море корабли,
Несутся облака волнами
Боясь коснуться до земли;
И как огнем переливая
Отряды солнечных лучей,

Как чаек огненная стая
Несутся сзади кораблей,
И кажется - еще мгновенье,
Движенье дерзкое лучей;
И все волшебное виденье
Погибнет в зареве огней...
Люблю стоять у Волжской кручи,
Внимать весне, смотреть вперед,
Как грозный вешний вал могучий
Горою грязный лед несет.
Внимать как зимние оковы
Рушит красавица весна,
Как первый вешний вихрь суровый
Природу будит ото сна...
И жутко мне, как вал за валом
В высокий берег грозно бьет,
Угрюмым ревом небывалым
К свободе груди волн зовет;
Как льдина звонко в льдину бьётся,
Ныряет к низу, а затем,
Из желтой влаги ввысь несется
Волной подхваченная в плен;
Как снег отживший, поседевший,
Уныло с берега ползет,
Как вал свирепый, озверевший
В своих объятьях снег несет;
Как муть любой канавы, лужи,
Коварный молодой февраль
В укор уставшей зимней стуже
На утро превращает в сталь.
В такие дни - слабее цепи,
В такие дни - печалей нет,
Весенний луч ласкает степи,
В живых огнях горит рассвет.
И пусть зима порывом грозным
Несет последние снега -
Ей не сковать ярмом морозным
Реки ожившей берега.
И пусть последние усилья
Она теряет по лугам,
Слабей, старей седые крылья,
Слабей, беззвучней зимний гам.
Еще лишь миг и над лугами,
Заря желанная взойдет,

Взмахнет могучими крылами
И жалкий сумрак раснесет...

В окно туманное прорвался
Весенний шаловливый луч,
На стенах мрачных красовался
И рисовал оттенки круч.
Промчался лентой по реалам,
Полоской грязный шрифт скрывал
Каким-то блеском небывалым
В углу бумагу покрывал.
Бросал в лицо горячей змейкой,
На лицах слезы вызывал,
Упорно лазил под скамейкой
И сумрак ночи грозно гнал.
Пролез печатнику за шею,
Обнял печатника кругом,
Изобразил из Маши фею
С горящим неземным лицом...
Вдруг, снова темнота былая,
Опять наполнила подвал,
Луч солнца быстро отступая
Мелькнул, качнулся и пропал.
С тревогой взоры устремились
В окно - искал причины ум-
В подвал снаружи доносились
Отрывки песен, говор, шум.
Могучей трелью разливался
Интернационала звук
Народ пьянился, волновался
Вкусив конец презренных мук.
Сердца уставшие забились...
Невольно ринулись вперед,
Схватили шапки устремились,
Победу праздновать в народ.
Во взорах слезы умиленья,
В походке грозный зов к борьбе...
Привет тебе, страна лишенья
Досель послушная судьбе!
Привет народу властелину
Победно сбросившему гнет!
Нам не сказать и в половину,
Что мир без роказней поймет...
Взвивались алые знамена,

Гремели речи, гимн звучал,
Упал презренный деспот с трона
Рабочий радостно кричал...
Вот где видна вся мощь народа,
Вот где восторг владел душой,
В сердцах, желанная свобода,
Глаза заполнены слезой.
Матросы, девушки, солдаты,
Юнцы, старухи, старики,
Все вышли на простор из хаты,
Все шумно, как разлив реки...
Смешались люди в пестрой куче,
Народ восторжен и могуч,
Вихрь разметал седые тучи,
Прорезал сумрак дивный луч.
Упали цепи капитала,
Вздохнул свободно мрачный труд,
Пора желанная настала,
Дни дивной грезы настают.
Ты из холодного подвала,
В жилье людское перешла.
Ты жизнью новою дышала
И к новой жизни всех звала.
Собранья, сходки, совещанья
Везде, всегда бывала ты,
Несла с рабочими страданья,
Рвала с рабочими цветы;
Прервавши личной жизни звенья,
Ушла от матери своей
Несла проклятья и презренье,
Возненавидевших друзей.
Так проходили дни за днями,
Народ свободный ликовал,
Народ могучими руками
Былые цепи гордо рвал.
Народ открыто крикнул миру -
Отныне не прольется кровь,
Но за спиной его секиру
Рабы подняли подло вновь,
Но для него ему ковали
Рабы позорно ряд цепей,
С мольбой, и стоном призывали
Сражаться до победных дней.
И вдруг октябрь могучим валом

Устои старой жизни сбил.
И Русь измученную алым
Могучим знаменем покрыл.
Восстанье мощно прокатилось,
Народ вздохнул, взмахнул рукой,
Над Русью знамя мира взвилось,
Народ прервал ужасный бой.
Мир, счастье, равенство, свобода,
Четыре слова труд сказал,
К ногам свободного народа
Проклятый жертвенник упал.
Так солнца луч порой играя
Ряд туч весенних обнимал
Луг нежной змейкой обегая
Побеги к новой жизни звал.
Так водопад стремясь с обрыва
Готов весь мир вперед нести
Размахом мощного порыва
Все сносит на своем пути.
Рабы подняли меч расправы
Свалился под ноги закон,
Могучий отзвук красной славы
Над миром грозно водружен.
Рука рабочая жестоко
Господ ликующих смела
И взвился красный стяг высоко
Взамен двухглавого орла.
Мелькали дни, неслись недели
Народ свободу закреплял;
Чины, сословья прочь летели,
Дрожал, качался капитал.
Но на земле ничто не свято:
Еще рабочий не окреп -
Брат капиталу предал брата,
Брат брата подло запер в склеп.
Презренно к царским генералам
В объятья бросились и вот,-
Вся Русь в разгаре небывалом,
Жестокий бой кругом идет.
В объятьях сбывшихся желаний
Застал тебя, родная, бой.
В защиту всех завоеваний
Народом призван Виктор твой.
Ты тяжесть роковой разлуки

Нахмутив лоб перенесла,
Ты не ломала плача руки,
Ты вызов молча приняла.
Напрасно ждали слез, рыданья
Тебе был чужд докучный стон;
Твой дух воспитанник страданья
Был в броню жизни закален;
И что борьба рукой жестокой
В защиту новых дней брала,
Ты с верой полной и глубокой
Без размышленья отдала.
Без слез, без лишних сожалений
Дальнейший путь намечен был,
Путь благороднейших стремлений,
Отмщенья вековых могил...
Вся Русь разбита на две части:
Одна титан - рабочий класс,
Другая - клочья старой власти,
В крови обделанный алмаз;
Одна - предвестница спасенья
С свободным стягом на штыке,
Другая - вечное лишение,
С цепями ржавыми в руке.
Одна зовущая к свободе,
К заветным далям, лучшим дням,
Другая - зрящая в народе
Рабов прикованных к цепям.
Две части в грозной схватке бьются...
Сбивал устои мрачный труд,
Два клича грозных раздаются
И оба к гибели зовут...
Кто победит, какое знамя
Узрит у нас страдалец мир,
Ужель поднимется над нами
Ряд раззолоченных порфир,
Ужели вновь дворян оковы
Охватят безвозвратно нас,
И рабства приговор суровый
Присудит нам отживший класс?..
Промчалось лето светлой грезой,
Пронесся осени напев,
Шумели вьюги и морозы,
Сильней шумел народный гнев.
Летят короны, цепи рвутся,

Встают борцы далеких стран,
В последней схватке люди бьются,
Вздохнул свободней труд титан.
Поставлен крест над миром старым,
Зовет к победам новый мир,
В стране охваченной пожаром
Народ справляет грозный пир.
Народ постигнул возрожденье,
Символ победы в руки взял,
Отрадной, новой жизни звенья
Рукой победною ковал.
Но рока тяжкого невзгоды
Висели, Маша, над тобой,
Защитник молодой свободы,
Погиб в сраженьи Виктор твой.
Погиб твой луч, твоё стремленье,
Твоя мечта, твой идеал,
В душе твоей врагам отмщенье
Разсудок мудрый начертал.
Ты не сдавалась, ты крепилась,
Ты призывала мир к борьбе,
Но жизнь былая отразилась
Жестокой шуткой на тебе.
Но прошлых детских дней невзгоды
Тебе сулят болезней рой,
И вот пред алтарем свободы
Ты с отживающей душой.
Весь яд свинцовой вечной пыли,
Насмешки, голод, холод, смрад,
Отвагу юности губили,
Мутили возрожденный взгляд.
Порой роняла ты линейку,
Хваталась за сердце рукой,
Садилась быстро на скамейку
К стеклу прильнувши головой...
Слезой был полон взгляд суровый,
В груди все меньше прежних сил,
Твои стремленья к жизни новой
Удар судьбы остановил.
Но всех к победе призывая,
Ты не давала нам понять
Что жизнь кончалась молодая,
Что ты слегла, чтобы не встать.
Но всем протягивая руки,

Чтобы утешить, ободрить,
В себе свои стремленья, муки
Умела гордо ты хранить.
Без слов, без слез, без сожалений
Последний час страдала ты,
И унесла уколы терний
Безмолвно в область красоты...
Молчанье вечное сковало
Ее прелестные уста,
Но трепетно еще дышала
Во взоре жизни красота.
Лицо еще к борьбе стремилось
Взор полон был еще борьбой,
Но сонмы теней ужь носились
Над отстрадавшею душой.
Лицо желтей, печальней стало,
Дышала грустью красота,
Молчанье вечное сковало
К победе звавшие уста,
Уста пророчившие вечно
Освобождение от пут
Сомкнулись бледные, безпечно
К последней битве не зовут.
И день весенний покрывая
Лицо багрянцем молодым,
Чуть светит, как бы сознавая,
Что он здесь чужд с лучом своим;
Что те огни, что догорели
В угасшем взоре молодом,
Не меньше окружавших грели,
Чем он пылающим лучом;
Что он не радуется, как прежде
Погибшей Маши мутный взгляд,
В нем не мелькнут огни надежды,
Грозой уста не прогремят...
И эти розы, что стояли
Благоухая на окне,
Казалось горестно рыдали
Над юной жертвой в тишине.
И эти люди, что столпились
Над ней с поникшей головой,
Безмолвно тихо преклонились
Над замолчавшею мечтой,
Но каждый взгляд друзей несчастной

Не болью горечи смотрел,
Он отражал надеждой страстной,
Что старый, подлый мир сгорел,
Что эта жертва, что лежала
С поблекшей краскою лица,
Залог грядущего начала,
Залог счастливого конца.
Что мщенье грозное свершено
Что цепи рухнули, и вот -
Народ свободного закона
Статьи святыя создает;
Что все к чему они стремились,
За что угаснул юный взгляд,
Сомненья нет, они добились,
Пройдя кровавый ряд преград.
И пусть у многих показалась
За каплей капля на глазах,
То благодарность выражалась
Младой наборщице в слезах.
И пусть последние рыдания
Несутся громко в тьме ночной,
Тот плач не признаки отчаянья,
То скорбь по жертве молодой...

ГКУВО «ГАВО». Н.С.Б. Субботин М.С. «Наборщица». Царицын: Изд-во ЦАПП, 1922.

Николай Золотухин

Из песен о себе
О, жалко дней весенних, ранних,
как цвет на яблоне душистых.
Их тяжело Есенин ранил
любовью злого гармониста.
Вишневым соком губы рделись,
смеялось сердце зорькой алой
и, далеко и гордо пели
уста о счастье небывалом.
Все чаще с буйными очами
сидел в Есенинской Харчевне,
под шелест ветел одичалых,
под звон копыт зари вечерней.
И вот, пришла ко мне тревога.
Я жить устал на тихом плесе.
Пойду израненной дорогой

искать иных, железных песен.
Теперь я стану холоднее.
Довольно шалостей и сказок!
Перед зарей труда бледнеет
несмелый луч изящной фразы.
 О, сладок труд среди вагранок,
 звучащих солнечною трелью.
 Я воспою их сок багряный,
 родной мне, с детской колыбели.
О, всем нам, всем дано от жизни
встречать дорог зовущих
много, блуждать дорогами
чужими
и, вновь идти своей дорогой.
Пламя. 1923, № 6, с.5.

Утром
Расцветает утро
красною зарею,
 серебрятся чутко
тополей листы.
Мы идем в заводы
 дорогое строить -
над седой разрухой становить кресты!
Нас
встречают
 звуки часовых-
 заводов,
часовых-заводов - огневых гудков,
потрясая
гулом
голубые своды,
рассыпая
искры
утренних цветов.
Мы идем в заводы
 синемлузым
 строим,
наши думы ясны,
как цветы чисты,
а восток
 смеется
 красною зарею
и трепещут чутко

тополей листы.
Пламя. 1923, № 1, с.7.

Волжанка
Ой, ты Волга синеструйная река!
ты бежишь,
бежишь из дали—далека.
звонко волны
по камням твоим
поют.
Понимают,
понимают грусть мою.
Я жила с Иваном
восемь
весен.
Были дети – все поумерли.
На весне девятой меня бросил,
но любовь моя к нему бурлит.
Так бурлит,
как Волга ярой бурей,
так, как лес, когда в огне горит.
Я в тоске,
в тоске девятый день
все Иван
мерещится везде:
будто руку
он кладет ко мне на грудь,
будто в цех идет работать поутру.
Но звенит,
звенит разливная река –
грусть становится легка
и далека.
Да и вправду,
в самом деле, что-же,
ведь не век мне плакать на камнях.
Может быть
найду себе пригожей,
пусть не нынче,
пусть на этих днях.
Будет взор его,
как волжский вечер
голубой
и кроткий

и простой.
И любить меня он будет крепче,
чем дубья качают сединой.
Волга, Волга,
ты ль мне это говоришь.
Буду слушать до вечерней
до зари.
Ну и черт с ним
с выскочкой Иваном.
Я пойду
работать на завод. Молодую
внутреннюю рану
мне залечит стали хоровод.
На Ивана
и глядеть не буду.
Я под шумы
цеховых машин
себе друга,
друга раздобуду
краше
выше
цеховых вершин.
Ой, ты Волга
голубиная река!
Ты звени
кудрявой далью—далека!
Над тобою солнце жарче
огневит.
Солнце скачет
и о гребни
волн
звенит!
Пламя. 1923, № 4, с.7.

Гимн октябрю
Ну, и пусть города
ветер косматый полощет,
сегодня знамена труда
украсят шумящие площади.
Октябрь наш,
красный,
гордый,
вечный
экстиз свой вознесший

крыльями ярко взмахнувших бровей,
мы,
певцы расцветающих дней
рожденные борьбу воспевать,
тебе
дарим свою радость,
свой великолепный поклон,
под шелест шумящих знамен!
Ты
красоту
нас научил понимать
лучше,
чем понимали ее
в дни
одинокого
серого скока.
Ты поселился в нас
и сердца
наши
стали, как вишни весной,
в душистом цвету.
Но, и теперь
мы суровы
и непреклонны,
как буря,
гнева порывы
в нас копытают,
как по полю кони,
мы – тополя листогустые
в яркой лазури, –
ты–ж в наших жилах – листочках
красною дерзостью звонишь...
Знаем, Октябрь,
преграды врагов
ты, как, ветер деревья ломишь,
знаем!
И верим,
в миллионах сердец,
как и в наших,
ты дерзостью звонишь.
Пусть же, пусть города
косматый ветер полощет.
Сегодня знамена труда
украсят шумящие площади.

Как племени
Знамя,
Лить
Тихоструйные песни,
Если
Дым закоптил нам глаза,
Если
Голод нам мускулы гложет...
Как вселенная, мы безграничны
и чужды нам нормы!
Дерзость и правда наш пламенем
путь озарили!
Город и труд скроили
Наши мотивы и формы!

Смирнов В. Б. По следам времени. Из истории писательской организации Царицына-Волгограда. 1996, с.25.

Сон

Старый год – высокий, худой старик с крючковатым носом и огромными глазами – тяжело дышал в предсмертной агонии.

Ноги его дрожали, как надломленные костыли, а длинные окровавленные руки судорожно цеплялись за воздух.

Вдруг позади его раздался миллионноголосый возглас.

- Смерть Старому Кровожадному Голодному Году! Да здравствует Новый Год!

Старый Год конвульсивно вздрогнул.

С усилием он оглянулся назад: там царил полумрак, слышны были стоны и проклятия. Пирамиды распухших трупов заслоняли собой села и города; из-за них, едва заметно, виднелись верхушки дымящихся фабричных труб. И лишь вдали, за трупами, шумели, как море, невидимые толпы народа.

Старый Год диким торжествующим хохотом потряс окрестность.

- Привет вам, распухшие трупы – жертвы моей злобы! Ха-ха-ха!

- Я уморил вас голодом. Среди вас есть женщины и дети! Среди вас есть много погибших от рук бандитов, которым я внушил проливать вашу кровь!

- Вы будете меня помнить! Ха-ха-ха! Я вошел в мировую историю, я достиг вечности, ха-ха-ха!

Но снова прозвучало из груди:

- Смерть Старому Году!

И вдруг среди трупов появился красивый юноша, с ясным взглядом лазурных глаз, в сияющей рубахе.

Он шел, держа в одной руке молот, а в другой серп, увитый связкой золотых колосьев.

Это был Новый Год.

И ринулись к нему навстречу потоком толпы страдающих.

- Привет тебе, Новый Год!

Старый Год задрожал от ярости, напряг последние усилия и костлявой окровавленной кистью своей длинной руки ударил по толпе.

Но в тот же миг, взмахнув рукой, словно гигантская мельница он исчез в бездне небытия.

Стало светать, занялась заря и заблестало яркое солнце.

Новый год, сияющий и юный, окруженный бесчисленным множеством народа, раскидывал направо и налево золотые колосья.

Заиграла музыка...

... Я проснулся. В окно моей комнаты проникал свет. На заводе гудок.

Борьба. 1922, 1 января, с.2.

По воде в валенках

(На воскреснике 25 декабря).

Смеясь и перекидываясь отрывочными фразами, разбирают коммунары железные и деревянные лопаты около станции.

Потом идут на железнодорожный путь – очищать его от снега.

Беспартийные рабочие присоединяются к ним. Железнодорожный путь заполняется людьми, как дорожка муравьями. Снег, подхваченный лопатами, далеко отлетает от пути, рассыпаясь белыми, как пенящиеся гребни морских волн, искрами. В разгаре работы слышатся шуточные возгласы. Без шуток или песни подлинный рабочий никогда не работает. В образных и художественных шутках его проглядывает его физическая, гигантская мощь. Местами снег посерел, как подмоченный сахар, а местами совсем превратился в лужи воды. Среди работающих коммунистов есть товарищи в рваных, старых пиджаках и валенках.

- Тебе, брат, плыть в валенках-то придется!

- Набухли водой; с места не стащишь, как гири полупудовые!

- Замерзнуть что-ль боялся – надел-то их! Ведь ноги простудить можно! Сыпняк схватишь.

- А ты бы подарил мне ботинки – тогда я не надел бы валенки в такую погоду! Мои сапоги на вечный покой ушли, состарились!

По воде в валенках!

Такой подвиг может сделать, действительно, только коммунары. Работа кипит. Она уже подходит к концу. Вскоре железнодорожные линии, от семафора до семафора, на протяжении 4 верст, заблестели из-под снега, как вымытые. Воскресник кончается. Участники, сияющие и довольные проделанной работой, расходятся.

Во вторник утром я захожу к нему, работавшему в валенках на воскреснике. Вчера на работу он не вышел... Лежит на постели разгоряченный, с запекшимися губами, и с трудом выговаривает слова.

- Эх, брат! С тобой дело плохо!

Он слабо улыбается.

- Он сильно захворал, - говорит мне его сестра, - доктор велел в больницу свезти. Возможен смертельный исход. Он знает это. И все-таки по лицу скользит улыбка.

Бесполезная жертва...- скажут благоразумные – и будут правы. Но сколько красоты, величия и величавой простоты в этом повседневном героизме незаметных людей!

Будничный героизм. Его могла породить только Великая Революция и ее вдохновитель – великая партия пролетариата.

Борьба. 1921, 29 декабря, с.3.

«Давайте работать вместе»

Рабочие трех цехов «Красного Октября» взяли шефство над окрвноторгом
Вызывают «Баррикады»

На днях на собрании рабочих кузнечного, вальце-токарного и механического цехов завода «Красный Октябрь» принято было решение: взять шефство над окрвноторгом.

Тут же, на собрании, была выделена специальная рабочая бригада, в которую вошли представители актива партячейки, профорганизации и рабкоров.

Вечером 28 октября в помещении окрторга состоялась первая встреча шефов с работниками подшефного учреждения.

Событие это представляло исключительную новизну и важность. Группа рабочих трех самых квалифицированных цехов металлургического завода явилась в тихое малозаметное учреждение с тем, чтобы заявить:

- Мы хотим знать, как вы работаете, хотим вам помогать добиваться больших успехов в работе. Давайте работать вместе!

Представитель шефов - тов. Белобров выразил уверенность, что работники окрвноторга предоставят рабочим реальную возможность для действительного осуществления шефства.

В ответной речи зав. окрвноторгом выразил надежду на хорошие результаты рабочего шефства. Работников окрвноторга забросали вопросами:

- Как дела с хлебозаготовками?

- Почему повышена цена на картофель?

- Как практически осуществляет окрвноторг контроль над состоянием местного рынка?

- Как работает в окрвнutorге выдвиженец с «Красного Октября»? и т. д.

Ответы выслушивались с большим вниманием.

Рабочие сосредоточенно прошупывали механику окрторговской деятельности. С другой стороны, они старались выяснить наболевшие, волнующие рабочих вопросы с тем, чтобы возвратиться с цеха, рассказать обо всем товарищам.

В результате беседы все пришли к тому мнению, что шефство рабочих в основном должно поставить своей задачей: всемерную поддержку окрвнutorга во всех его мероприятиях, борьбу с возможными бюрократическими извращениями в его аппарате, орабочение аппарата и, наконец, пропаганду результатов шефства среди рабочих других предприятий. Для выработки конкретных мер шефской работы выделена комиссия.

Работающий в окрторге выдвиженец с "Красного Октября" ознакомил товарищей с трудностями работы и с тем, как эти трудности преодолеваются.

В заключение он сказал:

- Работать будет легче и хороших результатов будет больше, если рабочие будут нам помогать. Давайте работать вместе!

Рабочие «Красного Октября» вызывают рабочих завода «Баррикады» последовать их примеру.

Борьба. 1929, 2 ноября, с.3.

Механический цех «Красного Октября» без квалифицированных рабочих

За последнее время текучесть квалифицированной рабочей силы в механическом цеху завода «Красный Октябрь» чрезвычайно увеличилась. Производственная программа цеха под угрозой большого невыполнения.

Почему же уходят рабочие?

Потолок греют, а рабочие замерзают

Условия работы в цеху с точки зрения охраны труда весьма неудовлетворительны. Здесь невероятная сырость и сквозняки. Паровое отопление греет потолок, а не рабочих. В морозные дни к машинным частям и инструментам нельзя притронуться. Среди цеха жгут часто мазут и едкий дым отравляет легкие рабочих.

Хороших рабочих не ценят

Токарь Федотов работает на заводе 12 лет. Не имеет никаких взысканий, но до сих пор получает по 5 разряду. А его ученики, которых он выучил токарному делу, имеют разряды выше, чем он.

Бывает, что работающие по низшим разрядам выполняют сложную работу, подлежащую выполнению токарями и слесарями высших разрядов, и наоборот.

Продвижение в разрядах происходит редко и независимо от поднятия квалификации рабочего - лишь бы заполнить штат. При таких условиях

можно проработать десять лет, постичь всю суть токарного или слесарного дела и ни на одну ступень не продвинуться в разряде.

Многие рабочие предпочитают поэтому уходить на другие заводы.

- Мы уходим, так как здесь нас не ценят, - говорят рабочие.

Неразбериха с расценками

Большинство квалифицированных рабочих работает сдельно. Каждый раз расценщик устанавливает им особую плату. Дело доходит иногда до курьезов. Одну и ту же работу переоценивают по несколько раз. Особенно отличается этим расценщик Сорокин. Отсутствие твердых расценок возмущает рабочих, и они уходят с завода.

По капиталистическому методу

Расценщики стараются оплачивать работы в 2 раза меньше, чем действительно стоит работа. Это заставляет рабочих запрашивать намного больше, чем следует. Бывают и такие факты, когда расценщики снижают норму, несмотря на то, что рабочие сами уже снизили ее до возможных пределов.

В таких случаях возникают споры, сильно нервующие рабочих.

На днях расценщик Сорокин довел одного рабочего до истерики. Этот же расценщик заявил рабочим:

- Я заставлю вас работать за кусок хлеба!

Грубость, нетактичность и самодурство расценщиков – с одной стороны, и недостаточное внимание к интересам производства у рабочих – с другой, создают в цеху далеко не социалистические взаимоотношения, в результате чего рабочие не перестают думать об уходе.

Колдоговор – в загоне

Ныне действующий в цеху коллективный договор не проработан в достаточной степени. Многие пункты его неизвестны не только рабочим, но и администрации. В колдоговоре говорится, что повышение производительности труда благодаря рационализации и ускорения процесса работы не дает права администрации снижать расценки. Между тем, в цеху это практикуется все время. Колдоговор нарушается, и ни одна организация не обращает на это внимания. Больше того, нарушала этот пункт колдоговора даже сама РКК.

Наряду с этим сами рабочие не желают выполнять пункты колдоговора о предельной норме приработка в 22 процента. Рабочие говорят, что в начале года этот процент мог удовлетворить их, а теперь нет. Что повышение общего фонда зарплаты возможно только при соответствующем повышении производительности труда. Этого рабочим никто не разъяснил.

Что надо сделать?

Прежде всего, отделу экономики труда при заводоуправлении надо всесторонне осветить перед рабочими вопрос о хронометраже и установить твердые расценки. Хронометраж надо провести по основным работам в кратчайший срок.

Затем надо призвать к порядку таких расценщиков, как Сорокин. Ошибки, допущенные им, надо исправить немедленно.

Администрации цеха надо пересмотреть разряды, руководствуясь при этом исключительно способностями и знаниями рабочих

И, наконец, партийные и профессиональные организации должны усилить воспитательную работу, так как каждый рабочий должен быть в курсе своих классовых задач, в особенности в нынешний реконструктивный период.

Борьба. 1929, 17 ноября, с.2.

Годовой опыт

(Литературная студия «Пламя» за 1924 год)

Преодо мною большой комплект номеров «Пламя» за 1924 год.

Больше всего привлекает внимание мое - литературная студия. Этот отдел, пропустивший к концу года 96 стихотворений 45-ти рабочих поэтов Царицына и других городов, представляет из себя большую ценность для нашей новой литературы.

Ведь, до сих пор еще в крупных центрах Союза Республик идут непрерывные критические споры о пролетарской литературе, о том, какой должна быть пролетарская литература, вообще, и поэзия, в частности.

До сих пор одни настаивают на том, что эта литература должна отражать индустриализм, технику городов и заводов, отношение к ним пролетариата. Другие говорят, что заводские образы слишком смердят, что нужно ближе приблизиться к деревне, заняться в литературе анализом психологических фактов. И в этих спорах забывают самое главное: спросить самого пролетариата, как он смотрит на этот вопрос. А вот как раз это и достиг журнал «Пламя» введением отдела «Литературная студия».

В течение года в отделе помещено 96 стихотворений, в течение года в отделе выступило 45 рабочих поэтов от станка! Разве не достаточно этого, чтобы определить по этим произведениям характер стремлений рабочего класса в области художественного творчества?

Из 45-ти авторов литературной студии, особенно выдающимися являются: Сергей Ванин, И. Закоблуков, Кореньков-Кимский. В особенности первый. Его произведения являлись центром странички студии и в отношении формы, и в отношении содержания. Особенность его формы заключается в том, что он, начинающий рабочий поэт, уже в первых своих произведениях показал подлинную художественность. Уже в первых своих произведениях он дал содержание в сильных, красочных, свежих и организованных образах-сравнениях.

Темы его произведений чрезвычайно разнообразны. В них фигурируют и техника производства, и заводская любовь, и ростки нового нарождающегося быта, с комсомольцами, библиотеками, рабочими клубами, стремлением к познанию наук и искусства. В оригинально-организованных образах переплетаются настроения трудящегося-победителя весной и

осенью, зимой и летом, в заводе и деревне, в городе и на лоне природы, на берегу окрашенной вечерними и утренними зорями – Волги. Поэт видит красоту и содержание одинаково и в звоне огнежелезных заводов, и в утреннем стуке города, и в лазури природы. Полное отражение всего, что мы видим и переживаем с точки зрения трудящегося класса – вот основной девиз творчества Сергея Ванина! И поэтому не чувствуется в его стихах сильно дымящегося запаха сплошного индустриализма, так-же как соломенного запаха деревенской глуши. Все сливается в одну цельную, свежую и лучезарную поэму настроений нашей многообразной современной жизни.

В конце года Сергей Ванин настолько вырос в своем творчестве, что рамки литературной студии для него стали малы. В настоящее время его произведения печатаются в тексте основного художественного материала «Пламя».

Я остановился на самом видном представителе литературной студии. Творчества остальных авторов 96 произведений по своему характеру близки к творчеству Ванина. Все они любят жизнь во всем ее многообразии. Все они не замыкаются в узкий круг определенных заводских переживаний. Им одинаково также близки все стороны жизни Союза наших республик. У всех остальных участников литстудии также к концу года заметен рост квалификации техники – единственная сторона их творчества, которая хромала.

В будущем году им нужно окончательно овладеть техникой и, на основе этого достижения, приступить к созданию произведений, которые явятся образцами пролетарской поэзии.

Литературная студия в новом 25 году будет также продолжать свое важное дело. Как и в прошлом году, она будет выявлять новые литературно-творческие силы трудящегося класса, и, вместе с тем, как и в прошлом году, будет служить барометром, определяющим должное направление литературного творчества, предназначенного для широких слоев пролетарского класса.

Пламя. 1925, № 1, с.16.

Сергей Ванин

Утром
Задвигается город утром,
звонко
мостовыми будет стучать.
Пойдут рабочие
спросонок
на зовы солнечного луча.
Выдь-ка рано–рано утром,
когда с небом
целуется заря,

ты услышишь,
ты услышишь будто
гудки что-то
о новом говорят.
Скоро солнце ярким
шаром
взглянет.
Расцветет заревой зарей.
Луч его
цехи все зацелует,
что-б завод смеялся
Октябрем.
Мы бросаем угли в топки
что-б смеялся,
что-б смеялся радостно завод,
что-б станки звенели
звонко—звонко
и бурлил
кипящий печи рот.
С горнов нити,
нити потянулись.
Ветер с злобою бросает
им с трубы:
разгорайтесь, огневые угли,
что-б огонь
восстанием трубил.
Пламя. 1923, № 8, с.10.

Стружки
Сыпятся белые
Стружки,
Из станка выйдет гладкой доска.
Дорогие, милые подружки,
У меня, ведь, на сердце тоска...
С давних пор
Забилось сердце звонко.
Он такой
И милый,
И простой. Мимо цеха кто пройдет
Сторонкой,
А я думаю:
- Не он-ли, дорогой?
Ну, да ладно,
Тосковать не буду,

Мне-ли, милые подружки,
До тоски?
На плечах
Таскаю досок груды, Чтобы не было корявой
Ни доски!
Только луч
Уйдет туда, за бочки,
Кончим мы
И прогудит гудок,
Знаю я –
Весенней темной ночью
Будет в клубе ждать меня
Дружок!
Борьба. 1926, 7 февраля, с.2.

Иван Закоблуков

Мостовщик

Васька – мускулов связка, кудрявый;
любит песни и зычный свист.
Распояской, в рубахе дырявой,
переулки камнями мостит.
Молотком разбивает на части,
вырастает за рядом ряд.
Посмотри, как он нынче счастлив!
Посмотри, как глаза горят!
Васька ждет с нетерпением вечера, –
только день будто стал длинней;
Маша им была утром встречена
при разгрузке тяжелых камней.
Его сердце вскипело восторгом,
лишь увидел ее глаза;
был готов кинуть песен ей много,
что-то новое вдруг сказать...
В'елась пыль в его потное тело –
боли-ж нет все-ж в плечах.
Было-ль время, чтоб Ваське не пелось?..
Он всегда утро песней встречал...
Пламя. 1925, № 2, с.40.

В новые дни

1.

С малых лет начал жить у деда.

С малых лет увидел нужду.
Все-ж, мальчишкой, босой и раздетый,
знал, что новые дни придут.
Гурьбою полем мы бегали
и валялись в дорожной пыли,
а как вспомнишь о доме, о хлебе-ли...
снова детское сердце болит...
С друзьями был я весел,
взглядом мерил Волги ширь,
а тягучие грузчиков песни
западали мне в глубь души...
Для меня были дни одинаковы;
с каждым днем детский разум креп...
Жизнь казалась мне цветом маковым,
коли солнцем я был согрет.

2.

По телам нашим хлещет, хлещет
солнце лучистым жгутом
и звенит оно звоном вещим,
золотым расцветая кустом.
Снова радость из сердца лезет,
Наша песня сильнее звучит.
От зари нужно клин отрезать,
к блузам рваным своим пришить.

3.

Нынче весело мне без грани.
Нынче всем я хочу сказать, –
кто то сердце мне ласкою ранил,
зацвели вновь улыбкой глаза.
Захотелось мне вдруг к перелескам,
мир хотел бы плечем поднять...
В мою голову втиснулась резко
куча песен былых опять...
Пламя. 1925, № 5, с.103.

Василий Темный (Иванов Василий Григорьевич)

А что эти люди в длинных одеждах
все еще бродят по нашим улицам?!
Это с ними встречаясь прежде
русский мужик сутулился,
и ждал исцеления
от холеной руки.

Это он с их благословения
ходил в царевы кабаки.
Ну и чудо!
А что за грива
позади бороды пушистой!
Нос-то, что спелая слива; –
верно, с крови Христовой, чистой.
А может и от самогона? –
Переборщил лишнего –
что варится в сторожке у Агафона,
чуть не рядом с престолом всевышнего.
Тяжело им теперь,
тяжело!
И не будет легче!
Наше красное солнце взошло –
так плакат красным голосом шепчет.
Пламя. 1923, № 1, с.7.

Романс

Могу-ль тебя я не воспеть,
тебя, одну из черных фей?
К тебе ли сердце пламенеть
не устает в груди моей?
Ты рождена под вой машин,
в одну из яростных ночей,
когда завод наш исполин
плясал от доменных печей.
Да и сейчас в тебе огни,
и ими искрится твой взгляд,
когда сжигая будни-дни
труда творишь святой обряд.
О, как счастлив для нас тот день,
когда машина в смену спит,
и мы с тобой идем под сень
зелено-красочных раки.
И у ручья холодных струй,
где яркие растут цветы
во мне твой страстный поцелуй
рождает юные мечты.
Пламя. 1923, № 2, с.10.

У станка

У стонка ты стояла, смеялась

над протяжной заводской сиреной
и, на смех твой беспечный, казалось,
улыбались угрюмые стены.

 Восходящее солнце из окон,
 на стене закоптелой играя,
 по пути зацепила твой локон,
 золотистым лучем отливая.
Зашумело, вдруг, где-то над нами,
 зазмеились ремни паутиной –
ты, встряхнувши беспечно кудрями
своей песней слилася с машиной.
Пламя. 1923, № 6, с.7.

Пусть с ноги не скинется лапоть,
а с плеч кусок шинели.
Но не буду я о прошлом плакать,
вспоминать о прошлом звере.
Много сил унесла макуха,
когда голод крался вором.
Но не вышибить вольность духа
из души моей измором.
Я умру. И быть может скоро.
Но умру в коллективе звездном,
а не как раньше под забором
или у барского под'езда.
Надо мной не жгите свечи,
а мой труп киньте в море.
Пусть над ним ярче блещут
в голубых рассветах зори.
Пламя. 1923, № 6, с.10.

В черном тумане

Поэма

I

Вспугнутая черной бедой,
как из гнезда выпавший галчонок,
без дороги, чернобыл-травой
Из села шла девчонка.
Сколько ей зорь минуло,
не сочтешь-ли бледный месяц?
Не нужда-ль ей брови согнула -
две дуги в голубом рассвете.
За кучугорами плачет мать

задыхаясь в кизичном дыме;
эй, вернись, дочка, тебя опять
соломенные крыши примут!
Но надоело девке песни нить,
пасти быков чужому батьке,
пошла за машиной, которая бежит
впереди по стальной накладке.
Эй, вы, степные зарницы,
посветите, посветите, напоследок,
укажите путь девице
не назад, где жили деды,
не к соломенным хатам,
где на печи столетняя бабка,
а в город камнем усланный,
где жизнь не стоит, как вода в кадке.
Вот зарница хвостом вильнула,
осветила городские колокольни
пошатнулась Маша, вздрогнула,
не то радостно ей, не то больно.
И стучится на окраине
к своей пятиуродной тетке,
и мечтает о том, как спала в овине,
как песни пела за слободкой.

II

Завод. Черные ворота.
У ворот сторож с тюремною медалью.
Да хозяйского сына обормота,
велосипед с истертой педалью.
А у стенки жметя кучка
оборванных голодных людей,
меж них, как случайная тучка
девица Марья, из Астраханских степей.
Тоже пришла наниматься –
вытурила ее сварливая тетка;
«эк вас черт носит шляться,
сами давимся селедкой!»
И пошла Маша за черными толпами
с ними пришла к заводу,
и чует она от людских толков,
«много гулящего народа».
Стала и она в очередь –
никто не говорит – «я последний»:

– «я был вчера». – «А я намедни»
«ну да стой девка между прочим»
из-за угла появилась карета –
парой карих в дышле.
– «то барин мчится с обеда
стой на месте куда вышли»
кто сует писанную бумагу,
кто ловит барскую ручку,
одна Маша не набравши отваги
осталась в поредевшей кучке.
Кочегар Антипка бросил «бражке»:
«видно барин тае... пьяный»;
когда уследили свиные глазки
Машу в толпе рваной.
– «Ай да девка, для десерта»
«вот достать такую штучку»!
из калитки вынырнули два «ферта»
и стащили барина, как крючья.
– «Не извольте беспокоиться» –
молвил один дорогой, –
«найдем девку, а там... устроится»:
«ишь какая недотрога»!
– «эй девка, давай паспорт»: –
крикнул сторож сипато.
– «Любит черт что послаще»... –
буркнул Антип в свои заплаты,
не видела явную гадость,
от которой бежать бы впору.
Понесла Маша свою младость
за стариком в контору.
Писарь в воротнике крахмальном,
с пьяной от водки рожей:
– «а ну показывай документально,
как ты явилась на свет божий»!
Старую книгу выпер,
пишет новую строчку:
«девица Марья, села Антипова,
шестнадцать годов, чернорабочая».

III

В черном тумане искры роятся,
мчатся в мутную высь хороводом,
где ремни приводные змеятся
переплетаясь под цеховым сводом.
В тесном проходе слесарь

возится у станка с ключами,
Маша сдирает плесень
наросшую на железе годами.
« - Дайте, дайте ножик
обрезать кружева ременные!
- А ты, девка, работать как можешь:
сдельно или поденно?» -
Улыбнулась, покраснела
очень страшно; шум и грохот,
дрожит пол, пляшут стены,
поросшие пыльным мохом.
«- Ну бери эту ручку,
да смотри это не тесто.
Такую даст взбучку,
что станет мокрое место».-
Маша взяла, неумело
стала станком хороводить,
сперва молча, а потом запела
о солнце, что в степи заходит.
Заскрипел стальным зубом
станок кудрявя стружки.
Поодаль парень с непокорным чубом
улыбнулся новой подружке.
Ну и парень, черт его съязвил!
Видно, что нет сноровки,
так в девку глаза вонзил,
что не оторвать и веревкой.
Поймала Маша взгляд,
зарделась, как вишня
думает: «черт тебе рад,
после Прошки ты лишней».
А все же нет-нет, да и взглянет,
на черные кудри.
Ничего что куртка в сале,
а нос пылью пудрен.
Очи то, карие очи!
Сколько в них буйной ласки!
Видно правду полонить хочет
паренек зубастый.
Недаром сердце бьется,
на щеках алые зори,
а песня так и льется
пылкому сердцу вторя.
Кто-то крадется в тумане.

Ба! Это землячка Лизка.
- «На, это тебе от Вани!» -
Сует беленькую записку.
Какой малый листок,
а как много сказано:
«полюби меня степной цветок,
если к кому не привязана».
Думает: «чай я не дура
любить первого встречного».
А в глазах парня фигура
видно не скоро излечится.
- «Что это, видно новая»?
Пробасил рядом мастер.
Оборвалась нитка любовная,
ишь нагнал страсти!
Оборвался и день ухабистый
для людей натруженных,
гудок так радостно
закричал «эй ужинать!»

IV

Зачем Волга косы
по груди своей раскидала?!
Не их ли толчок бросил
на грудь парня девку милую.
В поцелуе слиплись губы,
в глазах искры беспокойные,
а из города грозят трубы
«ой, это дети разбойные»!
Да если бы не лодка рыбацкая
проплыла случайно,
то могло бы статся
обошлись бы без кольца обручального.
Слишком разжег очи
и грудь девью лаской:
- «эй, Иван, степную дочь
не целуй так страстно».
- «Будет, Ваня, будет» -
шептала Маша,
- «увидят злые люди,
знаешь участь девичью нашу?
Пустьят по ветру славу,
худую грязную.
Будут смотреть бабы,
как на проказную!»

Знать пожалел парень,
что девку бросил,
лишь на послед отрядно
влепил поцелуев восемь.
Вмиг челн сдвинул
с песчаной мели,
волны как в мыле
за кормой полетели.
Маша, украдкой,
нет-нет, да и взглянет,
как, мол, Иван прятать
бесстыжие очи станет.
А все-таки встретились
голубые и карие очи.
Сперва покраснели,
а потом как захохочут.
Стало обоим весело
от весенней бани,
а месяц бороду свесил
тоже смеется глазами.
Не поймет старый,
что на свете деется,
отчего у юной пары
щеки аллеются.
Вот и челн в берег,
уткнул носом,
наши голуби слетели
и пошли под откосом.

V

Опять ночь родила утро.
Гудок воздух гложет,
заводские окна перламутром
от солнца режут глаза прохожих.
И спустился вновь туман
под железной крышей.
Кто-то крикнул: «Идет пан!»
«Тише ребята, тише!»
Вот она, вот катится
по асфальту белая туша.
Рядом мастер тратится
слова вдувая в розовые уши.
Опять свиные глазки режут
Маши чудную косу.

Мастер взгляд выслеживал
ожидавая вопроса.
Потом усмехнулся
в тараканьи усы.
К хозяину нагнулся
прикинувшись Иисусом.
Стал разводить планы
гуляя с тушей рядом.
Только оба как-то странно
щупали девку взглядом.
А она и не видит
над собой грозы
от счастья пышет
как майская роза.
- «Что, аль делать нечего,
ты, недотрога?!
Иди-ка сегодня вечером
убирать барское логово». -
Раздался окрик
в самое ухо,
эх, видно даром сохнет
паренек Ванюха.
Глянула в черную раму,
чует сердце тенета.
Нет у станка Ивана,
у кого брать совета.
Куда ведет дорога,
чем черт жирный дышит?
Не идти - тетка строга.
Что если расчет припишут?
И пошла, пошла под плач сирены
в гнездо паучиное,
а что если бы каменные стены
упали без причины.
Сразу бы свалился
с сердца тяжелый камень.
Где же ты провалился
милый, милый Ваня!
Вдруг за рукав дернула
баба со старым ликом
- «эй ты, с бровями черными
сюда, сюда иди-ка!»
Дверь черного хода
пасть разинула,

- «ну, иди, что ли, колода!»
Кто-то в плече двинул.
У сторожа усы расперла
улыбочная гримаса:
- «Ишь старая, барину приперла
не девку – ананаса».

VI

- «Идем ветка сирени
к смуглянке Мане».
Свернув цыгарку из бюллетеня
шел Иван на свиданье.
Сердце чует: беды
откуда-то свалятся,
дернул же черт с обеда
уйти с порезанным пальцем.
Вот он, вот тот сад
с оципанной аллеей.
Не напрасно ль ищет взгляд?
Нет, что-то чернеет!
Вынырнула скамья
на ней Маша раскинула косы. -
- «Эх, ты милая моя,
неужели думала бросил?» -
Подошел, тронул плечо,
руку - холодная,
а глаза, что ласки лили ручьем
мертвы, бесплодны...
Рядом на мокром песке
бутыльные склянки пашут.
Видно в глубокой тоске
остановился взгляд Машин.
Долго Иван стоял,
освещенный месячным ликом.
Вдруг покачнулся, упал,
свалило горе великое.
А когда он взрыл песок
в безумьи тяжком,
в руки попал клочок
исписанной бумажки.
«Эй ты, тоска, прочь!
Зачем глаза плакали?
Как бы среди ночи
разобрать милой каракули».

Месяц глянул
из-за облачной кочки,
довольно было Ивану
прочесть четыре строчки.
«Тебя как сокола
как свою степь любила.
Заводчик наше счастье слопал
и меня толкнул в могилу».
От такой повести
зарычал Иван зверем:
«эй вы, с поганой совестью
запирай крепче двери!»
Повел плечом
разорвал пиджак, скинул.
Вслед за скользнувшим лучом,
во мраке ночном сгинул.
Ну и долго ночные тени шли
насилу их заря уперла,
а утром заводчика нашли
с перерезанным горлом.
В саду, у окна с карнизом,
где растут корявые дули,
лежал Иван лицом книзу,
простреленный сторожевской пулей.
А в степи, на косогоре,
поодаль от дорожной пыли,
цветов голубоглазых море
кланялось свежей могиле.
Пламя. 1923, №7 (с.10) – №8 (с.8).

В осень
Серые тучи пюзом
рвутся о горы крутые.
Ветер пытается в узел
связать облака седые.
Ветер, буйный ветер!
Взвейся красным вихрем
ты пути наметил
бударажить мир рыхлый;
не наша–ль Россия взвеяна
динамитом Ленина слов?
Не мы–ль бросаем уверенный
взгляд на Запад и Восток?

В эту–ль угрюмую осень,
или в ту, другую...
Но и там раб господина сбросит
в бездну веков седую;
и мы споем песню
в серый день осени
о том, как жизни плесень
в бездну веков мы сбросили.
Пламя. 1923, № 5, с.5.

Маевка

I

Рабочий день кончался. В стенах завода пекло. Железная крыша, раскаленная солнцем, давила сверху, снизу обжигали печи. Рабочие, как тени, мелькали у печей, озаренные багровым пламенем.

- Ребята, завтра первое мая, - вспомнил Петька.

- Айда за Волгу! – предложил Колька.

- Рассчитают, - пугливо сжался Петька.

- Ни черта, не страшно бедному, что деревня горит: сумку на плечи, да в другую. Так, значит, не выходим завтра!

- Я вас, чертенят, не выйду, - прикрикнул на них прессовщик, подслушав говор ребятишек.

- Что собрались, черти? – заорал проходивший мастер, свирепо водя тараканьими усами.

- Да, вот, ребятишки, не хотят работать завтра, - залезбил перед мастером прессовщик.

- Что? Бастовать, сволочи? Кто не выйдет завтра – к расчету! Ребятишки вяло разошлись по своим местам.

В конторе уже сидел околодочный надзиратель и два полицейских.

- Ну, как у вас рабочие? – спрашивал он цеховых мастеров.

- Кто знает: собирались кучками, толковали о чем-то.

- У меня мальчики бастуют. Если они не выйдут завтра, взрослым делать нечего будет, - сообщил мастер заклепочного цеха.

- У вас адреса их есть?

- Есть, в конторе.

- Пришлите завтра адреса неявившихся. Мы им побастуем! – с улыбочкой добавил околодочный. Мастер подобострастно ухмыльнулся.

- А у вас нет такого рабочего, который бы нам дал сведения, что предполагают рабочие на завтра? Мы ему заплатим.

Мастер наморщил лоб.

- Кажется, есть один.

- Вы его пришлите.

- Можно прислать, - и, пожав палец окологлазному, мастер вышел на улицу.

Вечером пресовщик ходил пьяный по улице и бормотал себе под нос:

- Бастовать... Супротив начальства?.. Врешь, не уйдешь... Приступнем!

II

- Вставай, лодырь, гудок был, - будил Кольку отец.

- Голова болит, я сегодня к дохтуру пойду.

Колька засуетился. У перевоза его, наверное, теперь ждали товарищи... Вскочив с своего логава, Колька стал быстро одеваться и через несколько минут сидел за пыхтевшим самоваром.

- Мама, освободи котелок, я за Волгу еду.

- Идет кто-то, - сказала мать, выглянув в окошко. – Батюшки, полицейские!

Колька побледнел. Два здоровых полицейских, отбиваясь ножнами шашек от собак, шли по двору к избе.

- Что надо? – спросила удивленная мать.

- Здесь живет Николай Кошмов?

- Здесь.

- Не этот-ли? – указал полицейский на Кольку.

- Я - сказал тот, струсив.

- Собирайся.

- Куда?

- Не твое дело. Живо!

Колька дрожащими руками натянул пиджак.

- Ну, марш! – подтолкнул полицейский Кольку.

Сунув Кольку в середину, полицейские зашагали со двора.

- Куда вы ведете мальчишку? – всхлинула мать. Не удостоивши ее ответом, полицейские скрылись за воротами.

III

Охранка работала. Двери полицейского управления ежеминутно хлопали и поглощали одного или целые группы рабочих, которых сопровождало соответственное количество полицейских. За зеленым столом сидел толстый, как самовар, пристав, он едва успевал записывать прибывающих рабочих.

«За забастовку. За подстрекательство. За агитацию. За бунт. За оскорбление начальства».

Колька тоже предстал перед свирепыми очами «его благородия».

- Ну, ты, щенок! – заревел пристав.

- За подстрекательство, ваше благородие! – отрапортовал один из полицейских, вытянувшись перед начальством.

Пристав, упершись в стол толстым животом, потянулся и ударил по щеке Кольку. Колька заплакал.

- В клоповник его!

Полицейский схватил Кольку за шиворот, протащил по коридору и

толкнул в дверь, отпертую усатым ключником.

- Ба, Колька! – закричало несколько голосов.

Удивленный Колька увидел всех своих товарищей лежащими и сидящими на нарах. Пахло клопами.

- А ты как попал? – взволнованно бросились навстречу Кольке Петька и Ванька.

- Из дому замели. А вы?

- Нас на перевозе схватили, прессовщик выдал. Он и полицейских на перевоз привел.

- Мне пристав леща дал, - похвалился Колька.

- Здорово?

- Как следует. И сейчас щека горит.

- Это он тебя с первым маем поздравил.

- А как здесь ландышем пахнет. – потянул носом клопный запах Колька.

- Подожди: вот ночью запоешь от этих ландышей!

- Кусаются?

- Полсотни на шее поймал, на тот свет отправил.

- Ничего, ребята, это вам наука, - отозвался из угла рабочий в засаленной куртке, - скоро вы поймаете того клопа, что целые века сидел на шее ваших отцов, дедов и прадедов, обжираясь потом и кровью. Собирайтесь же с силой, чтобы этот клоп не вырвался из ваших рук и не избег заслуженного наказания.

- Мальчишки затихли: их удивили эти новые непонятные слова, услышанные ими впервые.

- А что это за клоп, дядя?

- ... и твоих товарищей в такой теплый, весенний день в грязную, вонючую камеру.

- Дядя, расскажи нам, за что нас арестовали? – спросил Петька.

- Что-ж, слушайте.

Мальчишки уселись полукругом и рабочий начал рассказывать. Он говорил им о значении 1-го мая для рабочего класса, о том, что в этот день все тюрьмы России и за границей переполнены рабочими. Он рассказал им о том, что 1-е мая – это страшный призрак для богачей и царей всего мира и что этот призрак скоро превратится в плоть и кровь и мозолистыми руками разрушит троны царей. Могучей грудью возьмет свое будущее.

В камере стихло. Мальчишки жадно ловили слова рабочего. Вдруг в коридоре раздался топот и звяканье шпор. Загремел запор и дверь отворилась.

В камеру заглянул околоточный.

- Ну, вы, чертенята! Бастуете? – проскрипел он осипшим от пива и водки голосом.

Мальчишки промолчали.

- А ну, выходи! – заорал ключник.

Колька первый шагнул через порог. В воздухе мелькнула плеть и со

свистом опустилась на его спину.

- А... а... - заорал Колька и кубарем выкатился в коридор.

Та же участь постигла и его товарищей. Плача и толкаясь, они еле выбрались из управления, получив добавочно несколько подзатыльников от усердного по службе дежурного полицейского.

Борьба. 1926, 1 мая, с.3.

Наш путь

Решительно шли мы на битву,
Шли смерти навстречу, сомкнувши штыки,
И жены нам вслед не шептали молитвы,
И слали проклятья отцы-старика.
И было нас мало, не мы победили
И в царство коммуны очистили путь.
И нет во всем мире такой уже силы,
Чтоб с нашей дороги могла нас свернуть.

Борьба. 1926, 7 февраля, с.2.

К заре свободы по трупам павших
Борцов за правду, врагом убитых,
Идем мы смело... Долой уставших!
Бойцов дай свежих, из стали слитых!
По всей вселенной пройдут колонны,
В лесах знамен зовущих, алых,
И вырвут с корнем тиранов троны,
Снимая цепи с рабов усталых.
Заводских труб могучий хобот
Высоко к небу пламя вскинет.
Тогда исчезнет голодный ропот,
Людская злоба навеки сгинет.
Борьба. 1926, 31 января, с.2.

О 2-х никудышних кооперативах.

На краю гибели.

(Ст. Котельниковская, 2 Дон. округа.)

Новое правление нашего с.-х. товарищества вот уже 3 месяца толчется на одном месте. Председатель правления то и дело ездит в Сталинград и Н.Чирскую, но толку от его поездок никакого.

Возвращается Лавров из поездок всегда обиженным:

- Ходил в С.-х. банк, ссуду не дают, ходил в Маслотрест - денег на горчицу не дают. В одном учреждении «дураком» назвали, а из другого выгнали.

Нельзя сказать, что новое правление работает: Председатель ночи не спит, все думает о делах товарищества. Жаловаться на отсутствие аппарата стал. Другой член правления от неудач товарищества познакомился с самогоном и иногда не является на службу по 3-4 дня. Третий - казначей - по малограмотности запутался в денежных документах.

Результаты такой работы нового правления налицо. Кожевенный завод, единственная материальная опора товарищества сдан в аренду: в магазине нет товару. Пройдет месяц, другой и нечем будет платить жалованья служащим.

Нужно оздоровить наш кооператив.
Борьба. 1926, 14 февраля, с.2.

Решающие дни

Все, что до сих пор делалось и строилось на Тракторострое, было, в сущности, лишь подготовительной работой. Все построенные и строящиеся в настоящее время здания и сооружения являются лишь обслуживающими, вспомогательными по отношению к трем основным производственным цехам и частям: механическо-сборочному, кузнечному и литейному.

Для этих основных цехов - станového хребта завода - до сих пор велись лишь подготовительные работы, и фундаменты, и рандбалки. Это только подготовка, а не настоящее строительство.

Завтра-послезавтра, когда придут все поезда с железными конструкциями, - в эти дни, в сущности, начинается настоящая постройка завода. И эти дни - решающие. Успешность работ ближайших двух месяцев решит вопрос пуска завода в те сроки, какие нам заданы партией и правительством.

Сейчас все внимание, все силы должны быть устремлены на своевременное окончание основных цехов, а для этого нужно с первых же дней прибытия конструкций принять такой режим работы, который позволил бы в наикратчайшие сроки создать из кусков железа те стройные здания, который должны принять оборудование, дающее возможность каждые 6 минут выпускать готовый трактор для индустриализации страны, для перестройки нашего отсталого сельского хозяйства на новых началах коллективизации и механизации.

Подготовительным работам было дано возможно большое время. Они постоянно были затруднены и осложнены тем обстоятельством, что все основные данные приходилось получать от наших представителей из Америки, причем телеграфные сообщения не могли быть так полны и ясны, как нам хотелось бы. Но все же можно смело утверждать, что подготовка имеется значительная.

Сейчас перед нами задача - работы по постройке зданий развить еще большим темпом, чем применявшийся до сих пор на остальных зданиях.

Время не терпит. Зима угрожает нам приостановкой работ. Мы должны успеть закончить главнейшие работы до наступления холодов. В этом заключается сейчас основная задача коллектива Тракторостроя.

Ни одного дня, ни одного часа отставания. Мы за это лето уже поучились считать дни; теперь мы должны совершенно сознательно считать и учитывать часы и даже минуты.

В эти дни мы еще и еще раз должны вспомнить о трудовой дисциплине, закрепить ее железной пролетарской волей. Работать, как хронометр - ни минуты опоздания, ни одного часа потерянного времени. Подтянуться нашим подрядчикам и поставщикам. У нас общее дело - и мы его должны выполнить и выполним. Взятые на себя обязательства должны выполнять все.

В эти дни постройки основных цехов мы держим экзамен. Мы первые в СССР строим такой завод и таким темпом.

Наш лозунг - выстроим его раньше срока.
Борьба. 1929, 24 сентября, с.3.

Сергей Ленский

Зори октября
С каждым годом краснее заря,
Ярким багрянцем горит
По торным путям Октября
Октябри...
Октябри...
Октябри...
Рубите, рубите шаг!
Не отставай, иди, равняйся!
Не дремлет твой классовый враг.
Так иди же,
Иди, не сгибайся!
У тебя на пути впереди
Багрянцы всемирной зари, -
Так иди же!
Иди же!
Иди!
Зажигай на пути Октябри.

Партийный спутник. 1924, № 1-2, с.51.

Из металла
Я видел среди станков ее опять,
она была в лучах багряного металла.

Я жаждал вновь ее по-прежнему обнять,
когда искристый взор в меня она метала.
Я чувствовал: любовь, как плавка клокотала
в стальной ее груди;
она железные цветы в руках сплетала
и я шептал: «Приди.., Приди».
Под шум машин свободная, с задором
она рабочий марш в работе напевала,
и волос вьющийся ее с пробором
был точно вылит из металла.
Пламя. 1923, № 1, с.5.

Пролетарий

Ты рождён под звук сирены
В казарме тёмной и сырой,
Спартак не цирковой арены,
Борец с бесправьем и нуждой.
Ты вырос средь машин завода
Среди печей в чаду и гари.
Ты сын народа, сын свободы,
Великий, грозный пролетарий.
Факел. 1922, № 3, с.9.

В шахте

Ры... р...р...р...р...
Зазмеился канат на лебедке,
из обугленных дыр,
поднимаются черные сметки.
Тучей черной повисла кругом
ядовитая пыль антрацита.
– Вира! Майна! - площадка целуется с днем.
– Берегитесь! Р...р...рах!.. – жизнь разбита.
– Под землей духота, чуть мигает фонарь,
из пород ручеек пробивает.
Вечный мрак. Черный шахтовый царь
всюду, бродит и крепы сбивает.
– Эй! Товарищ, крепи, не то может обвал
бу... бу...бу... и распор крепче вбит,
кто-то в воду на локти припал
гулко сталью породу долбит.
Ослепленный гнедко вагонетку
подал. Точно крылья мелькают
лопаты.
Кто то крикнул: – ребята! обвал!..

Эй, спасайся! – И взвились канаты.
Пламя. 1923, № 2, с.10.

Песнь старика кузнеца
В моих руках галопом скачет молот.
В труде с железом я сливаюсь.
Я стар, но дух могуч и молод
и я расту, я поднимаюсь.
Горно пыхтит, вулканом искры сыплет.
Молотобоец – сын – и мускулы и сила!
Как сладко труд привычный выпить,
трудом пьяненный иду к тебе могила.
Пусть я умру, но знаю, не напрасно Октябрь
наш восстанья искры мечет
спроводите меня под стягом красным
мне ненужны и опыхи свечи.
Но что мне смерть! Еще кует мой молот
и с песнями, с железом я сливаюсь.
Пусть стар я. Дух рабочий молод!
Я расту, я поднимаюсь.
Пламя. 1923, № 4, с.5.

Октябрь
Сегодня ярче румянится заря,
ярче сполохи пылают.
Это в честь Красного Октября
багрянцами стяги витают.
В честь великого акта истории
сегодня гордость на лицах.
– Эй, сторонись! Не видишь что-ли,
что Октябрь наш бурлит на улицах?!Первый, второй, седьмой вал.
Восьмого, девятого жди.
– Эй, берегись мировой капитал!
Путь наш открыт впереди.
Восход освещай рубежи!
Лучи режьте ночь!
Зверье, долой грабежи!
Руки от горла рабочего прочь!
Ярче румянься и искрись заря!
Пылайте сполохи! Пылайте!
В честь великих побед Октября
выше знамена взлетайте!
Пламя. 1923, № 5, с.1.

К 25-ти летию Р. К. П. (б).
Искрись, зарись, пламеней
Наша эра единства, труда!
Коминтерн!.. Подсыпай в кочегарку углей!
Мы сотрем рубежей берега...
Вейся стяг боевой Октября!
Крепок грозный рабочего стан...
Лиловеев коммуны заря...
Спи спокойно, Халтурин Степан!
Мы мечты воплощаем твои
Среди бешенных бурь, свистопляски.
Скоро всюду блеснут Октябри:
От Москвы до далекой Аляски.
Лена, сопки, застенки, Гапон –
Все изжито, в преданье ушло,
Над Россией, где мрак был и стон,
Очищения солнце взошло.
Искрись, зарись, пламеней,
Наша эра единства, труда!
Коминтерн!.. Подсыпай в кочегарку углей!
Мы сотрем рубежей берега.
Партийный спутник. 1923, № 9-10, с.1.

Юным пионерам
Вы, дети Октября огневого
с бодростью,
с жизнью в глазах,
науки грамотное слово
зубрите в гимнастических классах.
Без креста и сорочки,
рожденные хатой – подвалом,
куммунизма выводите строчки
с Интернационалом.
Класс, – не казарма
– учитель свой
студия... кружок... группа...
Девиз! – «Коллектив трудовой»
К знанию! – Звучит наш рупор
Как ковкий металл в мастерской
вас лектор формует – точит,
как мировых революций устои
пролетариат вас прочит.
Пламя. 1923, № 7, с.3.

Волжанка Лида

I

Лиду Волжанкой прозвали,
Лиду с васильковыми глазами
Рано утром мы ее отыскали
у Волги за лабазами.
Лиду мы артелью воспитывали;
дитя не знало материнской ласки.
Мы ей Волжские мотивы насвистывали,
работая на самотаске.
Бывало, таскаем груз,
а малютка сидит обложенная пеленками,
мы кричим ей: «у... карапуз»!
Лида смеется и машет рученками.

II

Лида теперь к о м с о м о л к а!
Ходит к нам и мы каждый рад,
она нам читает без умолка.
При ней не гремит наш дурацкий мат.
Стройная, славная, бойкая,
как Волга игривая, вольная,
она комсомолка стойкая,
любит ее к о м с о м о л и я .
Пламя. 1923, № 8, с.3.

Маркей

Рассказ

Раньше Маркей работал в котельном цехе завода «Красный Октябрь», работает там и теперь. Семейство его небольшое - он с женой и пара мальцов. Как, бывало, получка, так и знай - наш Маркей в «щепку». Пойдет это к «Снигурихе», хватит горячего до слез и спать в канаву, а не в канаву, так дебоширит по улицам поселка.

На базар придет, там квартал шинков с «бабами». Шинок тогда строился так: вбивают в землю колья, после обтянут их драной парусиной и старыми мешками, в середине поставят 3-4 столика, дрянных стульев-табуреток десятков, две койки для «гостей» за занавеской, сзади погребок с сивухой и пивом, - вот тебе и шинок!

Часто Маркей гуливал в этих шинках, нередко и с «бабами», бывало застанет там его жена, - ну, и держись!... Исцарапает... Шишек набьет и «бабам» волосы порасчесет, - было дело!...

Получку домой редко приносил...

И поскулила же его Акулина, а скулить она умеет - квартал взбудоражит. Всяко было...

Когда грянула революция и белые банды полезли на завод - тогда Маркей один из первых гаркнул: - Долой сволочь!

И взялся за винтовку. Жаркая была буча. Осколком шрапнели поцарапало Маркею руку, ни черта - заживет, в лазарет не ползал; скрипнул до боли зубами и опять в бой. После отступал на баржах в Саратов, голодал, не спал, ела вошь-все перенес.

Акулина тоже горя хлебнула. Осталась она с мальцами в поселке, белые приставали, где муж... Плетьми раза три... Барахло забрали... поскулила, поскулила Акулина и даешь в Дубовку, кое-как промаялась...

Когда выбивали белых из Царицына, Маркей был в первых рядах, на испуг белых брал.

Даешь Красный Царицын!

А за ним и другие «Даешь!» кричат - так и забрали...

После себя белые в городе много оставили разрушений. Там электричку взорвали. Там мосты. Там заводы запоганили. А тут еще макуха... Макуха и макуха.

Завод стоит...

Рабочие вереницей тянутся на буферах с барахлом на Кубань. У Маркея барахла нет - белые забрали, на буфера не с чем.

Мрачный ходит Маркей, как туча в бурю; жаль ему родного завода.

Ночами снятся радужные сны. Будто бы завод работает, сверкают огни, слышен грохот вальцев, из труб выпихивает дым вулканами, но когда Маркей очнется от сна,- в мысли опять проходят печальные картины.

Теперь он уже не пьет. Но и не только не пьет, но и не шамает - нечего шамать... Сам пухнет... Дети тоже...

Потом дело начало поправляться. Приехала комиссия из города, осмотрела завод и через месяц-другой завод зашумел.

Маркей работает опять в котельном, но опять уже не посещает шинков. «Снигуриха» где-то сгинула, на базаре шинков нет.

Да и где ему теперь до выпивки, он делегат цеха, а делегату как-то не удобно с выпивкой возиться.

Там газеты, журналы нужно прочитать, распространить по заводу, присмотреть за работой...

От голодухи выжили.

Акулина повеселела. Дети в школе; пионерами ходят-благодать! Прежние товарищи по выпивке иногда, шутя, скажут:

Ты, Маркей, пошел бы с нами глотнуть, чать не забыл, как в канаве валандался...

– Хватит, – буркнет Маркей и давай доказывать товарищам:

– Стыдно... Тогда мы были что?.. А теперь - хозяйева. Работать нужно..

Производство поднимать... Жизнь ладить...

Пламя. 1925, № 2, с.31.

Этапы

Ну, и сучья жизнь была –
ни вдоха, ни просвета,
то и дело –
не тюрьма, так смертная карета...
Не жалея били,
и били чем попало,
и что есть силы,
чтобы «страна не роптала».
Били в казарме, в заводе,
били в тюрьмах, в степи...
Народ изнывал в невзгоде,
а с амвона скулили: «Те-р-пи»...
Отдувались, терпели,
под винтовкой и хлыстом
«боже царя» пели
с Христом...
На пашне помещик плеткой
погонял горемыку-раба;
а как zenки наполнит водкой, -
орет – дай ему девок...
И на фабрике не лучше было:
шум горна, от зари до зари,
там ломало, рвало и давило,
а насилий – и не говори!
За алчность ученых и сильных
под молебное: – «За веру, царя»
сколько насыпей могильных
понасыпано зря!
Бога на помощь звали
одни себе, другие себе,
когда друг другу головы разбивали
при адской орудийной пальбе.
Мортиры хохотали,
строчили пулеметы,
пули насыпь окопов сметали
и таили взводы и роты...
Офицеры, рыгая сивухой,
кричали: – Вперед!
А у нас не хватало духа
открыть рот.
В окопах – по пояс воды,
А сверху ледок,
на плечах и в подмышках вшей следы

и мерзлый на зубах щелк.
Убит – нет внимания,
труп на трупе – гора.
Тут не до страдания
– умри за царя!
Из ставки команда: то-ж за царя,
за родину, за веру...
И гибли мы, как мухи, - зря,
как в чуму, или в холеру...
Оторвало руку – крестик,
голову – долой крест.
– Да здравствует царь и наместник!
А мы мычали: – Е-е-сть...
Венчики сулили в раю
и реки молочные
тысячам убитых в бою,
крестьянам и рабочим.
В рай не хотели идти командиры –
ставка на тысячу верст,
в кафе их поили банкиры,
не касался их «божий перст».
Заводчик сгребал барыши,
валютчик резал купоны,
царь выпивал для души
в то время, как гибли колонны.
Бежали и гибли с «урой»,
десяток с одной винтовкой,
а потом «со святыми упокой»
поп скулил с ехидной уловкой.
В городах ползали калеки,
в деревнях и селах – тоже.
Бабы слез лили реки;
забунтует калека – по роже.
Старшина или пристав били –
инвалид ты, или солдатка,
если недовольные скулили,
если жить было не сладко.
Пленных гноили, били,
без воды и корки хлеба,
до смерти морили
во славу «милостивого неба».
Царапнули горя до слез
русские, германцы, французы.
«Терпите! Терпел Христос»... –

учили церковные ВУЗы.
Терпели, терпели и... лопнули –
весною, в 17-й год,
Христа и родину пнули
задом вперед.
И пошли грохотать по столицам,
не по чужим: – «по отечеству»,
по божественно-мазаным лицам,
выковыривать нечисть ту.
Хоть от голода Россия пухла
и царила черная разруха,
а наделали много шухара –
хватило духа.
Напорами старых и малых
падали, кричали: – Вперед!...
Вперед с Интернационалом,
рабочий народ!
На ногах – опорки,
одежды – клочья,
мороз – иголкой,
жизнь – сорочья.
Но как-то легко дышалось,
рвались вперед.
Ночь со днем сливалась...
Не унывал наш взвод.
Окурок, корешок махорки,
плеснелый сухарь,
сухаревые корки –
гони в общий ларь!...
Умирали, не охали,
знали за что.
Мокли – сохли,
ну и что ж?!
Кричали: – Даешь Варшаву!
– Даешь Крым! – Даешь!
А тело ела на славу
вошь.
Проходили мимо заводов,
заводов,
стропила сели.
У взводов
глаза горели.
Море стоптанных полей,
деревни сожженные,

в небо торчали
оголенных тополей
комели сожженные.
Была полночь,
когда шли мы здесь...
С языка срывалось
– Сволочь!
В сердце горела месть.
Бились,
падали, умирали,
сами себе дивились:
– Поклали.
Перекоп, Севастополь наш...
И хлынули по домам...
На буферах неслось: Даешь, да...шь!
Гаврила, крути, ма-ть, ма...м!
Схлынули. Затихли.
Транспорт, заводы, поля...
Прощай, боевые вихри, –
Встречайте, вальцы, земля!
Краскома, армейца
двинула в город нужда...
И пошла деревня сеяться
туда и сюда.
Голод рычал в витрины:
– Ах, мать перемать в НЭП! –
– У меня нет мякины,
а вон булочный хлеб.
Театрится, ресторанился,
одевается НЭП в шелк...
А ты не знаешь, как и отмяться –
не возьмешь всего в толк.
Город живет, кипит,
а нам многое, многое нужно. –
Как тут быть?
Площадь...
На площади море,
море знамен полощет.
Гонят горе.
С трибуны говорил здорово,
в кепи, с портфелем.
В голове тысяча:
- Верим... верим... верим...
Пусть НЭП корячится,

пыхтит автомобилями,
придет время – не спрячется,
ведь прежде ж его били мы...
И кажется,
что Запад уже краснеет
и куражится,
багряным вихрем веет.
Там слышно: - Выше
держите знамя!
Печатай четче шаг,
к победе ближе!
Наглеет враг...
Мы сильны, нас миллионы! Смелее
крушите препоны!
Жизнь мы вспеним
из края в край,
с нами наш Ленин –
смело шагай!
Шагай и печатай –
пошире шаг!
Вперед смелее, -
дрогнул враг!
А тут еще умер Ильич...
Уж не горе ли?!
И грянул по миру клич,
сжимающий сердце до боли.
Он умер – но в нас он живет,
путь наш открыт впереди, -
мы будем идти вперед,
хуже нам не станется, –
мы знаем, –
будет толк...
Было плохо с хвостом селедки –
прощай трава и макуха!
Пусть НЭП, а все-таки –
не сломит он нашего духа.
Грозят рабочим газами
и смертоносной гибелью,
бациллами заразными,
боясь расстаться с прибылью...
Пусть белый лагерь воеет,
расплаты близок час, –
его от кары не скроет
ни аэро, ни газ!..

Пламя. 1925, № 5, с.93.

Текстильщице
Под жужжанье чужих веретен,
Ты мотивы свободы слагала.
Трепля извивающий лен,
Изнывая, в бесправьи страдала.
А теперь, – челноки, веретена, станки –
Ты своими родными считаешь.
И победы цветы на полотнах ковров
Крепкой рукой ты вплетаешь.
Борьба. 1926, 31 января, с.2.

Николай Никитин

Пой смелей, кобзарь!
Мы бьем набат словами,-
наш красный звон...
Прочь, покой и сон!
Голосов стозвон
мы в ритм втиснем,
Мы сердец струнами
жизнь всплеснём...
И не я...
И не ты...
И не он...
Вместе ринемся
в вече кипучее,
огневейное,
буйно-могучее,
словно море,
стихийно бурливое,
вече гневное,
знойно - строптивное,
что с полей
и заводов,
из сел,
городов, –
выдыбает
на красный
набатный
к нам зов
и на эхо,

как жизнь,
торопливое.

Взошла заря над нами, –
восстал титан...
Наш железный стан
сеет ураган
кровавых гроз...
Стройными рядами
без слез,
без тоски,
без нытья,
без молитв –
мы шагнем
в лучезарные дали. –
И в угаре
отчаянных битв,
в знойной музыке
смерти
и крови,
и стали,
даже в первом
могучем ударе, –
мы скуем,
закалим
наш союз трудовой,
и в грозе зоревой
скрасим пятна грехов
с прошлой были седой...
Мы ведь новь!..
Мы – любовь!..
Мы сама,
солнцеликая младость!

Сквозь тернистый затор
на широкий простор
жизни творческой,
новью овеянной, –
мы пробьемся,
вскипев
страстью жгучей,
иной, –
и в груди трудовой
на заре вихревой

расплеснем
и запеним
Наш вешний задор!..
Огнеструйной
и буйной
шумливой волной
смоем
хилую старь!...
Пой смелей-же, кобзарь!...
Славь же!...
Славь! –
Нови красную ярь...
Пламя. 1923, № 1, с.5.

Рудокопы
Мы в движеньях жизни многолики...
Глубь небес безбрежный наш покров...
Обуяны мужеством великим,
мы багряним сумраки миров.
Под землей идем железной ратью,
в даль времен взметнув горящий взор,
– «Все гнилое – смерти и проклятью!
Все живое к солнцу на простор!»
Мы разбили старые скрижали...
Перед нами тысячи дорог...
Наши нервы сотканы из стали
в горнах битв, дерзаний и тревог.
Как кроты, мы землю изъязвили
Сетью черных рудоносных нор,
И зажгли на стягах красной были:
– «Все живое – к солнцу, на простор!»
Пламя. 1923, № 4, с.1.

Ян. Горбушин

Утренней зарей
Загремели раскаты машины,
вспыхнуло пламя в печи
и, громозвучные ремнины
бегут от долгой ночи.
О, как хорошо, порывно
глядеть на гигантский завод,
когда с вышины блещут зори
и машина пронзительно поет,

Когда гордые трубы дымятся
и завод колоколом звенит.—
Тогда мысли в песне струятся
утопая в голубом
зените.

А когда грозно гудки
режут небес грани
в моей утренней груди
горит пламя дерзаний.
Пламя. 1923, № 3, с.9.

Мы победим
Гудки, гудки и гудки,
льются безграничные звуки:
победа рабочих звучит;
в железе рабочие руки.
Грохот, лязг, вдохновенье
грохочет в моей груди:
– интернациональное
пенье
и гордый звук – победим!
Красная наша звезда,
ярко-солнечно блещет;

и песнь мирового труда
мчится огненно-веще!
Пламя. 1923, № 3, с.9.

Грузчики

Грохот и стали перезвон.
И свист, и визг, и беготня.
Тени черные колонн
сплелись вокруг огня.
Ревут бесконечные крики:
стой! раз-два, бей!
Бросают железо грузчики
на дроги усталых коней.
И звенит–звенит железо,
вонзаясь в усталую грудь.
Брызжет пот поэзой
омывая железный путь.
Солнце сегодня печет!
Работы больше–больше!
Но скоро гудок проревет
исходной вечерней болью.
Скоро догорит пожаром
солнце и трудный день.
Прокрадется железным бором
лохматая ночи тень.
Крик грузчиков скоро умолкнет.
Уйдут на ночной покой.
Но завтра гудок созовет их
ранней–ранней зарей.
И из свежих утренних уст
польется их ругань лавой,
а раннего солнца куст
озолотит их блеском алым.
Пламя. 1923, № 6, с.7.

В огне

Моя жизнь кипела в огне,
цвела в переливных гудках
жажда таилась во мне
к далеким зеленым полям.
Оставил завода гудки.
Пошел на поля необ'ятные.

И вот, защемило в груди
при виде деревни кудлатой.
У ней некрасивая поза,
соломой украшены крылья.
Тягучая, темная поза –
лачуги молчаньем покрытые...
И вот опять опять, как сильный гений
завод предстал передо мной,
заря и раннее волнение
гудка зовущего на бой.
Опять в заводе огнекрылом!
Передо мной опять огни!
И лавой красной, горделивой
закапали стихи мои.
Пламя. 1923, № 7, с.3.

Красный месяц, как трактор ползет,
будто хочет запирать рогами.
Это кто, это кто нам навстречу прет?!
Стой! Склонись перед нами!
Дорога зловещею лентой чернеет,
и в душах лучи огневые
уж близко! Заря пламенеет
и режут грань ряды стальные.
Пламя. 1923, № 8, с.10.

Инвалид заводской
Давным давно, –
не помню когда,
увечье дано
герою труда.
Беден он был
и сердцем болел
о детях и жене.
Грохотал и выл

завод во тьме...
В больнице лежал,
лежал инвалид.
Воздух дрожал
карболкой налит.
Слышались стоны
и дальний вой
черной машины:
– Инвалид заводской!
Опомнился – тихо;
няньки кругом.
В сердце лихость
забилась, как в дом.
Ноги – гири,
голова – плеть.
– Ужель в этом мире
не дано мне истлеть?!
В ушах звенит
пенье машин.
Слушай, зенит,
всхлипы души!
Разбитый лежал
в полусонном бреду,
а день трепетал
в солнца меду.
Хотел подняться,
но койка держала.
В груди гнездятся
грусть и жалость.
И вырвался стон, –
удушливый стон...
И снова бред,
мучительный бред...
– Счастья нет
– и радости нет!...
.....
... О, сладкий мак –
весенние зори!
Вам внимая, –
с протянутой рукой, –
жизнь огневая
окуталась тоской.
Улицы служат
вечным кровом.

Пальцы – ужас!
Лицо, как лужа
мутной воды.
Сегодня живет,
бродит, поет.
Сегодня жует,
а завтра... дым!
Годы прошли,
инвалид живет.
Жизни шии
ему песни поет.
В ушах звенит
пенье машин.
Слушай, зенит,
всхлипы души!
Слушай, зенит,
солнца звон, –
знаю, – пронзит
столетья он.
Угнетенный свет
вновь оживет:
революции цвет
рабство сметет!
Эту песню поет
дедушка Степан, –
с массой он идет
пролетариев всех стран.
Вспомнил просьбы,
стоя на распутьи...
Хлынули слезы
сверкающей ртутью.
Старость клонит;
в могилу-б пора.
Тарабанит – звонит
в окно детвора
– Дедушка Степа,
помоги нам скроить!
– Экие, хлопать!...
– Ну, отвори!
И вбегут детишки,
каждый дедом зван.
Примет сапожишки
дедушка Степан.
Час-другой – готово,

сшиты уж обновки.
Дедушка суровый
гладит по головке
и в добавок строго
детям скажет:
– «Учитесь! много
жизнь вам подскажет».
Дети унесутся.
В одиночке дед
слышит, как смеются.
Слез бы... слез уж нет.
Летели дни.
У дряхлого старца
потухли огни
в тяжелом сердце.
Были ноги...
В черной ночи
один за многих
лежал на печи.
Работать не может, –
советы кормят...
Ночью пожил,
А утром...
помер.
Играют оркестры,
бунят барабаны.
Густо-пестрый
туман над курганом.
Поникли знамена
до черной земли,
на них в именах:
«Степан инвалид».
В ногу дети
длинной цепью
прошли у кургана.
Горько петь им
любимую песню
дедушки Степана:
– «Слушай, зенит,
солнца звон!
Знаем, пронзит
столетья он!..»
Пламя. 1925, № 5, с.103.

Январь и май
Сердце до боли
сжалось в груди.
Зимняя вьюга
в сердце гудит,
злится и косит.
А что впереди?
Видим – весна
с зеленым маем.
Дорога тесна,
но мы шагаем.
Первый гром
прокатился глухо.
Первый гром
пробороздил, как пахарь,
майские тучи.
Это май могучий,
это жизни зелень.
Ленин сегодня
знамя поднял,
а черные тучи
мы размелем.
Размелем, разбросаем, –
даешь нам света!
С нынешним маем
Ленина заветы
разлетятся по свету,
как искры огня!
Пламя. 1925, № 7-8, с.140.

Песнь косаря
Расцвела сирень
в весенний день
залила ароматом весь сад.
В том саду не лень
отработать день.
Напевай-же звени коса!..
Я знаю кому
не родня хомут
и ярмо с рыжей шерстью быка.
Не словить весной
ему удали той,
что косарь на заре расплескал.
Пламя. 1925, № 7-8, с.145.

За что судили Шеста?

1.

Гришка Шест двадцать лет на синей и визгливой Волге. Шест - потому что сажень ростом Гришка. Еще парнишкой по пристаням носильщиком скакал. Пришлепает из Саратова или Астрахани теплоход - Гришка шмыг на пристань и скулит:

- Барин... Дядя... Давай поташу багаж... Пятак только... Таскал и за семишник. Но больше за пятак.

В дом приносил всегда два-три пятака, еще один - два на жратву и лимонад тратил.

Мать у Гришки, с ямочной грудью, прачка. Отец - сапожник с пятерыми ребятами ее оставил; чахотка заела его.

Гришка - старший среди ребят, подмога матери.

Когда подрос и стало 16 ему, то грузчики в артель взяли.

К этому времени Гришка сорок пятаков скопил. Четверть водки поставил. А не поставил-бы - в артель не взяли.

Когда осушили четверть - заерепенелись грузчики, а староста хлоп по палубе десятифунтовым кулаком - гирей:

- Самолет! на красненькую - тащи еще.. Гришка отработает...

И так - всю неделю пили.

Потом целый месяц отработывал Гришка...

2.

Весной особенно хороша Волга. Возле Царицына разливается она на десяток верст. Кинешь взгляд, кругом задорно бурливые волны. Пристальной встмотришься, вперед или вправо, - берегов не видать, Волга слилась с небом, как море.

- Быстро бежит она в Каспий. Журчит. Кружит. Колокольчиками приятными звенит...

Пароходы двухэтажные скользят. Баркасы туда-сюда бегают. Наливные нефтью баржи ползут.

Гудки разные по сердцу тренькают - радость в груди катают.

А вечером - благодать настоящая. Высыпит говорливая артель на берег. Дожидаются парохода. Задымят махрой. Каляканье разведут...

Солнце только прятаться - Волга розовой станет и, тут как тут, вечер синий, синий волжский вечер!..

Волга в огни наряжается. Когда тихо - в ней все звезды, все береговые фонари. От барж и пароходов - тоже огни... А дунет легкий волжский, с запахом акации, ветерок - звезды, фонари, огни запрыгают, засверкают на волнах...

Грузчики долго слушают одного. А тот медленно гундосит о манящей вольнице Стеньки Разина, который со своими молодцами хозяйничал на

Волге, купцов и бар грабил, который становище в Царицыне имел, вот здесь, на берегу... Персидскую княжну в этой вот самой Волге утопил... Хотел всех бар, всех купцов пустить на дно, чтоб вольнее жилось безземельным, бегунам...

- Э-эх!.. - вздыхает тяжело, полной грудью артель; сотней блестящих, сверкающих глаз всматривается в сине-черную даль.

Вот показался мигающий огонек... Стал ясней. Теперь уже несколько огоньков. Особенно весело мигает зеленый... Кажется, плывут по Волге только одни огни и все ближе, ближе к Царицыну...

А тут еще луна вылезла на средину неба и ну серебрить Волгу. Ветерок рябит ее; рябь блеском кувыркается...

...Как же не любить такую Волгу?! И Гришка здорово любил ее. Да как любил!.. В гражданскую он в уфимских степях с генералом Дутовым резался. Месяца три по степям маячил. Надоели серые пески, с их шуркающими песнями. Надоели однообразные кибитки со скуластыми и косоглазыми киргизами. Скука за самое нутро взяла, скомкала его, в тиски сжала... Захотел серебристую Волгу... Никому ни слова и в Царицын...

Когда приехал, посмотрел на синюю, огнистую гладь, - легче стало, ураган в нутре улегся...

Сейчас же в военкомат, к комиссару явился и радостно рапортом:

- Так что, товарищ комиссар, я - дезертир. Из-под Дутова убежал. Причина тому была: по Волге соскучился. Хочу здесь с Врангелем драться, Волгу защищать...

Комиссар вопросом к Гришке. Потом проверил документы. Расспросил кто такой... Гришку в Энский батальон определили. Драться с Врангелем стало жарче, чем с Дутовым. Под боком Волга сердечная, как бы не забрал ее Врангель!?!..

3.

...Ша! - расквитались с белогвардейцами. Загнали их в Черное море... Начали теперь ладить свою жизнь, мастерить ее.

Гришка Шест опять на Волге. Стальной спиной перебрасывает с пароходов на берег тюки, тары с рыбой. Грузит Астрахани мешки с мукой.

Сегодня за неделю выдали. Хотел идти домой. Уполномоченный рабочкома предупредил, что пароход из Саратова ждут.

От нечего делать в пивную всем гуртом забрались. Дернули дюжину - мало. Вторую - мало... Кто-то самогона достал, назюзюкались вдрызг. Гвалт взвихрили. Сизым дымом окутались... Вдруг прибежавший с пристани Митька звонким голоском по спинам грузчиков:

«Урицкий» пришел!.. Пять тысяч сгружать!..

Только из пивной, а тут жена Гришки - Марья под ноги. Выговаривать начала:

Что-же это ты?.. Дома жрать нечего, а ты...

Гришка в карман:

На пятерку...

Мало, Гриша...

Что?..

Гриша, дети ждут...

-Пшла-а!..

Грузчики столпились, кольцом взяли Гришку с Марьей.

Низкий, широкоплечий Сенька Бублик к Гришке:

Ты дай... Жена, чать, она тебе. Дети ...

Гришка вывернул глаза на Марью:

Что?.. Срамить что-ль пришла меня, а?..

Марья котенком к нему:

Нет, Гриша...

Пшла-а, говорю!.. Кинулся бешеным псом к Марье. Сбил ее с ног.

4.

Клуб «Волжский Грузчик».

15 октября 1924 года. В среду. СОСТОИТСЯ СУД над грузчиком Григорием Скворцовым, избившим свою жену. Культотдел.
--

Такие объявления по всему берегу Волги глазают. Возле клуба штук пять. Даже в центре города кое-где топырятся.

Гришка Шест сам не свой. Никак он не возьмет в толк: зачем эти афишки, зачем этот суд, зачем очернили его на весь берег, город?.. Разве он не может дать встряску жене?..

Два раза в союз вызывали. Первый раз зав. культотделом, Пашка Крюков, здорово в работу взял; грозил из союза выгнать, с работы снять... Но за что - не понимал Гришка...

Второй раз к бабам в переделку попал. При клубе какая-то комиссия по новому быту есть: в этой комиссии три бабы и два грузчика. Грузчики не пришли, а бабы-то и насели на Гришку. Особенно титькастая Костюкова, делегатка-грузчица:

Рукам волю давать нельзя... Баба-то, чать, не скот какой, а человек...

Гришка подумал недоумевающе: «Какое им дело до моей жисти...» И зло выпалил:

Вы вот что, бабы, матню не разводите, а говорите толком: зачем сюда призвали меня?

Костюкова как начала отчитывать - у Гришки тар-тарарам в голове пошел. Потом расслышал едкие слова Костюковой:

Ты, Шест, не больно того, расходись, а то разом тебя разведем с Марьей, будешь без жены...

Как так?! - вскочил Гришка.

Очень просто, - продолжала бить Костюкова, - теперь не те времена, теперь женщина не раба, а свободный и равный мужчине человек...

У Гришки туман в голове, как хлюпающим осенним утром над Волгой - не видать ничего, нудно, тяжело...

5.

Пятый день нет Гришки дома; ночует на берегу.

И сегодня вечером - кончил погрузку на «Спартаке» и от шума за купальню. Разостлал мешок пол бревнами, бросил подушку с крюком в голова и бух на живот. Подпер руками подбородок. Уставил глаза на переливающиеся серебром волны...

От левого берега до Гришки огневая полоса по Волге блещет от луны. Там начинается она широко, отликает синеватым огнем, а к Гришке суживается, и вот здесь, у правого берега, никелевой ленточкой узенькой на волнах трепыхает, а еще ближе, - рукой почти можно достать, - точечками блестящими волнуется.

По этим точечкам, внезапно быстро заскакавшим от подувшего сильней ветра, Гришка глазами бегают, а вдогонку мысли разные:

«Что-ж это такое?... Что они дурят надо мной?.. Какого черта еще бабы эти мудруют?.. С Марьей разведут, слышь: Я им разведу!»...

На шум сзади оглянулся. Луна вылепила фигуру Терешки Быка, качающегося маятником и через каждые два-три шага спотыкающегося о ровную насыпь песка.

У Гришки, вслед фигуре, мысли экспрессом:

«Почему именно на меня только напали?... А вон Терешка-то еще хлеще дубасит свою Натку... Почему же меня только в суд?»...

Бык растворился в бледной тени пристанского лабаза.

Гришка снова глазами по искрящейся серебром полосе, спокойной уже и ровной...

Здорово, Шест!.. Вот ты где, брат, обитаешь?.. Не сыщешь тебя!... - звонко сзади раздался голос и поплыл по сверкающей ряби на ту сторону.

Гришка бревном перевернулся на спину; разглядел - Сенька Бублик.

Здорово, - протяжно пробурчал Шест.

Я, это, к тебе делегатом, брат, - сядьсь возле Гришки, четко и громко начал Бублик, - вишь, дело-то в чем... Марья была... Раз десять на берегу была, а не смеет подойти к тебе - ну, боится что-ли... Я это заметил; в разговор с ней...Плачет...Домой хочет, чтобы ты пришел...Ты что это, а?..

Э-эх...- вырвалось у Гришки.

Что-о?..

Да так я...

Что так?.. Малец что-ль какой?.. Избил жену-то - виноват, значить... Ну, и ладно... Поговорить с ней надо... Да брось эту скверную привычку... Что Марья - не человек?.. Ты вот наделал ей пацанов, посадил в кухню да и все... Разве жисть ей это?.. Умора одна!..

Гришка поднялся, сел. Руками обхватил колени, притиснул их к подбородку.

В груди что-то забеспокоилось. Какие-то щекотливые шарики пошли кататься...

Я вот тебе расскажу историю с моей Дунькой, - продолжал Бублик. - Как это только начала она в клуб шемоняться, - человеком стала, а, раньше так же ведь, скулила, как и твоя Марья... А теперь - грамоту знает, делегаткой

работает, кухню бросила...Теперь, чать, мы с ней и Мишкой в «Нарпите» столуемся... Понимаешь, брат?.. Жисть новая... Понимаешь?..

У Гришки отчаянно защекотили в сердце шарики, кровь взбунтовали; голова от мыслей разных потяжелела...

Грудь жалостью, тоской до краев наполнилась...

Бросил глаза в сине-черную звездную даль, пробежал по блестящей волжской ряби. Мотнул головой, выпрямился и широко раскрытыми глазами уставился в узкие щели глаз Бублика. А тот не переставал зудеть:

Ты понимаешь?.. Новая жисть... Не старая... Новая, наша, какую нам надо... Понимаешь?..

6.

В клубе на сто грузчиков триста баб. Дверь заперли. Не пускают. Некуда.

Завкультотделом - Пашка Крюков - в звонок со сцены:

Тише!...

Враз замерло.

Сегодняшний вечер, - начал Пашка, - у нас будет суд, настоящий суд. Мы разберем дело Григория Скворцова, всем нам известного Шеста... Первое слово предоставляется делегатке Костюковой.

Из-за стола вышла скуластая Костюкова - грузчица. Красный платок с головы - на стол. Встряхнула ворох стрижек. Забрала их рукой назад. И зычным мужским голосом в зал:

Товарищи! Мы все знаем об этом деле, какое учинил Гришка Шест над своей женой. Она просила у него денег, а он избил ее... Так не годится Жена - это не раб, а товарищ и друг. Так нельзя обращаться с женой...

И пошла Костюкова ворочать. Да все звончей, да хлеще. Целый час гудела со сцены. Потом громко закончила:

Нужно бросить старые привычки. Нужно строить жизнь по новому - не люб человек тебе,- оставь его, а не бей, не измывайся над ним...

Клуб задрожал. Бабы взвизгнули в один голос:

Верно-о-о!

Где Шест?!

Пашка Крюков в звонок. Когда стихло хрипло в зал:

Слово предоставляется защитнику, т. Колосову. Клуб - вверх ногами.

Триста бабьих глоток в сцену:

-Долой защиту!..

-Где Шест?!.

Гришка из правого угла выполз сгорбившимся старичком, с нахлобученным на глаза картузом. Поднялся на сцену. Уперся глазами в люстру. Несколько раз переступил. И громко, дрожащим голосом:

Товарищи!... Все слышал я... Все передумал... Верно все это... Понял я, что значит новая жисть сейчас и новые порядки...

Дальше не мог говорить - к горлу подступило, сдавило его; из глаз заискрились крупинки слез...

Бабы повскакали с мест. Сгрудились к сцене. В проходе тоже образовалась кучка. У входа третья. Заговорили несколько десятков голосов - три митинг в клубе... Пашка - на выручку: что есть силы, гаркнул в зал:

-У меня есть предложение: приговор Скворцову вынести такой, чтобы он публично извинился перед женой - это раз; потом, если он хочет жить с своей женой, пусть даст здесь слово, что он не будет больше колотить ее!..

Клуб визгливо:

-Правильно-о!..

Гришка смял картуз вдесятеро, смахнул им соленые и едкие слезы и радостно:

Я, конечно, супротив сожителства с Марьей ничего не имею... Чать, мы двенадцать годов прожили с ней...

Гришка - глазами в правый угол зала.

К сцене вышла Марья. На руках Петька - пискун.

Задрожал Гришка... Наклонился в ее сторону, снизил голос:

Прости, Марья, - больше не буду...

Клуб в пятьсот ладошей. Платки вверх птицами. Улыбки у всех. Шепоты в уши... Заметавшееся радостно сердце и забурлившая потоками радости кровь заставили зычно выбросить:

- Я даю слово в этом!.. И еще призываю всех наших грузчиков не бить баб, не измываться над бабами!

Пламя. 1925, № 1, с.4-6.

Старик

Максими́ч лежал, обложенный подушками, накрытый до пояса сверкающей белой простыней, под которой покоилось длинное костистое тело, и настолько оно было длинно, что ноги едва умещались на постели. Поверх простыни вытянулись тонкие жилистые руки старика с набухшими синими венами. Изредка ладони его-то медленно сжимались, то так же медленно разжимались...

Старик на секунду приоткрыл голубоватые глаза и снова закрыл их.

У него были удивительно белые волосы, такие же необыкновенно белые борода и усы; белизна их еще ярче оттеняла его загорелое, будто отлитое из бронзы, лицо.

В просторной горнице было довольно светло, хотя небо еще с утра походило на разбушевавшееся море: по нему быстро неслись тяжелые тучи, нагоняя одна другую, сталкиваясь, взлетая, будто волны. По просьбе Максими́ча с окон сняли занавески, и теперь уличный свет ярче освещал комнату, отчетливо выделяя развешанные по стенам кабаньи черепа, чучела разных птиц, зверей. Здесь, словно в музее, были собраны представители чуть ли не всего пернатого и животного населения волжского межустья. Максими́ч всю свою жизнь занимался добычей рыбы. Однако он очень любил и охоту. К нему часто приходили экскурсии школьников, знакомились

с редкостными сайгой, фазаном, лаской, фламинго, барсуком. Особо выделялся среди чучел белый лебедь, будто живой, распластавшийся чуть ли не по всей стене, около которой стояла кровать Максимыча.

К отцу в рыбацкий поселок съехалась почти вся семья; только не было еще младшего сына-любимца, веселого и задорного Василия, но и он прислал телеграмму, что скоро будет дома: командование разрешило ему поездку к отцу, и он вылетел самолетом.

Открывая глаза, Максимыч обводил медленным взглядом детей.

Вот старшая дочь Мария — высокая, худая, в очках — заслуженная учительница, она обучает в школе детишек рыбаков. А это — смуглая, черноглазая, словно цыганка, — младшая Галина, городской врач, лечит рабочих судоремонтного завода. Дальше сидит рослый, плечистый старший сын Андрей — закоренелый рыбак. Рядом с ним — поджарый, непоседа, средний сын Сергей — инженер-строитель, только что приехавший из Сталинграда.

«А Василий? Василий?..»

Напрягая угасающее сознание, старик вспомнил, что Василий охраняет рубежи советской державы.

Вот оно какое у Максимыча потомство!

Лицо его посветлело; посветлели и слегка подернутые белесой пеленой голубоватые глаза; плотно сдвинутые губы дрогнули, готовые, казалось, что-то произнести.

Однако страшная слабость, будто тяжелый сон, снова одолела его, и он впал в забытие.

Силы Максимыча угасали. Но ему было безмерно жалко расставаться с жизнью.

От времени до времени старик тихо спрашивал:

— А Васи нету?

Почти каждый год приезжал Василий в отпуск к отцу. Они вместе охотились, пропадая по целым суткам в камышовых делях, в ильменах и ериках, часто выезжая на раскаты — мелководную часть Каспийского моря. Особенно любил Василий вечерянки — те милые сердцу охотника минуты, когда после захода солнца становится вокруг тихо-тихо, начинает быстро смеркаться, и птица летит на ночевку на заросший камышами ильмень. Птица летит низко, даже слышен шелковистый шелест ее крыльев, посвист воздуха — фьюить!.. А ты стоишь, притаясь, в камышах и снимаешь утку за уткой. Птица летит даже и когда совсем уже стемнело. И ты, чтобы не промахнуться, смотришь — целишься на запад, где еще тлеют чуть заметные розоватые полосы... Сколько Максимыч с Василием привозили домой чирков, уток, гусей! Несколько дней подряд жарили и коптили они дичь, чтобы затем послать подарки-посылки с птицей Сергею в Сталинград, Галине в Астрахань, товарищам Василия на границу. Перед окончанием отпуска Василий тщательно чистил ружье, смазывал его, вешал на стену рядом с отцовским и, обнимая Максимыча, душевно говорил: «Значит, до будущего

года, папаша!» Каждый раз с радостным, нетерпением ожидал Максимыч новой встречи с сыном.

«Э-эх, Вася, Вася... — думал старик, приходя в сознание. — Увижу ли я тебя...»

Лицо его суровело, на лоб набегали морщины. Но когда в открытые окна вривалась влажная солоноватая моряна, Максимыч вздыхал полной грудью, лицо его снова светлело, морщины на лбу разглаживались, пальцы начинали быстро-быстро шевелиться, будто перебирали сети. В это время он наверно вспоминал поросшие камышом протоки и ерики, вспоминал переполненные рыбой сети, а возможно, глухое озерко, где в камышовых зарослях отдыхали утки и гуси.

В окна был виден песчаный берег, одинокий серебристый тополь, далекие камыши, широкий Главный банок, по которому то и дело вверх и вниз скользили моторные, и парусные суда — рыбацкие, нефтеналивные, пассажирские... И когда приветственно раскатывался над поселком мощный гудок знакомого судна, Максимыч, словно просыпаясь, вновь открывал глаза.

Он узнавал пароходы по гудкам.

По «банку» плыл большой, белый, будто диковинный лебедь, рефрижератор — плавучий холодильник. Он плыл медленно, величаво. Навстречу рефрижератору показалась колонна быстрых и юрких сейнеров — моторных рыбацких судов, которые заменяли теперь прадедовские утлые парусные суденышки.

Максимыч тихо, удовлетворенно улыбнулся, и еще большее удовлетворение озарило его лицо, когда в наступившей на какой-то момент удивительной тишине донесся с противоположного берега знакомый стук двигателя и обрывки веселой песни — то рыбаки и рыбацки вынимали с помощью мотора тяжелый засмоленный невод. Не так работали в старину. Трудная у них была молодость.

Старик тяжело, шумно вздохнул, медленно закрыл глаза. Сидевшие около кровати повернулись к нему. Галина осторожно дотронулась до руки отца, нащупала пульс.

Все посмотрели на нее.

В горнице становилось все светлей, будто наступало утро: небо все еще бурное, как море, заметно прояснялось. Моряна настойчиво разрывала тучи, и сквозь них вот-вот должно было прорваться солнце.

Вопреки старому обычаю, — чтобы в доме, где вдруг тяжело занемог человек, стояла полная тишина, — у Максимыча было довольно шумно. Повод к этому подал сам старик. Видя, как дети, удрученные его болезнью, осторожно, на цыпочках ходят по комнате и как они сдержанно, шепотом разговаривают, он попросил включить радиоприемник и говорить громче. И теперь, сидя у постели отца, сыновья и дочери, зятя и невестки, давно не выдавшиеся, оживленно разговаривали, пытаясь отвлечь старика от мрачных мыслей. Всем хотелось, чтобы отец пожил еще, повидал своего любимца Василия. Когда включили радиоприемник, в комнату влилась бодрая,

жизнерадостная музыка. Передавали симфонический концерт. В звуках симфонии была могучая, властная, влекущая к жизни сила.

Слушая музыку, старик открывал глаза, улыбался.

Помимо сынов и дочерей, зятьев и невесток, в комнате Максимыча находились и его старые дружки-приятели, которые пришли проведать его, справиться о здоровье. Старики сидели в сторонке, поодаль от Максимыча, у боковых окон и негромко беседовали.

Глядя на молча лежавшего на кровати Максимыча, один из рыбаков — широкоплечий и лысый — задумчиво промолвил:

—Что и говорить! Наш Максимыч пожил, повидал всего. И на Тихом океане побывал и на Беломорье. Вон сколько людей-то научил каспийскому рыбацкому мастерству: до сих пор ему каждый день все письма и письма благодарственные.

—А сколько он для нашего поселка сделал! — отозвался тучный белобородый старик. — Чего только одна наша школа стоит!

Он кивнул на боковые окна, за которыми вдали поднималось над рыбацкими домами двухэтажное каменное здание с узорчатыми башенками по углам.

—Такой школы ни в одном поселке нет, — сказала Мария, поглядывая на отца. — Разве что только в Астрахани...

— А клуб какой отстроил! — продолжал тучный белобородый старик. — Эдакого, пожалуй, и в Астрахани не найти.

—Не клуб, а Дом культуры, — поправил белобородого третий, худощавый, с пустой трубкой во рту, рыбак. — А еще правильной — Дворец культуры!

Из боковых окон было видно, как в центре поселка, на площади, сверкало яркоголубое массивное здание с белой колоннадой, со статуями девушки и юноши у входа, с открытой вышкой-беседкой, над которой полоскался длинный красный флаг. Великолепное здание это казалось кораблем, плывущим над поселком.

— Много полезного совершил человек, — значительно сказал лысый рыбак и в удивлении развел руками. — И был-то председателем колхоза тогда гляди, всего каких-нибудь два или три года!

— Верно, верно, — подтвердил белобородый, — Максимыч — настоящий человек! А сколько нашего народа вывел он в люди. Всю семью свою произвел в интеллигенцию. Рыбак кивнул в сторону детей Максимыча, словно говоря: «Гляди: та — докторша, тот — инженер, а та — учительница...»

Сергей, сидевший ближе других к старикам, согласно качнул головой и с нотками гордости в голосе сказал:

— Да, папаша немало хорошего и нужного сделал на своем веку. И не только в нашем колхозе. Глядите сами: я вот строил канал Москва-Волга, строил канал Волго-Дон. И когда я получал награды, я всегда вспоминал папашу, всегда был ему благодарен за выучку. Будто и он со мной строил эти каналы.

Сергей поднялся, ласково взглянул на отца, зашагал по комнате и продолжал:

— Теперь вот перешел я на строительство Сталинградской гидростанции. И вот вместе со мной, я считаю, и папаша перешел туда же. Определенно! Мы с ним всегда неразлучны. И тогда будем неразлучными, когда начнем строить гидростанции и плотины на сибирских реках, повернем их течение, направим в Волгу...

Заметив, что глаза у отца открыты и он, казалось, внимательно слушает, Сергей спросил его:

— Правильно я, папаша, говорю? Максимыч беспокожно, шумно повернулся на бок.

— Правильно, сынок...

Сказанное отцом дети поняли только по движению его губ.

А Сергей вдохновенно продолжал развивать свою мысль:

— Наш папаша не только рыбак. Он еще и врач, и строитель, и педагог, и пограничник. Потому что он всегда живет в своих детях и все, что делают они, значит, делает и он. Разве это не верно?

— Правильно, Сережа! — подхватил Андрей. — Подтверждаю! И имей в виду, что папаша наш не простой рыбак, а ученый. Именно ученый рыбак! Кто помог нашему земляку-профессору Павлу Гавриловичу доказать возможность лова рыбы на электросвет? А кто, как не мы с папашей, первые на нашем Каспии проводили опыты бессетового лова рыбы: опускали в море прожектор и рыбонасос, и килька, будто бешеная, мчалась на свет прожектора, а рыбонасос тут же выкачивал ее прямо на судно!.. И я уверен, что мы с папашей еще испытаем способы лова рыбы на звук и электроток.

Старик умиленно слушал сына. Чувство глубокого душевного удовлетворения охватило его. Это он, Максимыч, повсюду успеваешь в жизни, продолжая жить в каждом своем сыне, в каждой дочери, во всех их малых и больших делах. Он хотел слушать об этом еще и еще.

И, словно угадывая желание отца, Андрей восторженно говорил о его заслугах.

— Или взять вот опытный осетроводный заводик — рыбоиспытательную базу «Батрачок». Ты представь себе, Сергей: там уже искусственно выводят осетрят и севрюжат! Сколько их нынешним летом выпустили в Волгу — боже мой! А сколько наш папаша вместе, с профессором выпустил в Волгу этих самых севрюжат и осетрят! И вот ты, Сережа, понимаешь, что получается? Ты строишь плотины, каналы и создаешь новые моря, а мы с папашей дадим этим морям ценнейшую рыбу... Папаша, а ты не забыл, что дал слово тому ленинградскому профессору участвовать в строительстве настоящего, большого осетроводного завода?

— Помню, сынок... — дрогнувшим от волнения голосом вдруг откликнулся Максимыч и, нетерпеливо приподнимаясь на локте, поочередно оглядел всех. Он часто, растревоженно дышал, голубоватые глаза его блестели. Душевный подъем, охвативший Максимыча, был настолько велик,

что, казалось, старик сейчас встанет с постели и зашагает по комнате. Галина поспешила к отцу, чтобы не дать ему подняться.

– А Васи все еще нету? – свистящим шепотом спросил он.

– Вот-вот должен заявиться, папаша! – чуть ли не все сразу ответили дети. – Звонили в город! Московский самолет прилетел вовремя!

По лицу Максимыча скользнула успокоенная улыбка, и он медленно опустил голову на подушку.

В горнице неожиданно сразу и резко посветлело. Солнце, разорвав тучи, хлынуло на поселок сверкающим золотистым водопадом, и комнату заполнили ослепительные жаркие потоки света. На никелевых шарах кровати весело заиграли солнечные лучи.

Все зажмурились на секунду от яркого света глаза, заслонились ладонями.

Вместе со светом в комнату ворвался запыхавшийся молодой полковник. Волосы его были взлохмачены, фуражку держал он на отлете, готовый швырнуть ее. На кителе его сияла Золотая Звезда, радужно сверкали четыре планки орденских ленточек. То был младший сын Максимыча – любимец Василий.

Растерянно стоя посреди комнаты и глядя то на лежавшего на постели отца, то на братьев и сестер, он, казалось, спрашивал: «Ну что? Как?..»

Галина, предостерегая его, подняла палец: тише, дескать, осторожней!

Василий на цыпочках двинулся к постели. Но Максимыч, признав сына уже радостно улыбался, протягивая руки, готовый подняться.

– Вася...

– Папаша!

Сын опустился на колени, припал к изголовью, обнимая и целуя отца.

– Любый мой... сынок...

– Родной... папашенька...

И вдруг в распахнутые окна влетели призывные клики лебедей. Лебеди трубили торжественно, словно горнисты. Радостные голоса их медленно плыли над поселком.

Лицо Максимыча неожиданно осветилось каким-то особенным, внутренним светом.

Взволнованный, он приподнялся, оперся о плечо Василия, опустил ноги на пол и, поддерживаемый сыном, встал – огромный, высокий, старик чуть не касался головой потолка, – немного постояв, он шагнул к окну, откуда неслось диковинное лебединое пение.

Над поселком низко летела большая стая белых лебедей; широченные крылья их казались развернутыми парусами. Максимыч перевел взгляд на берег, на дальние камыши, на Главный банок. Повсюду кипела извечно неугомонная, неутомимая, никогда не прекращающаяся жизнь. Быстро катились к морю бурные воды. Качались под ветром камыши. Яркое светило солнце. Рядом стоял сын – любимый сын! Здесь же находилась вся семья, старые дружки-приятели. И непрерывно звучали победные, ликующие голоса пролетающих лебедей.

Все это близкое, родное наполняло Максимыча ощущением радости и довольства, и он почувствовал прилив необыкновенной уверенности и душевной силы.

Будто замороженный, старик глядел то на медлительно плывущих лебедей, то на стоявшего рядом Василия... Наконец он тихо, растроганно заговорил, обращаясь к любимому сыну, который вместе с ним следил за лебединой стаей:

– Завтра, Вася... завтра пойдем на вечерянку... Отдохнешь вот денек, другой... и пойдем... И мне к завтраму станет, чую, совсем полегше...

Повернувшись к остальным детям, он просто, будто ничего особенного не случилось, сказал им:

– Завтра на ужин непременно будет утятина... Мы уж с Васей постараемся...

Все стояли молча, широко раскрыв глаза, изумленно глядя на Максимыча.

А он, медленно опускаясь на придвинутый Василием стул и обводя всех вопрошающим взглядом, вдруг сердито сказал:

– Чего ж молчите? На поминки, что ли, явились?

Галина и Мария поспешили к отцу:

– Что вы, папаша! Что вы!.. Галина подложила под спину отцу подушку, Мария подставила ему под ноги скамеечку.

Довольный, полулежа на стуле, старик убеждающе попросил старшую дочь:

– Машенька, ставь же самовар! – И тут же гостеприимно пригласил старых дружков-приятелей: – Присаживайтесь, братья, к столу. Прошу: присаживайтесь! У меня же праздник сегодня: и Вася приехал, и все приехали... Давай-ка, Машенька, ежевичную настойку, что ли. А вы чего же? Андрюша, Сережа, Галюша! Присаживайтесь!

И Максимыч, ласково посмотрев на Василия, повернулся к окну, увлекаемый лебедиными кликами.

Лебединая стая уже пролетала поселок, держа путь на соседние Белые ильмени, где росли ослепительно белые, душистые лилии и где неизменно собирались на ночевку утки, гуси, лебеди.

Звезда. 1953, № 6, с.49-53.

Иван Стукалов

Я сегодня в пыли
Я сегодня в пыли, черный сажей оброс,
я недавно огни зажигал,
в полуночную темь пламя алое нес
и огонь меня нежно ласкал.
Пусть лежит на кудрях черной сажки кусок,

пыль не смою с широкой груди, -
превращу это все в золотистый песок,
вместо терний цветы рассажу впереди.
Пусть проклятья мне шлет старый сказочный бог,
что я черный такой грубиян.
На заре протрублю в металлический рог:
мы сождем во всем мире бурьян.
Пламя. 1923, № 1, с.7.

В мартеновском цехе
Красным плащом оделись топки,
раскосматился дым от машин,
искрометные брызги, как хлопки,
вылетают из пастей мартэн.
Семь изложниц, - железных бокалов,
поставлены стройно в ряды, –
налиты они пуншем алым
из бурлящей вулканом руды.
Мчатся искры, как красные галки,
цех шумит, как под бурею лес,
выплывают кометы - вагранки
под тяжелый грохочущий пресс.
Пар и копоть свиваются выше
над раскрывшем пасть горном,
вагонетки промчались под крышей –
чашей полной седым чугуном.
Пламя. 1923, № 3, с.7.

Я не один
Я не один узор зари снимаю.
Я не один хочу, чтоб лоснилась дорога.
Колючий терн с пути срезаю,
я не один – нас много–много.
С глубоких шахт стальные легионы
растем, растем – труда богатыри.
Нас выслали грядущие мильоны
жизнь радостью и солнцем озарить.
Спешит и солнца луч надзвездный
согреть застывший льдом залив.
Я не один бросаю искры света в бездны,
мы все – великий коллектив.
Пламя. 1923, № 6, с.3.

Мы – грузчики на корабле
У нас слабых и нежных нет.
Нас ничто не страшит впереди.
– Кто с подушкой под груз подходи!
Освежил, озарил нас рассвет.
Будет солнцем купать нас день,
светлым потом обдаст горячо.
– Сто пудов мне клади на плечо!
Заломился картуз на бекрень.
Труд горячим ключем кипит,
напружинились горы – спины
и упорный напев дубины
Над прибоем морским летит.
Точно буйный поток распружон
богатырские руки и спины.
В даль морскую плывут исполины –
там «Красный Баян» нагружон.
Пламя. 1923, № 8, с.1.

Волга зимой
Точно в панцирь стальной
Льдом оделась река,
Уж не спорит с волной
Челночок рыбака.
В белом платье река –
Не шумит – поглядишь,
Не колышет волна
И прибрежный камыш.
За косою вдалеке
Огонёк не горит.
Вдоль по Волге-реке
Путь уж санный лежит.
Ветер злится, вертит
Белоснежной пыльцой,
Через Волгу трусит
Кляча с возом рысцой.
Факел. 1922, № 1, с.1.

Иван Валяло

Топор
Постукивает неустанно,
блистая сталью лезвия.

А щепки наземь, щепки пьяны –
смолистым запахом звенят.
С утра до вечера так любо.
И нипочем, что солнца зной.
Все веселей каленым зубом
топор впивается в бревно.
И в каждом взмахе и ударе
я чую радость, чую страсть.
На вольной стройке Коммунаров
крепка мозолистая власть!
Пламя. 1923, № 3, с.8.

Первые вести

К приезду из-заграницы в Россию В. И. Ленина - 1917 году.

Дымился туман голодный
всю ночь, как весенний снег,
а утром в казарме холодной
заискрился солнечный смех.
И после обычной поверки,
уходя на посты, наряд
расбросал свой весело-дерзкий
необычный солдатский взгляд.
А те, что пришли со смены,
простояв до зари без сна, –
у одного в глазах синела весна,
сказал: – приехал Ленин!..
Пламя. 1925, № 1, с.8.

Песня кузнецов

Гулок молота топот,
зорок рабочего глаз,
черны мы в чадном потопе –
этот потоп не утопит нас!
Звонче поют наковальни:
грохотно к смелой борьбе,
нас недаром звали
песни Октябрьских побед.
В битвах – товарищей убыль,
много боев впереди –
свободу, свободу мы любим,
в рабство себя не дадим!
Будем ковать неизменно:
братья на помощь зовут –
за рубежной стеною пленно:
– К бою, товарищ, готовым будь!

Пламя. 1925, № 2, с.32.

Плотники

На улице, на перекрестке,
вдруг вспыхнет за плечем пила,
иль светлой тонкою полоской
блеснет топор из-за угла.
Они проходят на работу
по одному, вдвоем, втроем, –
вселенскую нужду – заботу
свалить широким топором.
Кряжистее озерных сосен,
и пахнут дымом смоляным;
в глазах цветут десятки весен,
а в бородах – десятки зим.
Усталой прихоти не знали –
и крепили руки, ноги, грудь;
и музыка каленой стали
их славит ежедневный труд.
Пламя. 1925, № 3-4, с.64.

Песенники мая

Свой путь от края и до края
(от края и до края песнь – заря)
проходим – песенники мая:
каменотесы, слесаря.
Шахтеры, плотники – рядами,
в союзе крепких рук,
годами, городами,
чтобы свершить свой круг.
И, подымая выше трубы
и флаг рабочий всем всех стран,
и песнь свою поем и любим:
от края и до края песнь – заря!
Пламя. 1925, № 6, с.120.

У чадного котла

Ворочали силою рук,
напрягались мускулы туго,
упирались ноги упруго,
чтобы меньше мук –
помогали друг другу.
Обжигали песок и смола
и огонь дымно косматый –

все упорнее клокот котла,
но лица смеялись скулато,
и блестели солнцем асфальты.
Так, привычные с малых лет, –
закаленное тело взрослых, –
отвечали жизни просто,
руки знали один ответ –
вздымай железные весла!
Пламя. 1925, № 7-8, с.145.

К. Лебедев

Гудки

Протяжно и гулко гудок прогудел,
унесся по сонной реке;
Ему отвечая, другой заревел
и, так же затих вдалеке...
Кого и куда призывали они
напевом могучим своим?
Нам скажут дома, где взметнулись огни
над утром туманно-седым.
Но кто по дороге заводской идут
в руках топоры, молотки,
рубанки и, прочий, инструмент несут, -
не им-ли, гудели гудки?..
Пламя. 1923, № 3, с.9.

Ткачихе

Стучит станок, шумит привод,
снует челнок меж ниток лихо,
а за станком седьмой уж год
с разрухой борется ткачиха.
Хоть и хрипит больная грудь
от ряда лет борьбы суровой,
но нет! Не хочет отдохнуть!
О, на посту стоять готова.
Стучит станок, шумит привод,
снует челнок меж ниток лихо.
А за станком нам счастье ткет,
социализм нам ткет ткачиха.
Пламя. 1923, № 7, с.11.

В полях
Заклубилася дымкой тумана река,
Потянулись цепочки гусиные
Из далекого юга к седым берегам,
Синеву изоткав паутиною.
Загалдели грачи, митингуя в ветлах,
Застонал куличек над болотами,
Ощетинились жнивой небритою поля, –
Ум крестьянина полон заботами.
То разладилась что-то некстати, соха,
То одно, то другое не ладится.
Отощал уж и сам, и лошадка плоха,
И не дремлет нужда – зверем крадется...
Вон, в коммуне, не то! Там работа кипит,
Там весна только силы прибавила,
Мощный трактор в полях крупным шмелем гудит,
Мысль сильнее мозги забуравила.
Сотни рук – не одни, что нужда им – плевать!
Все под силой мозолистых спорится.
Не пора-ль, хлеброб, бросить «галок считать»,
Не пора-ли в коммуны устроиться!..
Пламя. 1925, № 7-8, с.146.

Владимир Соловьев

Комсомольская кузница
Искры. Грохот.
Хохот. Хохот...
Визг. Шипенье...
Сталь, как тесто.
Всюду крики звонких глоток.
Старым, дряхлым нет здесь места.
Стук несется в даль,
как песня.
Золотистым
серебристым
переливом отдаваясь,
яркой–цепью заплетаясь.
Искры... Грохот,
хохот... хохот.
Новый быт куем в огне
с пляской пламени в горне
мех поет мотивом новым

ручники себе с задором
бьют,
куют.
Создают
в мире новые творцы
Комсомольцы – кузнецы.
Пламя. 1923, № 3, с.9.

Посвящаю Е.М.
Девушку,
с телом стальным,
встретил сегодня
в пути.
Выточен лоб,
золотистые кудри,
черные,
бездной глаза.
Радость великую,
счастьем овеянную
видел у девушки я.
Точит она
днем и ночью
без устали,
точит резцом
улыбаясь, под песнь.
Мыслями дерзкими,
радугой серою
сыплет опилки резец.
Девушка!
Радует.
Взор ее радостный,
взор ее ярко
горит.
Точит, все точит
резцами меняясь
девушка солнцем звенит!
Пламя. 1923, № 7, с.11.

Работнице
Из косо́й обвалившейся хаты,
из овьюженной мглы деревень,
с заводов, где дымом косматым
запутался будничны́й день,
с Севера, с Юга, с Востока,

ты, несущая радость в груди,
новой жизни испытанный токарь,
под крылья знамен выходи!
Ты, что в прошлом мужьями забита,
в этот день все заботы отбрось,
чтобы в гроб уходящего быта
забить приготовленный гвоздь.
Чтоб от Андов до русла, где Каспий
соленую пену клубит,
твой голос миллионный распял
этот старый, изглоданный быт.
Пламя. 1925, № 5, с.99.

А.Павлыч (псевдоним А.Костина)

Из цикла «Красный Октябрь»

1917

(Отрывок)

I.

– К оружию! Строй, товарищи, баррикады!!

– Эй гады!

Настал день –

Голь перекатная, «чернь»

Восстала и вас не страшится,

Бится решила, на смерть бится...

II.

– В гадов, ребята, свинцовые пули!

Правьте вернее железные дула!

Нам-ли страшится врагов?

– Маркс сказал и мы сами знаем –

Ничего не теряем,

Кроме оков.

Так не робей.

Бей их проклятых бей!!

Бух, – бах, пли...

Бух, – бах пли... пли...

III.

Мостовые в крови

И в мозгах...

В глазах страх,

А в ногах

На багрянных от крови камнях

Жертва за жертвою путь устилали.

– Пали, товарищи наши, пали!..
Лица героев суровые стали –
Взоры безумные в мушки впивались,
Пули свинцовые огненно рвались и рвались
В мрачную даль...
Цепко сжимали теплую сталь
Грубые руки...
Губы запекшиеся злобно шептали:
– Сук-ки!!
Мы–ль не страдали...
Эти–ли муки
Нам страшны,
Когда мы – рабы
Среди мук зарождались
И седые века в них росли, в них ковались...
А сегодня восстали на барикады
Бить и бить вас на смерть гады!!
Бух–бах, пли!..
Бух–бах, пли... пли...

IV.

– Шапки долой!
Стой, товарищи, стой!!
Тише!
Выше, знамена алые выше!
Враг пал! –
Даешь Интернационал!
Пламя. 1923, № 5, с.5.

Добросоцкий Д. (он же Д. Добротский)

Покинул я хату, друзей,
от темных шумящих лесов,
с широких зеленых полей
пришел я в железный завод.
Влюбился в горластый гудок.
Лишь он заревет – поскорей
тороплюсь, становлюсь за станок,
металл полирую в огне.
Пламя. 1923, № 7, с.11.

Быков

Журналу «Пламя»

Своим живительным огнем
сожгли ютящуюся тьму.
Перед рабочим красным днем
огню есть пища твоему.
К тебе от пашни, от станка
от шахты сумрачной и душной
уже протянута рука
с приветствием единодушным.
К тебе на зов идем, идем;
ты путь нам кажешь в жизни новой.
Твоим живительным огнем
сожжем позорной тьмы оковы.
Пламя. 1923, № 7, с.11.

Н. Сказин

О грядущем
Товарищ,
оторвись от дел,
вообрази:
он будет
строен и высок,
как тополя.
Рабочий – пахарь
через
сотни лет и зим
раскинет города
в пустых теперь
полях.
Не хат
соломенные крыши –
сад густой,
а в нем,
цветением горя,
дома – диковина.
И вечер
тихий и простой,
и свет – заря
им веют ласкою
родимой издавна.
За табуном
вернулись тракторы
с полей.

Их пылью палевой
ожгли
ветра и солнце.
Когда
сирен суровый рык
затих в листве,
то в тень
кудрявых лип
нырнули бронзовые.
Вон стал
мотор, оттараторив.
Парень–пахарь вышел,
пот отер,
застегивая ворот.
Он назвал
знакомый город...
Гуд пропеллеров...
и птица в синь
все выше.
С высот видна
ему
земля,
заласканная маем.
Как ветром взбиты
волны –
горы и холмы.
Мы нынче жизнь
в грядущем понимаем
А он...
лишь в настоящем
ловит дни
сетями мысли.
Выслушивая речи
радио–газет,
он в сумерках сойдет
в толпу
друзей знакомых.
И будет...
трудоу и ясный вечер
проведен
в семье
седого
заводкома.
Пламя. 1925, № 5, с.99.

РКСМ

Наливаются мускулы сталью,
В голове колесятся думы:
Дети в труде вырастают
Поколением смелым и умным.
Плечи, как крылья, все шире,
Взгляды острей и острей.
Мы – железобетонные лирики –
Рождены в социальном костре.
Смирнов В. Б. По следам времени. Из истории писательской организации
Царицына-Волгограда. 1996, с.24.

Константин Аргальский

Подруге
Я возьму тебя за руку –
загрубелая она,
но за то она борьбою
и трудом освящена.
В твои глазки василечки
я украдкой взгляну, –
я найду в них радость жизни
ласку, красную весну...
В наших взорах нет отныне
ни боязни ни тоски,
развернуть теперь должны мы,
силу мозга и руки.
Мы взлетим на встречу солнцу
властью радости любви.
Пусть сердечные червонцы
мчатся искрами в крови.
Пламя. 1923, № 3, с.9.

Константин Румянцев

Наш путь красивый и тяжелый
ведет к поющим берегам.
Мы бой принять всегда готовы:
мир хижинам, война дворцам!
Разбить оковы капитала

и перестроить белый свет –
идем мы с песней грозно-алой;
границ дерзанням нашим нет.
Трещат столбы капитализма,
их подрубить осталось нам.
Наш лозунг: к царству коммунизма,
мир хижинам, война дворцам!
Пламя. 1923, № 7, с.1.

В столетья
Все так же зла январьская пурга;
на Красной Площади все тот же Мавзолей;
все так же тысячи идут туда.
И сколько их прошло за эти сотни дней!..
И так же мерен башенный удар,
бросая дробью звук по мостовым.
Попрежнему у гроба коммунар
стоит суровым постовым.
Пройдут века и в вечность все погрязнет.
Его дела, как явь идущих дней,
у новых лиц в умах увязнет,
а на глазах: столетний Мавзолей.
И тысячи томов исписанных и порыжевших –
все об упрямом лбе, прищуренных глазах,
о днях, в пожарищах истлевших,
о годах, бомбами метавших страх...
Пламя. 1925, № 2, с.32.

Из цикла «Мать»
В смятеньи лет шаги грубели,
и тяжесть дней не видна на плечах;
не дни, а месяцы макуху ели,
но пыл в груди все-ж не зачах.
Взметнулись дни в багряный стяг,
подошвы ног панели мяли;
хоть жизнь груба – солдатский шаг,
но всякий час уверенней шагали.
И всякий час был с бою взят
под алым стягом бурных дней;
и всякий день победных дат
был виден в полыме зарей.
И не одна старушка мать
в слезах истерик плакала о сыне;

но что слезами можно взять,
когда закружен сын в пучине?!
Железная рука срывала тяжесть цепи
десятков и столетий лет,
веками в'евшихся кроваво в плечи, —
рвала, чтоб снова не одеть.
Ах мама, старенькая мама,
к чему морщин напрасный след;
я знаю, почему так рано
постигла участь горьких бед.
Суровых дней, метелью занесенных,
еще и девочкой, и в годах,
ты дни, в слезах пересоленных,
топила молча и узнала страх.
Ну, а теперь, жуя сухие корки,
ты сетуешь, что жизнь твоя в нужде...
Ах, слушай, мать...
Сыновьи ноги топчат Нью-Йорки
и алый стяг багрянит вдалеке.
Пройдут лишь дни, и старое заменят,
на баррикадах, взятым днем,
в кумач и шар земной оденут,
и сын придет с винтовкой за плечом.
Ах, мамы, глупенькие мамы,
да разве можно плакать и сесть,
когда на баррикадах, в волчьих ямах,
за каждым сыном смотрит смерть!..
Пламя. 1925, № 3-4, с.64.